ЖЗЛ

ЯН ЖИЖКА

1952

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЯН ЖИЖКА

(1370)—1424

Г. Ревзин

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ян Жижка по праву считается выдающимся военным талантом в чешской истории. За время своего гетманства Жижка создал постоянно действующую армию – хорошо организованную и обученную. Жижка разработал первый в Западной Европе воинский устав, который четко определял правила поведения воинов в бою, в походе и на отдыхе. Превосходный полководец с железной волей, он был крайне жесток при расправе с врагами. Сохранилось много рассказов о его мрачном характере и суровости, из-за чего он даже некоторое время носил прозвище «Страшный слепец».

- Григорий Исаакович Ревзин
  -
  - I. ВРАГ МОЕГО ВРАГА — МОЙ ДРУГ
  - II НА КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЕ
  - III. ЧЕХИЯ И ЧЕХИ
  - IV. ЛЮКСЕМБУРГИ
  - V. ВИФЛЕЕМСКИЙ ПРОПОВЕДНИК
  - VI. КОСТЕР В КОНСТАНЦЕ
  - VII. ПЕРЕД БУРЕЙ
  - VIII. ВОССТАНИЕ В ПРАГЕ
  - IX. ЖИЖКА И ПРАЖАНЕ
  - X. ПЕРВЫЕ ПОЛЕВЫЕ БОИ
  - XI. ТАБОРИТЫ
  - XII. БИТВА ЗА ПРАГУ
  - XIII. НА РОЗЕНБЕРГА!
  - XIV. ПРАЖСКИЕ СПОРЫ
  - XV. ЗАПАДНЫЙ ПОХОД
  - XVI. ПИКАРТЫ
  - XVII. РАЗГРОМ ПРОТИВНИКОВ ЧАШИ
  - XVIII. ЧАСЛАВСКИЙ СЕЙМ
  - XIX. СЛЕПОЙ ПОЛКОВОДЕЦ
  - XX. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
  - XXI. СМЕРТЬ ЯНА ЖЕЛИВСКОГО
  - XXII. ПРАВЛЕНИЕ КОРИБУТА
  - XXIII. ЖИЖКА ПРОТИВ ПРАЖАН
  - XXIV. ВОЕННЫЙ УСТАВ ЖИЖКИ
  - XXV. ШЕДЕВР ВОЕННОЙ ТАКТИКИ
  - XXVI. СВЯТОГАВЕЛЬСКИЙ СЕЙМ
  - XXVII. ДЕЛО У МАЛЕШОВА
  - XXVIII. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЯНА ЖИЖКИ
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

Григорий Исаакович Ревзин
ЯН ЖИЖКА

„…Все массовые движения средних веков выступали всегда в религиозном облачении, являясь как бы восстановлением раннего христианства, его спасением от наступившего вырождения; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались очень осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации богемских таборитов под руководством достославной памяти Яна Жижки…“

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 410.

„Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания“.

К, Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128–129.

„Чехи и словаки, два братских народа, члены великой славянской семьи, жили уже тысячу лет тому назад вместе в одном государстве… Они первые в Европе, в огне гуситской революции, сделали своим знаменем идеи свободы убеждений, народовластия, социальной справедливости“.

Из Конституции Народно-демократической Чехословацкой Республики (9 июня 1948 г).

I. ВРАГ МОЕГО ВРАГА — МОЙ ДРУГ

Крадучись между деревьев, прячась в густых зарослях, человек вышел на лесную опушку.

Был он немолод — лет сорока, невысок, коренаст. Из распахнутой поддевки домотканного сукна выпирала могучая грудь. На крепкой шее — большая, словно вырубленная топором, коротко остриженная голова. Большой нос, толстые губы. На польский манер, ниже бритого подбородка свисали черные усы.

Глаза, карие, умные, ни на миг не терявшие властного и гордого выражения, скрашивали эти несколько тяжелые черты.

Вышедшего из лесу можно было принять за крепостного, которого укрыл от панской неволи дремучий чешский бор. В ту пору, в начале XV века, немало таких беглецов бродило по горам и лесным дебрям Чехии.

Но нет, то не был простолюдин: на разбитых, измазанных грязью сапогах поблескивали рыцарские шпоры, у пояса висел короткий меч.

Рыцарь добрался до могучего дуба у края дороги, прильнул к нему. С опаской глядел он по сторонам из-под густой сени ветвей.

— Ни души, — вздохнул, наконец, облегченно. — Там, внизу, может, засада?..

В глубине лежала залитая лунным светом долина, опоясанная лесистыми холмами южной Чехии. Вокруг замшелой церковки мирно спали семь убогих хат. Чуть забылись под луною небольшие пруды. Поодаль, на пригорке, — обнесенный частоколом, ветхий деревянный замок.

Деревушка звалась Троцнов. Принадлежала она захудалому роду троцновских дворян.

Путник втянул полной грудью благоухание зацветшего троцновского луга. Здесь, среди этих холмов, протекла вся его жизнь.

Ян Жижка, рыцарь и сын рыцаря, пришел в родные места после долгой с ними разлуки. Вот уж год его неотступно преследуют по всей округе отряды Генриха Розенберга, богатейшего чешского феодала и первого сановника королевства — в прошлом Наивысшего бургграфа.

Между рыцарем и могущественным паном шла кровавая распря. Началось с того, что пану Генриху приглянулся Троцнов. Деревушка лежала в самом сердце обширных владений пана. Феодал предложил Яну Жижке, старшему в роде, продать ему деревушку. Рыцарь и слышать о том не хотел.

Тогда пан Генрих набавил цену — раз и другой.

Вдовый Жижка жил с младшим братом Ярославом, теткой, сестрой и дочерью в большой нужде. Несколько сотен коп пражских грошей[1] дали бы ему и семье его довольство и сытость. Розенберг посулил братьям еще и службу в его отрядах. Замолви вельможный пан словечко — и оба рыцаря могли бы наняться и того выгоднее: стать под знамена стольного града Праги или найти себе ратное дело при иностранном дворе, как то было в обычае беспоместных чешских дворян.

Но на троцновском погосте покоились мать, жена и отец Жижки. Подобно отцу своему, рыцарь Ян вот уж двадцать лет пахал своими руками троцновскую землю и (вместе с братом и пятнадцатью обязанными ему барщиной крестьянами убирал скудные ее урожаи.

Как было покинуть дедину?[2] Добровольно отдать ее чужаку?

Рыцарь указал посредникам Розенберга на дверь.

Могущественный пан не привык встречать отказа своим желаниям. Он не на шутку разгневался. На свет появились подложные записи в дворовых досках. Подкупленные свидетели утверждали согласно, что Жижка владеет Троцновом не по праву: троцновские земли исстари, мол, принадлежат Розенбергам.

Земский суд[3] вынес решение в пользу сильного.

В Троцнов пожаловал бургграф ближнего королевского города Будейовицы. На паперти троцновской церкви протрубил рог. Глашатай прочел приговор.

Приходилось смириться…

Однако рыцарь Ян решил дело по-иному: созвал верных ему людей и вместе с братом Ярославом ушел в леса, отослав Розенбергу боевую перчатку.

Но троцновский рыцарь затеял наперед проигранную партию — очень уж силен был пан Генрих. Одна надежда оставалась все же у Жижки: пан Генрих самому королю чешскому Вацлаву IV нанес тягчайшее оскорбление, когда пятнадцать лет тому назад похитил Вацлава и держал его в заточении в своих замках. Жижка знал, что королю совсем не за что любить всесильного магната. Потому он и надеялся: «Суд пошел за Розенбергом, а король будет за меня».

«Да и то, — говорил себе Жижка, — лучше сложить- голову за честь рода и за правое дело, чем склонить ее до самой земли перед насильником, почти что чужеземцем, который не раз похвалялся на пирах тем, что до конца онемечит Чехию».

Троцновский рыцарь с головой ушел в борьбу с насильником. А пан Генрих, узнав о первых налетах Жижки на его владения, поклялся, что изловит нищего прощелыгу, собьет с него шпоры и

повесит, как последнего холопа.

Но как ни усердствовал вельможный пан, Жижка не давался ему в руки. Мятежный рыцарь обманывал погоню, обходил засады и сам наносил ответные удары. Пылали города и местечки Розенберга, гибли его обозы с заморским добром, горели скирды на полях…

Вот и сейчас Жижку привел в родные места большой замысел против некоронованного владыки южной Чехии.

* * *

Ждут ли его этой ночью в Троцнове? Друзья там или недруги?

Рыцарь приложил ко рту сложенные ладони и трижды прокаркал вороном. В деревне кто-то, видно, чутко вслушивался в ночную тишь. В окошке ближней хаты затеплился и тотчас погас огонек. У раскрытой двери помахали раз-другой зажженной лучиной… Значит, розенберговских в Троцнове не было.

Жижка стал спускаться.

В хату крестьянина Микулаша Брады уже прибыли важные особы — посланец моравских панов Лихтенбургов и былой сосед Жижки, владелец замка Быстржицы молодой пан Краирж. Прискакал под покровом ночи и другой сосед, пан Алеш Битовский.

Вскоре явились переодетые крестьянами рыцари— бургграфы королевских замков Гуси и Звикова. Оба не раз укрывали Жижку и его людей в управляемых ими замках.

Панов и рыцарей, прибывших на тайное ночное свидание, свела воедино давняя ненависть к Розенбергу, желание отомстить чванливому вельможе, часто глумившемуся и над ними.

Троцновский рыцарь, поднявший оружие во имя попранной рыцарской чести, был для этих господ сущей находкой. Сами они ничем не рисковали. Все опасности и тяготы ложились на плечи былого владельца Троцнова.

Знатные господа уселись впотьмах на лавки вокруг корявого крестьянского стола, стали обдумывать смелый удар, как взять с налету Новоградский замок.

Новые Грады Розенберг укрепил так, что к ним и подступиться как будто невозможно. Это не то, что замок Словеницы — его Жижка захватил с двумя десятками людей.

Но пан Алеш бывал не раз гостем пана Генриха в Новых Градах и знает там каждую башню, каждый закоулок. У пана

Алеша есть среди стражи Новых Градов свои люди, добрые друзья. Они обещали помочь.

— Если ударишь темной ночью, в условленный заранее день и час, — горячо убеждал пан Алеш, — в сумятице сможешь прорваться, вот тебе мое вельможное слово!

— Наружный ров — в двадцать локтей… Проберешься, положивши длинные лестницы. Подъемный мост не на цепях, а на толстых канатах… Твои люди приставят те самые лестницы, обрубят канаты с двух сторон топорами. Мост упадет! С дозорных башен сразу подымут тревогу. Надо, не мешкая, всей дружиною кинуться влево, к решетке ворот наружной башни.

— Решетку перед тобою поднимут, — сообщал пан Алеш, — это уж моя забота. За башней будет новый ров. Второй мост опустят, — я и о том позабочусь. За мостом справа вход в главные ворога. Тут тоже откроют. Главное, не бросай лестниц, иначе все пропало… За воротами частокол и толстая стена с бойницами. У стены придется биться. Если всем сразу с налету — непременно одолеешь. Кто прорвется от стены на нижний двор, пусть обойдет господские покои и через ров и вторую внутреннюю стену с бойницами пробивается дальше, не бросая лестниц, в верхний двор.

— Из охраны все, кто только будет до конца сражаться за своего пана, — продолжал пан Алеш, — стянутся тогда в верхнюю башню. Пока они там с луками и самострелами — помни, замок не твой! Вход в верхнюю башню поднят на сорок локтей. Здесь-то и нужны будут лестницы! Они там, наверху, зажгут факелы и засыплют подход стрелами. Но как увидят, что твои люди по лестницам взобрались до порога и проникли внутрь башни, так всему делу и конец, — вот тебе мое вельможное слово! Сразу побросают мечи и самострелы! Вяжи их, приставь людей, а сам спускайся вниз и беги с остальными к господскому дому. С левого угла изнутри каменные сходни в подвал. Заберись туда, облей все, что горит, смолою — и прощай Новые Грады!

План был отчаянный. Но Жижке не раз удавались рискованные удары. А этот, при удаче, крепко подденет ненавистного врага.

Не раздумывая долго, троцновский рыцарь согласился.

* * *

Условившись о всех подробностях предстоящего дела, паны и рыцари покинули Троцнов.

Жижка с верным Микулашем вышли из хаты на волю, под озаренный луною небесный свод.

«Где дочка Анешка? — Микулаш отвез ее к пану Соколику. Там ее приютили друзья. — Тетка? — В Праге… С нею и сестра. Все три в надежном месте».

Рыцарь Ян вздохнул облегченно: хоть эта забота спала с его плеч. Обо всем постарался его Микулаш!

— Спасибо тебе, Микулаш, за верную службу!

Крестьянин стянул с головы войлочную шляпу, коснулся губами плеча Жижки:

— Вашей рыцарской милости предан до гроба!

До рассвета еще целый час. Рыцарь присел под дубом, где сорок лет тому назад его родила на свет матушка, Катерина Жижка. Затем поднялся, прошел над высохшим рвом по давно не разведенному мосту в заброшенный, покривившийся Троцновский замок.

Воспоминания обступили со всех сторон…

Вот здесь, в нижнем покое, началось его суровое детство. Здесь спал он в углу на куче соломы… На стене еще висит старое отцовское седло.

Мальчику не было и пяти лет, когда отец, рыцарь Ян, усадил его на Гнедого, туго связал ноги под брюхом и стегнул коня что было мочи. Конь сразу понес. Маленький Ян чуть было не свалился. Удержался, вцепившись ручонками в гриву.

— Добрый будет рыцарь! — порадовался отец.

Дна года длились эти уроки. А семи лет его отдали в пажи богатому рыцарю. Он прислуживал за столом, чистил одежду, носил письма с любовными и излияниями феодала даме его сердца, научился бренчать на цимбалах для услады слуха пирующих, когда в замок съезжались гости.

Четырнадцати лет посвятили его в оруженосцы. Он по-прежнему услужал за столом, резал пищу, разливал вино, подавал воду для омовения. Но он стал и нужным помощником рыцарю на поле битвы. С пятью другими юношами нес он оружие своего повелителя: то шлем, то латы, то копье, то меч.

А потом рыцарь заметил преданную службу оруженосца, его ловкость и силу и доверил ему вести своего боевого коня. Это было высшей для оруженосца честью.

Бывало в походе сдерживает он на длинном поводу горячего араба, а рыцарь впереди, среди других рыцарей, скачет на смирном иноходце. Но нот далеко перед ними заклубилась пыль: приближаются рыцари враждебной стороны. Мигом подводит оруженосец своему господину накрытого кольчугой коня, уже оседланного, с притороченной к седлу секирой. Другие

оруженосцы спешат обрядить рыцаря для боя. А он, старший, зорко следит за тем, как накладывают латы из двух десятков разъемных частей — наплечников, нагрудников, набедренников, наколенников, перчаток, как опоясывают рыцаря мечом, подвязывают к плечу копье.

Малейшая оплошность, допущенная в эту минуту, будет стоить рыцарю жизни. Плохо снаряженный для боя латник, отягченный многопудовой броней, в первой же стычке рухнет с седла и окажется беспомощным, как рак, выброшенный на берег. Он станет легкой добычей противника, который только и ищет случая запустить острие копья или меч в щель небрежно стянутых лат.

Юный Ян глядит, как сшибаются в смертельном бою «железные паны», — лошадь на лошадь, рыцарь на рыцаря. Он не спускает глаз со своего господина, держится к нему поближе и ждет знака — подать ли свежего коня, вложить ли в прикрытую бронею руку новое копье или меч.

Порою им овладевал горячий боевой азарт. Хотелось броситься на помощь, сразить врага ударом копья или секиры. Но, горе оруженосцу, который вздумал бы на поле боя поддержать рыцаря оружием. Если б даже далась рыцарю при этом победа, она стала бы горше поражения и смерти: навеки потерял бы рыцарь честь, уважение соратников.

…Предаваясь воспоминаниям, Жижка обошел замок, затем вдоль прудов вернулся к деревне.

Троцновская церковь напомнила ему о незабвенном дне его молодости: в тот день юношу двадцати одного года посвящали в рыцари… Торжество врезалось в память во всех подробностях. Всю ночь накануне провел он с рыцарем-воспреемником. Чуть забрезжил свет, его омыли водой, накинули на плечи белый балахон, подвесили на шею меч на серебряной цепи.

У алтаря, впереди толпы съехавшихся на торжество дворян, стояли отец и мать. Посвящаемый на коленях принял их благословение. Воспреемник надел на него рыцарские доспехи, снял с шеи меч и передал священнику. Потом снова принял его в свои руки, высоко поднял его и звонко ударил сталью в медь правого наплечника:

— Во имя Георгия-воителя посвящаю тебя в рыцари! Будь храбр и верен рыцарской чести.

И пристегнул к его сапогам шпоры.

А потом? Живо встали в памяти юношеские горести. Хотелось славы на поле боя, блеска рыцарских турниров… Но содержать боевого коня, оруженосца, пажей молодой рыцарь не мог. Пойти в наемники к богатому феодалу или торговому городу, продать

свой меч — гордость не позволила.

Так и случилось, что после долгой школы рыцарства, пройденной за годы детства и юности, Жижка, возмужав, получив шпоры, обратился по бедности в мирного мелкопоместного дворянина, рыцаря вне рыцарских забав, далекого от поединков и турниров, вне ратного дела.

Жил он с тех пор безвыездно в своей деревне и работал в поле, как простой крестьянин.

Рыцарь пожал плечами: уж не по своей воле теперь, в сорок лет, стал он орудовать секирой вместо плуга. Трижды проклятый Розенберг!

К Жижке подошел Микулаш:

— Скоро начнет светать.

— Да, Микулаш, мне пора! Прощай, да не забудь, передай всем троцновским: как скосят — пускай, не мешкая, свезут свое с поля. А что останется, господское, я все спалю до последнего снопа! Запомни мое слово: ни одного троцновского черна в закрома пана Генриха не попадет! Жди от меня вестей.

Жижка вернулся в лес…

А через три недели от Новых Градов осталась лишь груда пепла.

* * *

Розенберг стянул в свои владения сотни новых наемников: он решил во что бы то ни стало извести троцновского рыцаря.

Для Жижки настали тяжелые дни. Люди его в поисках пищи несколько раз — нападали на купеческие караваны, шедшие по главной торговой дороге в Будейовицы. У троцновского рыцаря появился новый могущественный враг — королевский торговый город. Будейовицы содержали в своих стенах несколько сотен хорошо вооруженных людей, особо обученных борьбе на торговых путях.

Зажатый в тиски между отрядами Розенберга и города Будейовицы Жижка изнемогал. Лучшие его люди гибли в жестоких сечах или, попав в руки врага, кончали свой век на дыбе и виселице.

К весне 1409 года кольцо преследователей, угрожающе сжалось. Троцновского рыцаря ждала скорая и неминуемая гибель.

Но тут нашлись у Жижки заступники в Праге.

Паны противной Розенбергу придворной клики били челом

королю. В апреле 1409 года Вацлав IV в королевском замке Жебрак продиктовал секретарю своему грамоту «на имя бургомистра, советников и общины города Будейовицы». Он повелевал им разрешить несогласия, возникшие между ними и рыцарем Яном Жижкой.

А в июле того же года другой своей грамотой Вацлав объявил, что «принимает в свою королевскую милость Яна, по прозванию Жижка, своего любезного подданного», и прощает ему все его Королевское повеление на этот раз направлено было не только Будейовицам, но и пану Генриху Розенбергу.

Побуждения Вацлава понять нетрудно. До нищего рыцаря ему не было дела, но он ненавидел Розенберга и ему назло вырывал из его рук затравленную добычу.

Пойти против королевской воли пан Генрих на этот раз не решился.

II НА КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЕ

В начале 1410 года до потерявшего свое поместье троцновского рыцаря дошла весть о том, что над славянской Польшей нависла опасность вторжения спесивых немецких феодалов — Тевтонского военно-религиозного ордена. Движимый сильным чувством славянской общности, Жижка, не колеблясь, пошел под команду пана Сокола из Ламберга, собиравшего рыцарский отряд на службу и помощь польскому королю Ягайле.

Летом того же года троцновский рыцарь был уже далеко за пределами Чехии. В отряде Яна Сокола он двигался на фланге славянского войска из Польши на север, к балтийскому побережью, в прусские владения ордена.

Ягайло вел навстречу немецкому ордену большую воинскую силу — девяносто хоругвей[4], около ста тысяч бойцов. Русских, украинцев, белорусов, пришедших на зов Польши и Литвы, здесь было сорок три хоругви, почти половина всей армии.

В ночь накануне битвы Жижка задумал было добраться до края ставших на отдых ратей. Целый час скакал он вдоль лагерных костров, а до конца стоянки все еще было далеко.

Всадники и пешие воины из Великой и Малой Польши, из Мазовии и Куявов… Большие русские дружины, закаленные в боях ратники из-под Смоленска, Новгорода, Полоцка, Брянска… Украинские отряды, пришедшие дать бой врагам славянства из далекой Киевщины, от Луцка и Кременца… Воины Белой Руси, витебские, минские.

Много было хоругвей, пришедших из Литвы, из земель Трокской, Вильнюсской, Каунасской.

В ожидании рассвета и решающей битвы с близким неприятелем мало кто спал. Воины сидели вокруг навешенных над огнями котлов, чистили и чинили оружие, ели, пили.

В сторонке раскинули островерхие шатры татарские конники, пришедшие из Золотой Орды на зов своего союзника, литовского великого князя Витовта.

15 июля, после полудня, выступившие из лесу славянские рати встретили на открытом огромном поле близ селения Грюнвальд развернутый строй рыцарей ордена. Белоснежные плащи с нашитыми по всю длину черными крестами, медные шлемы, чеканные доспехи, горевшие под лучами солнца, холодная сталь копий, тяжелые кони, забранные и кольчуги, — всесокрушающая, казалось, сила. Рядом с орденскими в тесном конном строю скакали закованные в латы светские рыцари,

навербованные во всех углах Западной Европы. За всадниками — несчетное пешее войско: копейщики, арбалетчики, лучники.

Завязалось сражение, ни в чем не похожее на рыцарские бои, какие приходилось видеть Жижке в междоусобных чешских войнах. Где только представлялся случай, псы-рыцари пускали в ход подвох, ловушку, нападали десять на одного, копьями добивали лежавших на земле раненых.

Тяжел был первый удар тевтонов. Польский летописец Длугош рассказывает: «Поднялся ужасный грохот и треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей. Шум от сражения разносился по округе за много миль. Воин шел на воина, оружие с треском ломалось, в лицо били стрелы. Но никто не сдвинулся с места, противники не уступали друг другу ни пяди земли. Только свалившийся с лошади или сраженный насмерть открывал свободное место противнику».

Два часа длилась рукопашная схватка. Затем Великий магистр ордена бросил свежий отряд рыцарей во фланг литовцам. Литовские хоругви не выдержали натиска, дрогнули, побежали… Судьба великой битвы, казалось, решилась… Но в этот тяжкий час спасли все дело смоленские полки. После бегства литовцев они приняли весь удар на себя. Русские воины истекали кровью, но не сдвинулись с места.

Польский летописец рассказывает:

«В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными хоругвями, стойко бились с врагами, и они одни не приняли участия во всеобщем бегстве: тем заслужили они бессмертную славу. Один из этих полков был жестоко изрублен, и даже знамя его склонилось до самой земли. Но два других полка, отважно сражаясь, одержали победу над всеми воинами и рыцарями, с которыми они бились врукопашную, пока не пробились к польским отрядам. Из всего войска Витовта только одни они стяжали себе в тот день славу отважных героев».

Прикрытое смолянами славянское войско сумело оправиться, собраться снова под знаменами, а затем и нанести врагу мощный ответный удар.

В это время повернули на врага и бежавшие с поля битвы легкие литовские конники.

— Литва возвращается! — пронесся крик по немецким рядам. Охваченные внезапной паникой, орды наемников побежали. Псы-рыцари снесли многим беглецам головы, пытались остановить растущий развал в своих рядах. Но отступающая лавина поглотила вскоре все войско…

Грюнвальдское поле обратилось в могилу Тевтонского

ордена. Полегли почти все его рыцари. Преследуемые по пятам, навербованные во всех углах Западной Европы пехотинцы массами гибли под ударами копий, мечей и секир.

Чешский отряд не раз врубался в самую гущу тевтонских рыцарей. Стальная рука Жижки, зажавшая секиру, разила метко. Многие ею соратники пали. Он выходил из сечи невредимым. Под напором врага иногда приходилось ему отступать, прикрываясь щитом от стрел. Затем, улучив минуту, пришпорив коня, мчался он снова навстречу тевтонам.

В этом сражении Жижку поразили впервые увиденные им полевые пушки. Было их у славянского войска до двухсот, а у ордена и того больше. То были пузатые посудины из кованого железа, стянутые толстыми железными обручами. Мастера порохового дела наполняли железную утробу сначала порохом, затем небольшими камнями или кусками свинца.

Управление полевой пушкой — нелегкая задача. Надо было подтянуть ее так, чтобы пушка отстояла от цели не дальше двух сотен шагов, и затем навести на противника. В сутолоке сражения, когда бойцы обеих сторон то и дело перекатывались по грюнвальдскому полю, неуклюжие орудия на возах, которые тащили лошади, редко поспевали, куда надо. Но там, где удавалось бухнуть из заряженной пушки по близкому неприятелю, смертоносный заряд сеял в рядах его смятение и ужас.

К исходу дня ратные товарищи Жижки преследовали разбитый отряд фламандских копейщиков. Фламандцы со всех ног бежали теперь к крепости из возов — громадному Вагенбургу, надеясь найти там спасение от нещадно топчущих конских копыт.

До возов добраться удалось немногим. Но те, кто укрылся среди них, стали из-за кузовов и колес отбиваться от преследующих всадников с удвоенной яростью. Возы ощетинились остриями копий. На чехов посыпалась туча стрел.

Чехи повернули коней вдоль сбитых в кучу возов, пытаясь найти среди путаницы дышел проход к укрывшимся, но прохода не было. Несколько смельчаков только покалечили коней и сами свалились под стрелами.

Жижка спрыгнул с седла прямо на поклажу, нагроможденную на тяжелом возу, замахнулся длинным своим копьем, пытаясь сверху достать залегших у колес.

Резкий удар, подобный удару бича, хлестнул его по лицу. Он свалился на землю и потерял сознание.

* * *

…Через месяц вдоль Вислы по дороге в южную сторону понуро ехал одинокий рыцарь. Он был без доспехов. Латы, секира — в переметных сумах. А на голове, несмотря на августовский зной, легкий шлем с длинным выступом поверх левого глаза. Под выступом — повязка на еще не зажившей и устой глазнице.

На долгом пути домой Жижка не проезжал села без того, чтобы польские крестьяне не звали его к себе в хату испить ковш браги или меду, напоить коня у колодца. Поместные шляхтичи почитали мл честь приютить у себя на ночь чешского воина, сражавшегося в войске их короля под Грюнвальдом.

С поляками Жижка изъяснялся без труда. Ему приятна была музыка польских слов, близких чешской речи. Его понимали, а кое-кто и сам не плохо говорил по-чешски, научившись тому при королевском дворе в Кракове, где чешский язык был в почете, или в Праге, если довелось учиться в знаменитом Пражском университете.

Ранней осенью добрался Жижка до родной земли. Крестьяне встречали его как героя-борца с ненавистным немецким дворянством. В городах ремесленники-чехи глядели на потерявшего глаз рыцаря с восхищением. Зато богатые немцы, если только дознавались, что рыцарь воевал против их ордена, не стесняясь, слали ему вслед свирепые проклятья. Иные, прикинувшись доброхотами, на ломаном чешском языке советовали повернуть, пока но поздно, назад, в Польшу, потому что, мол, король Вацлав велел «разбойничавших в Пруссии» всех до единого повесить.

В корчмах и на постоялых дворах хозяевами часто оказывались немцы. И хоть Жижка с порога показывал свой кошелек, его не раз спроваживали, не накормивши.

«Я бился с тевтонами у Балтийского моря, а их родичи готовы извести меня со свету здесь, в Чехии», — зло ухмылялся Жижка.

Он ехал в Прагу, где должны были быть сестра и тетка. От них он узнает, где дочь и брат Ярослав.

Влекла его в Прагу еще и надежда попасть на королевскую ратную службу. Правда, он опасался отказа: нужен ли королю кривой рыцарь?

В пути Жижка встретил бродячего проповедника, разговорился с ним; тот посоветовал ему сослаться при встрече с королевским вербовщиком на древние книги.

— Ты, рыцарь, скажи ему так: еще у старого Плутарха описано, как великие полководцы Ганнибал и Серторий нещадно колотили римские легионы. А ведь оба они были кривые! Расскажи ему это, да тут же и прибавь: «А мне-то, рядовому

рыцарю, разве не хватит одного глаза?» Если вельможный пан королевский вербовщик окажется человеком разумным, понимающим толк в древности, он из этой истории поймет, что воину всего нужнее храбрость и опытность в ратном деле, а уж что до глаз… два ли, один ли — как бог пошлет!

Осенью, в ранний утренний час, Жижка подъехал к Праге. С Витковой горы перед ним развернулась залитая солнцем живописная картина. Среди крутых холмов, увенчанных виноградниками и тенистыми рощами, привольно раскинулась столица королевства. По краям ее, над голубыми водами Влтавы, стояли два королевских укрепления, подобные грозным стражам. Слева — серые стены и бастионы Вышеградского замка. А справа, на Градчанском холме, — обширный и затейливый Пражский замок, место пребывания королевской семьи. Со всех сторон его окружали церкви и дворцы чешской знати.

У подножья Градчан, на берегу Влтавы, среди густой зелени садов розовел, похожий на резную шкатулку, дворец архиепископа. А неподалеку от него чудесное создание чешского зодчества, — словно выточенный из слоновой кости каменный Карлов мост, переброшенный через широкую реку. Мост вел на правый берег, к сердцу Старой Праги. В путанице кривых ее улочек Жижка различал тесные площади, увенчанное шпилем здание ратуши, множество взнесенных к небу прозрачных колоколен.

Коричневый и бурый Старый город сжимала каменная стена, иссеченная воротами, уставленная упорными башнями. Вплотную к Старому городу прижался пространный Новый город, бело-серый, совсем не похожий на старого собрата, с ровными улицами, с широкими площадями. Его охватывала полукругом вторая, как бы внешняя, стена с бесчисленными башнями и воротами.

Смутные, противоречивые чувства теснились в груди нищего рыцаря, пристально глядевшего на неповторимую по красоте своей картину. Ибо вместе с восхищением и гордостью было в сердце Жижки и неистребимое чувство отчуждения от всего городского.

В городах Чехии верховодили богатые немцы.

Еще в юности, когда Жижке случалось бывать в Будейовицах, он наталкивался там на каждом шагу на спесивых, ненавидевших все чешское немецких купцов.

Глядя на чешскую столицу, Жижка хмурился от невеселых дум. Что, если здесь, в Праге, придется каждый день с утра и до вечера проводить бок о бок с такими вот наезжими — купцами, студентами?.. Он слыхал, что и при дворе сейчас половина

вельмож немцы. Примут его в королевское войско, а его начальником окажется какой-нибудь граф или барон, не говорящий ни слова по-чешски, или — что и того обидней — чешский вельможа, не желающий знать языка предков…

* * *

Назавтра Жижка ожидал в стенах Пражского кремля, на Градчанах, выхода королевского вербовщика — важного придворного сановника. Здесь было несколько дворян, также добивавшихся службы под знаменами короля Вацлава.

Вербовщик нескольких принял, других отверг. Подошел к троцновскому рыцарю, спросил, кивнув на повязку:

— Где получена рана?

— Под Грюнвальдом.

— А на чьей стороне?

Вопрос не удивил Жижку. Он знал, что Вацлав, как и брат его, венгерский король Сигизмунд, был на стороне Тевтонского ордена. Помнил он и о том, что масса чешского рыцарства поддерживала поляков, считая это делом народного интереса и чести.

Высоко подняв раненую голову, Жижка отчеканил:

— На стороне Польши, ваша милость, против тевтонов!

Пан вербовщик смерил рыцаря взглядом от шлема и до шпор.

— Вот как! Вопреки ясной воле его величества?

Жижка ответил сдержанно:

— Воли короля не знал ни я, ни пан Сокол, воевода нашей хоругви.

То была правда. Приказы Вацлава, угрожавшие свирепыми карами всем, кто шел к Ягайле, появились, когда отряд пана Сокола был уже за пределами Чехии.

Но королевский вербовщик не унимался:

— Значит, после разбоя с нехристями — жмудинами и татарами — пан желает вступить в христианское войско его величества? Пристойно ли?..

Жижка перебил сановника:

— Перед вашей милостью чешский рыцарь. Я с детства научен делам чести. Вот эта рука снесла не одну голову под Грюнвальдом…

— Есть чем похваляться! — закричал разъярённый вербовщик. — За такое надо взять на расправу…

— За такое каждый чех поклонится мне в ноги — повысил

голос и Жижка.

— Это что же, бунт?! — завопил сановник.

Дело принимало плохой оборот. Но тут из-за угла показалась длинная торжественная процессия. Впереди шла королева Софья. Она возвращалась из собора по кремлевскому двору. За ней — свита челядинцев, панов и рыцарей.

— Почему здесь эти крики? И кто этот раненый рыцарь?

Болезненная, с выражением непроходящего испуга на некрасивом лице, королева Софья терпеть не могла шума и споров.

Вербовщик и Жижка отвесили низкие поклоны.

— Ваше величество! Рыцарь был у поляков под Грюнвальдом… Совершенно немыслимо принять… и кривой… в королевское войско… Нет, нет, немыслимо… — бормотал смешавшийся сановник. Он знал, что королева его не терпит, и старался как-нибудь замять историю.

— Ваше королевское величество, — еще раз низко поклонился Жижка, — осмелюсь сказать… у древнего Плутарха написано… великие полководцы древности Ганнибал и Серторий имели по одному глазу… И я, осмелюсь думать, обойдусь на службе его величества одним…

Королеве такая ученость понравилась. Она милостиво улыбнулась:

— Ваше имя, пан?

— Ян Жижка, из Троцнова.

— Ян Жижка?.. Ян Жижка?..

Софья нахмурила лоб, что-то припоминая. Затем тихо засмеялась:

— Рыцаря Яна Жижку с сегодняшнего дня беру на мою службу, — обернулась она в сторону своего бургграфа и, улыбнувшись снова кривому рыцарю, добавила: — То-то обрадуется пан Генрих Розенберг, увидав троцновокого драчуна среди моих людей!

III. ЧЕХИЯ И ЧЕХИ

Средневековое королевство Чехия было невелико. Ромбовидная площадь его — не больше территории Рязанской области. Большая диагональ ромбом равнялась всего 330 километрам, малая — 275.

Возвышения и горные цепи опоясывали со всех трон чешскую землю, прикрывая ее от внезапных вторжений.

Примерно в ста километрах от Праги, в северо-западном направлении, проходит длинная цепь Рудных гор. Это граница государства с немецким Мейссенским маркграфством.

Несколько далее от Праги, примерно в ста пятидесяти километрах, отстоит граница с юго-западной стороны. Здесь Чехию отделяет от Австрийского и Баварского герцогств покрытая буком высокая горная гряда, носящая славянское имя Шумава. В болотах и горных ключах Шумавы рождается полноводная Влтава, видевшая на своих берегах первые чешские поселения[5].

На противоположной, северо-восточной границе, тоже примерно в сотне километров от Праги, тянутся длинной стеною Изерские горы, Крконоши, Орлицкие горы. За ними лежали некогда славянские княжества Лужицы и Шлензк, к XIV веку захваченные немцами и обратившиеся в герцогства Лаузиц и Шлезиен — немецкие бастионы, выдвинутые клином между Польшей и Чехией.

И только к юго-востоку от столицы близкая граница обозначена небольшими мягкими поднятиями чешско-моравской возвышенности, за которой находилось Моравское маркграфство, заселенное единоплеменными чехам моравами.

В страну вело немало проходов и ущелий, таких, как знаменитое Домажлицкое ущелье в Шумаве, через которое не раз проникали из Баварии в Чехию враждебные рати. Эти проходы и ущелья постоянно и зорко охранялись.

Пограничные горы заходят множеством невысоких нагорий и хребтов в глубь Чехии. Их. названия — Смерчины, Жган, Дуповы горы, Брдский лес — уводят воображение в седую старину, ко временам, когда в стране еще только расселялись чешские племена. Такой же старой, ласкающей слух музыкой звучат названия рек, текущих к Влтаве и верховьям другой большой чешской реки, Лабы: Огра, Мжа, Упа, Орлица, Доубрава.

Чехия — живописный уголок Средней Европы. Обычный ландшафт — холмистая, изрезанная речными долинами местность, обильная водами и лесами. Но на севере, вдоль

верховьев Лабы, пролегла широкая низменность — житница королевства. На этой низине разбросаны древние города и местечки: Прага, Мельник, Болеслав, Кутная Гора, Часлав, Кралев Градец и множество других.

* * *

Те области Средней Европы, которые носят ныне имена Бранденбурга, Мекленбурга, Лаузица, Мейссена, были некогда чисто славянскими землями, густо заселенными племенами, жившими родовыми общинами. Они объединялись в союзы племен Бодричей, Лютичей, Лужичан, Поморян. Между нижним и средним течением Лабы и Одры[6], где жили эти родственные полякам и чехам народности, были многочисленные славянские города, цвела своеобразная народная культура.

Немецкие феодалы еще со времен императора Генриха Птицелова (X век) глядели с вожделением на эти богатые славянские области. Земли полабских славян стали первой целью немецкой агрессии, пресловутого «натиска на восток». Немецкое дворянство непрерывно бросало за Эльбу тяжело вооруженную, жадную до грабежа рыцарскую конницу.

Немецкие епископы и монахи, шедшие за Эльбу впереди немецкого рыцарства, проповедовали походы на полабских славян во имя крещения язычников, но несли они только убийство, поголовное ограбление, рабство. И полабские славяне жгуче возненавидели тех, кто крестил их в потоках крови.

Почти два с половиной века (X–XII) длилась кровавая агрессия немецких императоров, герцогов, маркграфов, баронов и рыцарей против полабских славян. Много раз славянские племена наносили немцам тяжелые поражения. Но борьба была неравной. И с каждым десятилетием немецкое дворянство все глубже проникало в славянские земли, пока не добралось до Поморья и Одры. Сопротивление было сломлено.

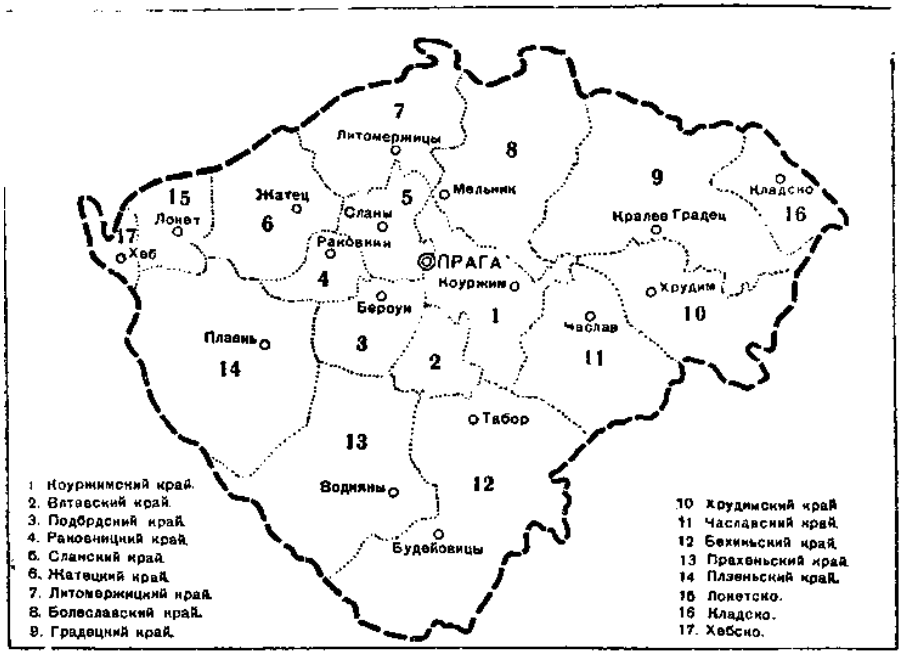
Так силой оружия и последующей колонизацией покоренных земель немцам удалось постепенно онемечить всю широкую полосу западнославянских княжеств между Лабой и Одрой, от балтийского побережья и до границ Чешского королевства.

Попытки немецких феодалов силой оружия покорить чешские земли закончились для них позорным поражением. К середине XIII века Чехия превратилась в самое сильное королевство Средней Европы.

Но натиск немецких захватчиков на Чехию не прекратился.

Он принял только иную форму. Научалось «мирное» проникновение в Чехию путем немецкой колонизации.

Впереди немецкой волны в чешские земли шел не беспощадный покоритель, как то было на низовьях Лабы, не крестоносец-воин, а чаще всего «дружественный» чешскому королевскому двору и панам немецкий дворянин, католический монах, церковник-прелат. За ними вслед тянулись в страну купец и ремесленник.



Административное деление Чешского королевства в XV веке.

Робко стучались в ворота королевства первые немецкие колонисты: у себя на родине они не имеют хлеба, покорно просят принять их в богатую Богемию. Трудом и преданностью отплатят они за гостеприимство и не доставят ни малейших хлопот королевским властям, потому что управлять своими общинами сумеют сами.

Цели немецких колонистов оставались, однако, такими же, как и в Прибалтике.

Чешские короли, найдя в немецких рыцарях надежную опору в своей борьбе против собственных, чешских 'феодалов, охотно приглашали к себе на службу немецких дворян и щедро одаривали их землями.

Подобно другим венценосцам средневековой Европы, чешские короли постоянно нуждались в деньгах. Как было королям не воспользоваться представлявшимся случаем и не «даровать» купцам и ремесленникам из Баварии, Саксонии,

Франции, Австрии, желавшим поселиться в Чехии, требуемые ими городские привилегии, когда те предлагали за них золото?

Чаще всего чешские короли сами настойчиво звали к себе в королевство немецких мастеров и купцов, привлекая их заманчивыми льготами.

Глядя на короля, монастыри и паны тоже принимались сулить всякие привилегии чужестранцам, готовым поселиться в монастырских и панских городах либо возвести новые торговые и ремесленные городки и местечки на их землях.

Немецким колонистам предоставляли широкие льготы, разрешали создавать свои органы городского самоуправления, иметь свою юрисдикцию.

Это городское самоуправление немцев строилось уже на основе не чешского, а нюренбергского и магдебургского, то-есть немецкого, городского права.

В скором времени в большинстве чешских городов и особенно в Праге, Плзне, Кутной Горе немецкие богачи стали играть руководящую роль. Они захватили в свои руки органы городского самоуправления, суд, собирали с населения городские налоги.

К XIV веку многие поселенцы уже обратились в богатейших купцов-патрициев'. Стремительно росла их сила.

Мало того, немцы-патриции стали настойчиво домогаться влияния и на политическую жизнь королевства. Все чаще немецкий патрициат Праги вмешивался не только в споры между королями и чешским вельможным дворянством, но даже и в дела чешского престолонаследия. Когда вымерла национальная династия Пржемысловичей, пражские патриции сыграли немалую роль в приглашении па освободившийся трон Люксембургов.

Чешские купцы и ремесленники, оттесненные немцами, находились в своих городах в несравненно менее выгодном положении, чем немецкие поселенцы.

Для немцев подчас освобождали от чехов целые города. Пожалуй, наиболее ярким, но далеко но единственным проявлением такого произвола было сселение чехов из Малой Стороны, третьего входившего в состав большой Праги города, Король Пржемысл II (1253–1278), ярый поклонник немецкой колонизации, в середине XIII века, изгнав из Малой Стороны всех чешских купцов и ремесленников, отдал город немцам.

Чех постоянно наталкивался в городских церквах на немецкую проповедь, в судах — на немецкое судоговорение, часто получал в хозяева и управители людей немецкой речи. Со всех сторон теснили его чужой говор, чуждые ему обычаи и жизненный уклад.

Богатые немецкие бюргеры[7] не желали знать речи коренного

населения.

Онемеченный королевский двор, онемеченное высшее дворянство, онемеченная верхушка католической церкви, почти целиком немецкое управление городов… Все эти могущественные в средневековом государстве силы стремились к одной цели:.принудить чешский народ предать забвению свое национальное прошлое, свои обычаи, свой собственный язык, сокровищницу народности — богатый, гибкий чешский язык, который «был в то время более развитым, чем немецкий»[8].

* * *

Городская община средневековой Праги принимала в число полноправных горожан с большим разбором. Чтобы стать полноправным горожанином, надо было владеть недвижимым имуществом, внести крупную залоговую сумму, большой общинный взнос, а сверх того быть еще угодным городским советникам (коншелам), главе городского самоуправления, являвшемуся и главным судьей города (рыхтаржу) и его помощнику — бургомистру (нуркмистру). Этими должностными лицами, за редким исключением, были немцы. Они очень неохотно предоставляли право горожанина поселявшимся в городе чехам.

Однако, нуждаясь в подсобной рабочей силе и прислуге, немцы охотно «позволяли» чехам селиться в Праге и других чешских городах на положении бесправных горожан, которых по-чешски шали подругами.

По мере роста городского населения бесправных недругов, не имевших влияния на управление, становилось все больше. Они ютились в хибарках, расположенных широким кольцом вокруг городского центра, застроенного хоромами именитого немецкого купечества и богатейших ремесленных мастеров.

Несмотря на все это, на протяжении XIV века и Праге и других городах быстро росло чешское ремесло. Много было чехов-мастеров, подмастерьев н учеников в цехах кузнецов, замочников, часовщиков, седельников, солодовников, ткачей, пивоваров, пекарей.

Постепенно складывалась своеобразная картина чешского средневекового города: на вершине его, и городском управлении, в торговле, в ростовщичестве— почти одни немцы, образующие тесно спаянное сословие городского патрициата. Но в ремесле — все усиливающаяся роль чехов. А нижний слой городского

населения — бесправные подруги, плебеи, составлявшие численно основную массу, были сплошь чехи.

В XIII и XIV веках в городах средневековой Чехии шла острая социальная борьба. Противоречивы были интересы купечества и ремесленников. Постоянное стремление ремесленников самим сбывать на рынке изделия своего ремесла, ограничивалось в тех городах, где власть была в руках патрициата. Здесь вся выгода от торговли изделиями ремесла шла торговому сословию.

У влачивших полуголодное существование бесправных плебеев Праги были свои требования к городскому управлению. Они хотели свободного подвоза продовольствия, надеясь таким образом получать более дешевый хлеб. Ремесленники обещали нищему городскому люду отменить привилегии купцов на торговлю хлебом и мясом, если только получат они в свое ведение городское управление. Такими посулами ремесленным цехам удавалось нередко привлекать городскую бедноту на свою сторону.

* * *

Любопытные изменения происходили в это время в правящем классе страны, в ее панстве. Осевшая в стране немецкая знать, щедро наделенная поместьями за службу чешским королям, стала задавать тон в феодальном обществе. Среди чешских панов мода на все немецкое, преклонение перед обычаями и языком соседей доходили до того, что они начали стыдиться своих древних родовых имен и меняли их на немецкие. Знатные паны Зайцы обратились в Шелленбергов, Красики — в Швамбергов, могущественные Витковичи — в Розенбергов. Замки феодальной знати строились теперь на немецкий образец — из камня, на вершинах холмов. Эти дворянские гнезда получали названия: Штернберг, Розенберг, Винтерберг. Среди феодалов Чехии укоренился обычай именовать себя по родовому замку — Петр из Штернберга, Ченек из Кунштата.

Немецкая колонизация сыграла пагубную роль в развитии чешского народа. Прежде всего массовое проникновение немцев в Чехию уничтожило этническое единство населения страны: в ней появились две народности; при этом немецкая (пришлая) оказалась в привилегированном положении.

Проникновение немцев особенно тяжело отразилось на положении чешских крестьян и горожан. По отношению к крестьянам немецкие дворяне, богатое духовенство и монастыри

выступали безжалостными феодалами-эксплуататорами. Чешские купцы, ремесленники и городская беднота были недовольны засильем немецкого патрициата в органах городского самоуправления, в торговле и промышленности. Многие ремесленники попадали и финансовую кабалу к ростовщикам-немцам, а городская беднота подвергалась неслыханной эксплуатации.

Вскоре немецкое проникновение в Чехию нанесло удар и по интересам господствующих классов, которые покровительствовали немецкой колонизации. Чешские паны увидели, что большая часть земель оказалась в руках немецкого духовенства, а попавшие на службу к королю немецкие дворяне стали оттеснять чешскую знать.

Немецкая колонизация принесла вред и королевской власти. Она, в конечном счете, не усилила, а ослабила ее.

Немецкие патриции и бюргеры чешских городов, а также немецкие феодалы и духовенство не были заинтересованы в усилении власти чешского короля и ориентировались на Германию, на немецких князей.

* * *

Превращение значительной части немцев-колонистов в эксплуататоров чешских крестьян и городской бедноты, засилье немецкого духовенства в церквах и монастырях Чехии, господство немецкого патрициата в городах — все это создавало в средневековой Чехии своеобразную обстановку, в которой всякая социальная борьба неизбежно должна была переплетаться с национальной борьбой и придавать ей более широкий размах.

Такие сложные национальные противоречия наложили определенный отпечаток на характер чешского народного движения, вспыхнувшего в первой половине XV века.

Корни этого движения лежали в весьма своеобразных общественных отношениях, сложившихся к тому времени в Чешском королевстве, в глубоком кризисе всего чешского феодального общества.

Со времен, уходящих в раннее средневековье, чешские венценосцы в борьбе с беспокойными соседями стали искать себе опору в католической церкви[9].

Длинная череда пап, весьма ловких политиканов в тиарах, обратила эту церковь в некую «надмирную» власть, стоявшую над государствами и королями.

Римский папа и его курия[10] могли, как никто, помочь при трудных внешних делах дипломатическим вмешательством, а когда надо было — и прямым военным давлением. В средневековье не было силы могущественнее Рима. И чешские короли часто обращались за помощью к папе.

Но католическая церковь дорого продавала свое благоволение. Она требовала полной независимости церкви, неподсудности монахов и священников королевскому и панскому суду. Но больше всего домогалась церковь неприкосновенности ее владений и имуществ.

Получив от чешских королей все требуемые гарантии, церковники принялись прибирать к рукам поместье за поместьем, один кусок чешской земли за другим.

Паны, рыцари, городские богатеи и короли желали жить в добром согласии с могущественной и вездесущей церковью. Добиться дружбы церковников и обещания царства небесного, отпущения всех содеянных и будущих грехов можно было только одним способом — дарением церкви своего земного достояния, отказом ей по завещанию земли, домов, денег. Эти блага притекали широкой струей к монастырям, церквам, к пражскому архиепископству. Церковные поместья округлялись и ширились за счет соседних земель.

У таких деловых людей, какими были монахи, деньги не лежали недвижно. Святые отшельники отдавали их в рост. Крестьянин, у которого сгорела хата, разорившийся ремесленник или купец, обнищавший рыцарь, если не могли достать взаймы у друга или соседа, шли к монастырскому казначею. Надо было долго бить поклоны перед иконами, молиться и поститься, чтобы в конце концов, поклонившись в ноги игумену, получить денежки на грабительских условиях.

Монастыри стали первыми ростовщиками чешской земли, первыми ее банкирами.

Поразительное умение вымогать деньги католическая церковь проявляла, соприкасаясь с низами чешского народа, с маломощными, но многочисленными своими данниками — крепостными крестьянами и бедным городским людом. Не простая задача — отнять у бедняка последний грош. Чешские церковники владели в совершенстве этим искусством.

Там, где крестьяне отрабатывали барщину на монастырских землях или платили монастырю оброк, церковники получали от них доходы по праву господина — феодала. Но феодал-церковник, в отличие от феодала светского, был хозяином не только труда, но и души своего крепостного. Это и позволяло ему выманивать у своего крестьянина сверх барщины или оброка еще

и обереженную про черный день копейку, пользуясь для того укорененными им же в душе крестьянина суевериями, опутав его ужасами загробных мук. Как пишет Энгельс: «…пускались в ход (наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки — все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни… Чтобы вырвать у народа еще большее количество денег, прибегали к изготовлению чудотворных икон и мощей, устройству благочестивых паломничеств, торговле индульгенциями, долгое время имея в этом большой успех».

К началу XV века католической церкви принадлежала половина всей земельной собственности в королевстве, в то время как земельные владения короля составляли всего лишь одну треть земельной собственности страны, а земельные владения панов, рыцарей и городских патрициев вместе— одну шестую этой собственности.

Таким образом, могущественнейшим феодалом и Чешском королевстве была католическая церковь.

В стране насчитывалось свыше ста монастырей. В одной только Праге их было двадцать пять: восемнадцать мужских и семь женских. Здесь были представлены все монашеские ордена католического мира: нищенствующие — францисканцы, доминиканцы, августинцы; военно-монашеские ордена крестоносцев, «мальтийцев, рыцарей гроба господня; монахи не нищенствующие и не воинственные — бенедиктинцы, целестинцы, премонстранты и много других. Одни щеголяли в атласных плащах, со шпагой у бедра, позванивая серебряными шпорами; другие ходили босые, перепоясанные веревкой, надвинув низко на лоб капюшон тяжелой грубой рясы, подобной власянице.

Но как бы они ни выглядели, это были подлинные хозяева — страны, держатели ее земельных богатств, крепостники, выжимающие соки из чешского крестьянства.

В знак покорности и смирения монахам пробривали темя, как это делали некогда с рабами в Греции и Риме. Но со временем эти «рабы божьи» обратились в не знающих над — собой управы, требующих власти и почета честолюбцев и безудержных распутников. Такое перерождение черного духовенства было закономерно и неизбежно: вечное безделье и наложенное уставом, но никогда не осуществляемое на деле безбрачие создавали в их обиталищах гнилую, пронизанную лицемерием атмосферу.

Но главное зло таилось в неуемной жажде стяжания. Под обманчивым покровом святости, отрешенности от мирских

интересов в монастырях рано угнездились торгашеский дух, ростовщичество, всякие разновидности вымогательства и взяточничества, мошенническая продажа тут же фабрикуемых «слез христовых», «волос богородицы», а то и пропусков в рай — индульгенций.

«Откуда в духовных пастырях взяться такой жадности? Разве не должны священнослужители жить в евангельской бедности?» Среди пасомых мирян, глядевших на алчных пастырей, подобные еретические мысли возникали всюду и с давних времен. Церкви то и дело приходилось подавлять их суровыми карами, отлучениями и кострами.

Побуждая чешских королей и светских феодалов к щедрым дарениям, выматывая силы своих крепостных барщиной и оброками, опустошая кошельки деревенского и городского люда при помощи священных реликвий и всяких иных чудес, монахи в Чехии вели на глазах у народа жизнь вызывающе разгульную, обжорную и распутную.

Народ глядел на это непристойное зрелище со все возрастающим гневом. Возмущение усугублялось еще и тем, что большая часть монахов были немцы — невежественные проходимцы, прибывшие в Чехию на легкие хлеба. Очень часто они не умели даже прочесть молитву. В Чешское королевство их звали обычно настоятели-немцы. Чехов во главе чешских монастырей не было совсем.

Верхи белого духовенства были развращены не менее монахов.

Чтобы получить сколько-нибудь важную церковную должность в королевстве, надо было прежде всего понравиться Римской курии, а затем заплатить ей. В Риме для этой цели имелась подробно разработанная шкала. Например, возводимый в сан архиепископа Чехии уплачивал курии «сервиций» [11] — взятку в две тысячи пятьсот золотых дукатов. Епископская кафедра, как менее доходная, расценивалась ниже. Еще меньше платили Риму за церковный доход от деканства, пробства, каноний[12].

На римском рынке церковных должностей сан получали нередко люди, не имеющие ничего общего с делами духовными, — военные, придворные, а то и малолетние дети. Разумеется, они не знали богослужения, порой никогда и не бывали в своей церкви. Но оттуда в их карманы притекали «доходы». Для них это была выгодная коммерция.

Глядя на папу, все священнослужители меньшего сана — архиепископы, епископы, викарии — за всякую пожалованную ими низшую духовную должность, за всякий, как они выражались,

«церковный доход» требовали себе мзды. В Чешском королевстве было свыше двух тысяч приходов. Это определяло размеры торговли.

В конечном счете, все оплачивала паства. С нее вымогали за поминальные службы, венчания, погребения, крещения. Всякий чех, который хотел получить доступ к чему-либо, связанному с церковью, должен был прежде всего широко раскрыть свой кошелек.

О том, как доходно было служить католическому богу в Чешском королевстве, видно из таких взятых наудачу цифр: архиепископ пражский владел четырьмя стами сел и местечек, двенадцатью городами и четырьмя замками. Совет каноников Вышеградского собора был собственником сорока одного седа. Сорока каноникам собора в Пражском кремле принадлежала сотня деревень, а соборный пробст был владельцем обширного поместья да еще двенадцати усадеб поменьше.

Но помимо рыщущих по всей стране жирных, наглых, распутных монахов, этой, по выражению Энгельса, «бесчисленной жандармерии»[13] церковных прелатов, помимо высшего и среднего белого духовенства, обратившего церковный культ в источник крупных для себя доходов, была еще масса низшего духовенства, священников сел и пригородов.

Это были «чернорабочие» церкви. Не имея никакой доли в церковных богатствах, они жили бедно, не лучше крестьянина или цехового подмастерья. Эти бедняки в потертых, заплатанных рясах каждодневно общались с толщей народной, как никто, знали ее нужды и чаяния.

В отличие от обитателей монастырей, от епископов, каноников и других «генералов» церкви, чаще всего немцев, деревенские священники были сплошь чехи. Они говорили с народом на родном языке.

Живя в постоянной нужде, деревенские священники питали далеко не добрые чувства к стоящей над ними иерархии. Естественная ненависть плохо вознаграждаемого приказчика к верхам, ведущим праздную и беззаботную жизнь, усиливалась острым чувством обиды на то, что эти тунеядствующие верхи состояли из людей пришлых, ничего общего не имеющих ни со страной, ни с народом.

Постепенно в недрах низшего чешского духовенства назревали настроения, весьма опасные не только для католической церкви, но и для всей системы феодального угнетения, так как бедные священники деревень и пригородов становились выразителями дум и чаяний угнетенных народных масс.

* * *

Издавна завоеванное церковью совершенно независимое положение — недоступность церкви для посторонних, нецерковных влияний, свобода от каких-либо обязательств перед светской властью — превращало церковные земельные владения в настоящее государство в государстве. Ни король, ни его вельможи не смели даже помыслить о том, чтобы в какой-либо мере посягнуть на церковные латифундии, либо на их доходы. Ведь это значило бы привести в движение карающую руку церкви, восстановить против себя всемогущую Римскую курию.

Недвижимые богатства, которыми владели монастырь или церковь, никогда не продавались, не дарились, не переходили по наследству, не могли стать выморочными. То, что оказывалось во владении монастыря или церковного капитула, никогда уже не меняло хозяина.

Иначе обстояло дело с землями светских владык с королевскими, панскими, рыцарскими поместьями, раскинувшимися вперемежку и рядом с церковными.

Под влиянием быстрого развития товарно-денежных отношений и городской культуры феодалы все больше отходили от патриархальных нравов, приобретали навыки роскошной жизни. «…Потребности дворянства настолько выросли и изменились, что даже и ему стали нужны города; ведь оно же получало свое единственное орудие производства — свой панцырь и свое оружие из города! Сукно, мебель и украшения, производящиеся внутри страны, итальянские шелка, брабантское кружево, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все это, за исключением мыла, оно получало у горожан» К

Чешского феодала влекли соблазны средневекового города и все сильнее терзала потребность в деньгах. Как мог он увеличить свои денежные доходы? Было два возможных решения. Первое — побольше выжать из крепостного крестьянина. Ступив на этот путь, вельможные паны скоро обратили жизнь своих крестьян в сущий ад.

Прежде всего они стали охотно переводить своих крепостных с барщины на денежный оброк. В то время потребность города в продуктах крестьянского труда — продовольствии и сырье — непрестанно росла. Крестьянин выручал на рынке все больше денег. Но львиная доля его дохода уходила на оброк пану.

Однако и этого пану было мало. По феодальному праву он являлся судьей своего крепостного. И феодалы широко

пользовались сельским судом для откровенного вымогательства штрафов за всякие измышляемые провинности.

Затем паны начали отнимать у сельских общин их выпасы для скота, распродавать луга под плуг. Они допускали крестьян пасти скот на отнятых пастбищах только за особую плату. Крестьяне должны были платить феодалу и за охоту в его лесах и за рыбную ловлю в его прудах.

Широко распространенным методом увеличения феодальных повинностей с крестьян со второй половины XIV века становится перевод чешских крестьян на вечно наследственную аренду. До этого крестьяне жили общинами и считались держателями дворянских земель «пожизненно». Феодал имел право после смерти держателя согнать наследника с земли. Однако это наносило ущерб доходам феодала, поэтому своим правом он почти никогда не пользовался.

Таким образом, чешские крестьяне из поколения в поколение передавали свои земельные наделы по наследству и считали себя наследственными держателями.

Переход крестьян на вечно наследственную аренду феодалы использовали для увеличения поборов, требуя уплаты специального выкупного платежа.

Переводили крестьян на «новое право» чаще всего насильственно.

* * *

Другой путь к увеличению доходов панства — расширение поместных владений.

Посягать с оружием в руках на церковные земли паны не смели. Тем больший соблазн увлекал их в сторону королевских владений.

Земли, принадлежавшие чешской короне, с их богатыми королевскими городами и крепкими замками, были на протяжении XIII и XIV веков объектом нескончаемых военных атак вельможного папства.

При слабых королях панам удавалось отгрызть добрый кусок от этого вкусного пирога. Но по мере усиления борьбы королевской власти с феодальной раздробленностью мятежные феодалы все чаще терпели поражения. Короли собирали вокруг себя враждебных панству рыцарей, воинские силы городов, склоняли на свою сторону церковь. Тогда панам приходилось худо. Король отнимал не только то, что захвачено было у него, но

и похищенное у его отца и деда. Королевские рати вытаптывали земли мятежного пана, сносили до основания его замки, а пойманного вельможного мятежника нередко вздергивали на перекладине.

Панство и рыцарство представляли собою две ветви чешского феодального класса. Однако их общественные, политические и хозяйственные интересы часто были несходны. Больше того, в борьбе за влияние в чешском средневековом феодальном государстве паны и рыцари нередко-вступали в острую и длительную борьбу.

Паны захватили все государственные посты, в королевстве, принудили королей обратить ряд высших должностей в вознаграждаемые синекуры, переходящие по наследству в именитейших панских родах. Это шло прямо против интересов рыцарства.

Чешское рыцарство видело свою защиту в сильной королевской власти, тогда как панство направляло свои усилия на то, чтобы держать эту власть в состоянии постоянной слабости, старалось обратить королей Чехии в послушное орудие своих корыстных интересов.

Подавляющее число чешских рыцарей не имело земельных владений, достаточных для богатой и беспечной жизни. Многие из них жили бедно. Поневоле приходилось итти в наемники к королю, пану или богатому городу.

Рыцарь, не состоявший на королевской или панской службе, легко обращался в типичного для средних веков деклассированного дворянина. В запущенном деревянном замке, похожем на обыкновенную крестьянскую избу, жил он с семьей, почти ничем не отличаясь от нескольких своих крепостных.

Однако мало было чешских рыцарей, которые считали бы совместимым с рыцарской своей честью заняться чем-либо, кроме работы мечом. Брать силой то, что рыцарю не принадлежало, — отвечало понятиям рыцарской морали. Поэтому с удивительной легкостью многие из них вступали на путь хищничества и разбоя. Нападать на купеческие караваны, вымогать выкуп у пленников, выворачивать карманы пойманных на дороге путников было излюбленным рыцарским «промыслом» в ожидании настоящего дела, когда нагрянет внутренняя война и какая-нибудь сторона позовет их под свои знамена.

* * *

Крепостной чешский крестьянин был основой всей общественной пирамиды феодальной Чехии. Рыцари и важные паны, монахи и белое духовенство, король и его двор, многочисленные королевские чиновники и управители, наконец, растущие за крепкими стенами феодальные города — все это кормилось от его трудов.

Положение чешского крестьянина к началу XV века лучше всего определить как полукрепостное.

Когда феодал продавал, дарил или завещал принадлежащую ему землю, то вместе с ней переходили к новому владельцу и крестьяне этого феодала.

Крестьяне, со своей стороны, имели право перейти от одного господина к другому. При этом они обязаны были вернуть прежнему своему пану его землю да сверх того уплатить ему немалый выкуп «за свою душу». Понятно, что крестьяне редко могли пользоваться своим правом.

Все чешские летописцы утверждают, что к началу XV века чешское крестьянство охвачено было сильным брожением. Корни недовольства лежали, несомненно, в разнузданном произволе чешских крепостников, светских и духовных. Особенно тяжки и разорительны были денежные повинности. Несмотря на то, что многие земские постановления ограничивали их, феодалы увеличивали поборы непрестанно, в обход решений сеймов.

Чрезвычайные земские подати становились обыденным явлением. Феодал вымогал деньги за право вступить в брак, за освобождение крестьянина от службы в его пешей рати, за пользование лугом, лесом, рекою.

Всей своей тяжестью обрушивались на чешского крестьянина феодальные войны. Грабежи и опустошения, чинимые проходящими войсками, ужасны. Кони вытаптывают хмельники и огороды, чужестранные наемники вырубают плодовые деревья, мнут и сжигают скирды хлеба, подкладывают факелы под соломенные кровли крестьянских хат.

Нападение рыцарей на чешскую деревню.

Прокатится такой шквал по крестьянским полям, и крестьянин — трудолюбивый муравей — начинает заново восстанавливать разрушенное хозяйство. Но это стоит больших денег. Понуро бредет разоренный в монастырь за займом. Он знает: там надо платить грош на грош. Чтобы покрыть долг в срок, приходится продавать свой хлеб на корню, шерсть — на овце.

Крестьяне стараются оградить себя от буйства вооруженных толп, то и дело навещающих их поля и жилища. Они окапывают деревни рвами, окружают стеною деревянную церковь. За этой стеною они прячут в лихое время свой скот и домашний скарб.

Но что может сделать безоружный деревенский люд против хорошо вооруженных грабителей? Взять крепостному оружие в руки для своей защиты — значило совершить преступление.

Крестьянин мог держать копье только по велению пана, становясь в его пешее войско. А служба в войске пана — великое бедствие. Крепостной крестьянин наверняка сложит голову в первом же бою. «Средневековая пехота, — пишет Энгельс, — комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состояла главным образом из копейщиков и большей частью ни на что не годилась. У рыцарей, покрытых с ног до головы железом, было любимым спортом въезжать поодиночке в эту незащищенную толпу и беспрепятственно ее уничтожать».

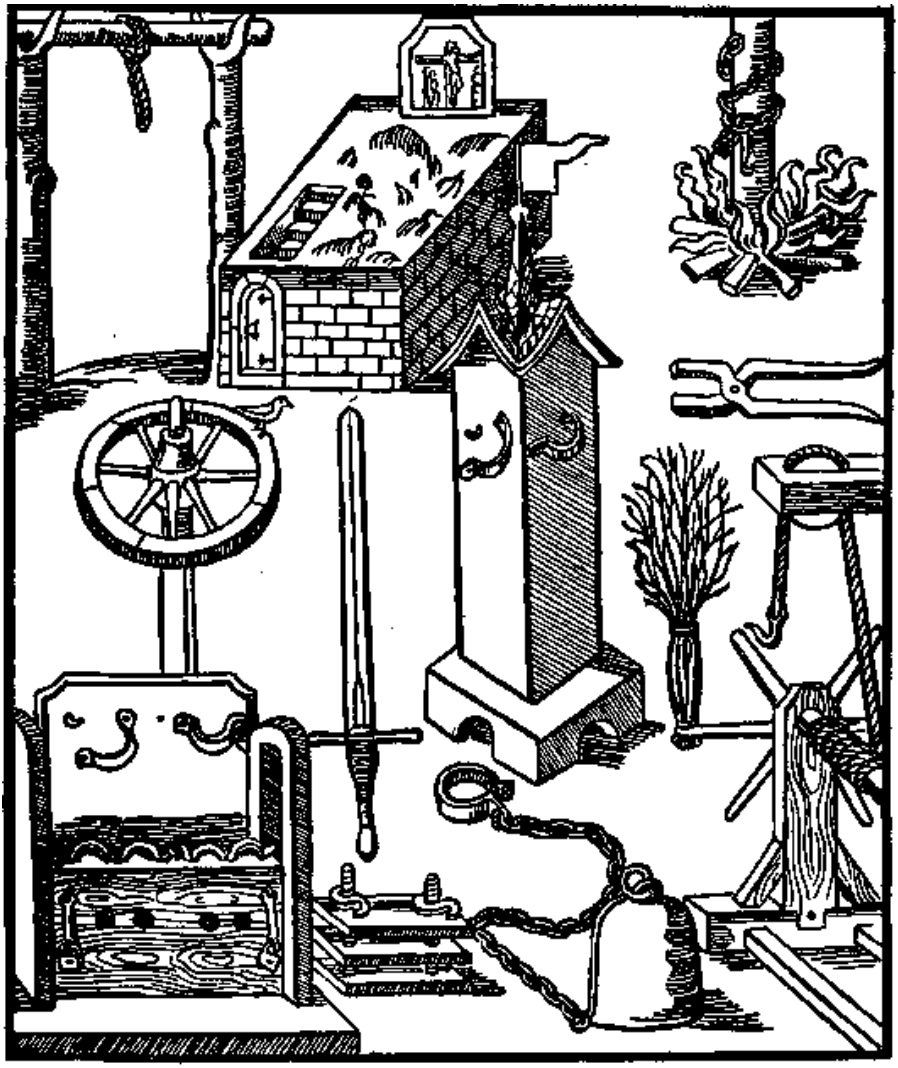
Понятно, что от чести такой ратной службы крестьянин, если только мог, откупался.

Страшнее всякой войны был для крепостного гнев господина. Если пан видел в своем крестьянине склонность перечить, усматривал проявление непокорности, он, как судья, брал крепостного на опрос и расправу в свой замок. «Он в любой момент мог бросить крестьянина в башню, где его тогда ждали пытки».

Чешский средневековый крестьянин инстинктивно чувствовал, что труд его кормит и пана, и попа, и ремесленника — весь чешский народ. Но это не давало ему ни чувства удовлетворения, ни уверенности в завтрашнем дне. А церковь изо дня день внушала ему мысль, что бог и создал крестьянина только для того, чтобы кормить господ.

«На крестьянина ложилась своею тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры» [14].

Высшие иерархи чешского католического культа предписывали сельским священникам при проповедях с амвона почаще ссылаться на евангелие и читать и него переведенные на чешский язык утешительные» притчи. Но в этом собрании легенд о раннем христианстве наряду с проповедью смирения и покорности, с требованием подставить левую щеку, когда тебя хлестнули по правой, вместе с предложением отдать кесарю и богу все, требуемое их слугами, можно было, при желании, выискать и другое. И деревенские священники подносили своей пастве это иное с особой охотой.



Орудия пытки в XV веке.

У самого неискушенного разумом селянина, слушавшего древние сказания, зарождалось пусть туманное, но бередящее душу ощущение полного несоответствия нарисованного в евангелии «праведного» уклада жизни с тем, что окружало его со всех сторон в католической Чехии. И прежде всего — полная несхожесть католического монаха и прелата с прообразом его — евангельским «пастырем христианских душ».

Так в преподносимом ему официальном вероучении крепостной находил пищу для растущего своего недовольства феодальным гнетом и для смутных дум об ином, более справедливом общественном укладе.

В средневековой Европе выступления угнетенных масс против

феодального порядка с исторической неизбежностью приобретали религиозную окраску.

Легче всего народные массы поддавались мистике. К Время от времени темный, суеверный средневековый люд охватывала вера в близкое чудо — второе пришествие Христа на землю, который установит тысячелетнее царствие равенства и правды.

Эта средневековая народная мистика обладала поразительной силой воздействия на умы и сердца. Народные массы начинали вдруг бредить близким царствием божиим на земле. Чуду назначались сроки — месяцы, дни. Но проходило назначенное время, а чудо не свершалось. Безысходная тоска и отчаяние были расплатой за страстное упование.

Эта начальная, мистическая ступень протеста против феодального общественного уклада рано или поздно преодолевалась; и народные низы переходили к иным, более разумным поискам выхода из рабского своего положения.

Второй такой ступенью была ересь.

Народные массы начинали постепенно постигать, что их угнетение скрепляет и благословляет именно церковь, этот пан над панами. Ведь в средневековой Европе «…церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».

Трудно было забитому, суеверному средневековому люду бороться со столь «святым» установлением, как церковь. И все же народные массы очень рано вступили на этот трудный, но неизбежный путь — путь ересей, отвержения официальной церкви. Ибо, как пишет Энгельс, «для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости» [15].

Мощные еретические движения проникли в Чехию своими ответвлениями еще в XIII веке. Первой пришла сюда ересь «бичующихся», затем — вальденсов. Еретики эти, рискуя жизнью, то и дело посылаемые на костры жандармерией церкви — монахами, бродили из деревни в деревню, из города в город и проповедовали на задворках, в овинах, в лесах. С евангельскими текстами на устах восставали они против официальной католической церкви, роскоши и распутства ее иереев. «Бичующиеся» звали «братьев во Христе» отказаться от греховной жизни. Они нападали на посты, отпущение грехов, проклинали «язычество» — обряды, приносящие церкви доходы.

В средние века много было еретиков и в городах и в сельских местностях. Но совершенно разный смысл вкладывали в еретические учения бюргеры и крепостные крестьяне.

Ф. Энгельс говорит об этом: «Ересь городов, — а она является

официальной ересью средневековая, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала…

Совершенно иной характер носила ересь, являвшаяся прямым выражением крестьянских и плебейских потребностей и почти всегда соединявшаяся с восстанием. Разделяя все требования бюргерской ереси по отношению к попам, папству и восстановлению ранне-христианского церковного строя, она в то же время шла бесконечно дальше. Она требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданскою мира. Из равенства сынов божиих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, поземельных цензов, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий, — вот те требования, которые выставлялись, с большею или меньшею определенностью, как необходимые выводы из учения раннего христианства»[16]

Но ереси, сколько бы их ни было, не могли оказаться силой, способной глубоко потрясти феодальную систему и ее «высшее обобщение и санкцию»— католическую церковь.

Такой силой стали религиозное крестьянское восстание и крестьянская антифеодальная война.

IV. ЛЮКСЕМБУРГИ

Чешский король Вацлав IV (1361–1419) был королем необычным даже для своего времени, богатого разновидностями царственных особ.

С виду это высокий, мускулистый, широкоплечий богатырь с длинноносым лицом. Густая борода в завитках поднималась до самых глаз, постоянно воспаленных от чрезмерных возлияний.

Отец Вацлава, Карл IV Люксембургский, король чешский и император Священной Римской империи[17] долго не мог дождаться наследника. Когда в 1361 году родился у него (первенец, император стал готовить сына сызмалу к управлению народами и царствами. Горя родительским нетерпением, Карл возложил чешскую корону на голову двухлетнего ребенка.

Император не щадил сил, чтобы сделать своего любимца популярным не только в своей родовой Чехии, но и в немецких землях, стараясь исподволь подготовить избрание Вацлава императором Священной Римской империи. Много лет кряду мальчик колесил между Рейном и Одером, сопровождая отца в его бесконечных разъездах по империи.

У Карла родился и второй сын, Сигизмунд, который был на семь лет моложе Вацлава. Но пристрастный отец всю привязанность и внимание отдал старшему, любимцу, оставив младшего на попечение матери и придворных.

Карл постоянно внушал Вацлаву свою идею, как светский правитель может спокойно процарствовать, приумножить свои владения и уверенно отражать покушения внешних врагов и собственных феодалов, — для этого необходимо тесное содружество с церковью, щедрость в отношении нее всегда и во всем.

Карл умер в 1378 году, когда Вацлаву исполнилось семнадцать лет. Еще при жизни он добился от курфюрстов избрания Вацлава своим преемником на троне империи.

Но как хорошо ни был подготовлен молодой Люксембург отцом к занятию трона, дела его в Чешском королевстве и в Германской империи скоро пошли вкривь и вкось.

Прежде всего Вацлаву трудно стало следовать отцовским заветам дружбы с католической церковью. Насущные интересы королевской власти требовали от него отпора все возрастающей алчности Рима.

Еще в начале XIV века французский король Филипп IV лишил Римскую курию всех ее доходов от богатой Франции. Филипп

усадил во французском городе Авиньоне «своего» папу, благодаря чему церковные доходы перестали уплывать из Франции за границу. Это было выгодно прежде всего самому французскому королю.

Но римские папы, лишенные с тех пор французских доходов, старались возместить чувствительную потерю усиленным выкачиванием денег из немецких земель и главным образом из богатого Чешского королевства.

На протяжении всего XIV века Чешское королевство переобременяли всевозможные, все растущие церковные налоги и тяготы.

Чешские деньги текли ширящимся потоком из страны в сундуки Римской курии. Жестокая финансовая эксплуатация приводила к растущей в стране дороговизне, обнищанию не только крестьянских масс, но и ремесленников городов, мелкого дворянства.

Финансовые махинации Римской курии причиняли прямой вред самым непосредственным интересам чешской королевской власти. Вацлав был достаточно проницателен, чтобы разобраться в причине постоянной скудности королевской казны. Он стал принимать меры к ограждению Чехии от непомерной алчности «святого престола».

Такие действия противоречили традициям императора Карла. В них лежал корень дальнейших ссор и столкновений Вацлава с Римской курией. Но поводы для споров короля с церковниками бывали самые различные, а порою даже и весьма забавные.

В самом начале царствования Вацлава, летом 1381 года во Вроцлаве (по-чешски Братиславе), столице Силезии, бывшей тогда ленной землей династии Люксембургов, разгорелась «поповская война». Вроцлавские священники потребовали у города пивной подати — бесплатных бочек; пива для своего стола. «Упрямые» горожане уклонились от такой чести. Тогда попы наложили на Вроцлав интердикт — запрет богослужения в городских церквах.

Двадцатилетний Вацлав заехал во Вроцлав в самый разгар этой «поповской войны». Он обратился к соборному клиру с предложением отслужить службу в честь его приезда. Епископ и каноники сослались на интердикт и отказали в том королю. Вацлав выгнал из Вроцлава епископа и весь клир, а обширные владения церковников «своей монаршей волей» подарил городу.

История эта, всполошившая прелатов не одной только Чехии, была кое-как улажена благодаря вмешательству папы Урбана VI.

В ранние годы царствования Вацлав сдружился с одним из своих придворных, Иоанном Енштейном. То был молодой

красавец, весельчак, любитель охоты, танцор, приятный собутыльник. Вацлав в нем души не чаял. Чтобы дать веселому Иоанну ощутительные знаки своего благоволения, король исхлопотал ему доходный архиепископский сан. Енштейн ничего не смыслил в делах богослужебных, но это ничуть не помешало ему сделаться главою чешской церкви.

Некоторое время новопосвященный архиепископ продолжал кутить и отплясывать в королевской компании. Но затем, опасно заболев, архипастырь вдруг загрустил, задумался и решил «спасать душу». Он стал упорно отклонять все приглашения на королевские охоты и попойки, ссылаясь всякий раз на свой сан и советуя Вацлаву, «пока не поздно», покинуть «путь греха и искушения».

Король не мог взять в толк, что произошло с любимцем. Пробовал увещевать Иоанна, всячески одаривал его. Но Енштейн уже стал к тому времени послушным орудием в руках папы, враждебного строптивому чешскому королю. Когда Вацлав убедился, что Енштейн навсегда потерян для веселых пирушек, да еще норовит проповедовать ему, своему королю и благодетелю, прописные истины и мораль, он впал в неистовство. С тех пор Вацлав стал вредить архиепископу всегда и во всем как только мог.

Крайнее нерасположение к церковникам Вацлава очень красочно рисует одна королевская проделка, немало позабавившая в свое время чехов.

В Праге жил каноник Николай Пухник. Как и другие его собратья, имел он много доходных мест, числился священником в ряде приходов Чехии и Моравии. Был, сверх того, и правой рукой архиепископа, его официалом[18].

Однажды Вацлав пригласил каноника ко двору. После обеда и обильных возлияний король, сопровождаемый придворными, повел гостя в свою сокровищницу.

Вацлав остановился у сундуков с дукатами.

— Вот что, каноник! Ты пленил меня своей скромностью и истинно праведной жизнью. Во славу матери нашей церкви дарую тебе сегодня вот этого золота столько, сколько сможешь унести отсюда. Бери его, каноник Пухник!

Каноник замер на месте, ошеломленный щедростью короля и зачарованный блеском глядевшего на него со всех сторон золота. Через минуту оно будет принадлежать ему!

Пухник принялся набивать карманы рясы, штанов, пихал монеты в голенища сапог, горсть за горстью засыпал за пояс.

— Бери еще, бери, каноник, тебе будет принадлежать все, что только сможешь ты унести! — приговаривал Вацлав.

Набрав золота и в полы рясы, и в зажатую подмышкой шляпу, выбившийся из сил каноник пошел, шатаясь, к выходу. Он сделал два-три шага и свалился, — ноша была не по силам. Рассыпая монеты, мыча от возбуждения, пополз он дальше на четвереньках.

— Встать! — загремел Вацлав. — Такого уговора не было! Не ползти на карачках, а унести на ногах, как подобает достойному официалу!

Пухнику помогли подняться. Но, не сделав и шага, он снова свалился.

— Ну, я облегчу тебе дело!

Вацлав приказал вывернуть карманы Пухника, собственными руками стащил с него сапоги, высыпал их содержимое. Вокруг каноника на полу нагромоздилась немалая груда золота.

— Так-то будет полегче! Встань теперь!

Каноник повиновался. Король повернул его лицом к выходу и пинком вышвырнул за дверь.

— Пройдись-ка, твое преподобие, босиком по Праге. Уподобься хоть раз апостолу, свинья ты этакая!

Совсем по-иному поступил Вацлав в другой раз с тем же Пухником и с генеральным викарием архиепископа Енштейна, Яном Помуком.

Вацлав хотел упразднить Кладрубский монастырь бенедиктинцев, один из богатейших в Чехии. Король ждал лишь смерти престарелого настоятеля — удобного времени для закрытия монастыря. Но его смерти нетерпеливо ждал и Енштейн, чтобы назначить нового настоятеля и сохранить монастырь.

Вацлав был далеко от Праги на охоте, когда умер монастырский настоятель. Енштейн тотчас направил туда Пухника, Помука и еще одного прелата. Монастырь получил нового настоятеля.

Узнав о вызове, брошенном ему архиепископом, король поспешил в столицу. Когда он увидел перед собою Енштейна, им овладел неистовый гнев, близкий к безумию. Архиепископ, прикрытый стражей, успел скрыться с королевских глаз. Вацлав схватил и бросил в темницу Пухника, Помука и их помощника, сам пытал их.

Двух прелатов, более крепких, с трудом отходили после пыток. Помук, с перебитыми конечностями, был совсем плох. Вацлав приказал бросить его с моста во Влтаву.

Внутренними делами Чешского королевства с давних времен управлял коронный совет, который состоял из крупнейших церковных и светских феодалов. Ряд высших государственных должностей переходил из рода в род и представлял собою чистую

синекуру. Виднейшими «правящими родами» королевства были паны Розенберги, паны из Дуба, Вартемберки, Газембурки из Липа.

Вацлав поставил перед собою цель создать рядом с обширным, но мало стоящим коронным советом, небольшую группу личных советников и сотрудников, которых он сам привлекал бы к делу государственного управления на основании их способностей.

Вацлав подобрал себе свой «личный кабинет». В нем оказались представители низшего дворянства — рыцарства — и несколько «бюргеров. Это были все люди больших способностей. Они слепо повиновались королю. Собственной волей, не обращая внимания на традиции управления королевством, Вацлав все расширял круг ведения этих своих «министров», постепенно оттесняя от непосредственного управления родовитых тупиц и бездельников.

Интерес короля к государственному порядку и правильному отправлению функций власти в первые годы его царствования был очень велик. Часто бродил он переодетый по улицам Праги, проверяя правильность мер и весов на рынках, прислушивался к жалобам городского люда и строго наказывал злоупотребления и продажность чиновников.

Бюргерство Праги и других чешских городов хвалило порядки, заведенные молодым королем. Совсем по-иному отнеслось к ним чешское панство. В реформах Вацлава оно не без основания усматривало покушение на дорогую его сердцу «заветную старину».

Уже в 1387 году начались первые вооруженные выступления феодалов против Вацлава. Тогда взбунтовался один из родовитейших чешских панов — Маркварт Вартемберк. Вацлав подавил мятеж этого пана без большого труда.

Но через шесть лет, в 1393 году, виднейшие паны королевства образовали обширную панскую литу, во главе которой стал некоронованный владыка южной Чехии пан Генрих Розенберг. Прямой целью лиги было восстановление старой системы управления королевством.

В мае 1394 года группа вооруженных панов захватила пьяного Вацлава неподалеку от Праги. Розенберг стал излагать королю требования заговорщиков улучшить управление и призвать себе на помощь старых слуг трона.

Вацлав пришел в ярость:

— Вы лжете! Без вас управление Чехией стало не хуже, а лучше! Ваша помощь мне не нужна! А мятежников я покараю сурово!

Не добившись от Вацлава согласия на их требования, паны-заговорщики повезли пленного Вацлава в Прагу и заточили в Пражском замке.

По всей Чехии началось движение за освобождение Вацлава. К Праге подступили сильные военные отряды, пришедшие вызволить коронованного узника из плена. Все же панам-лигёрам удалось увезти короля сначала во владения Розенберга, а затем и в Австрию.

Чтобы вновь обрести свободу и чешский трон, Вацлав пошел на уступки и принял многие требования панов. Однако, вернувшись в Прагу, он дал понять, что не считает себя связанным обязательствами, взятыми им при подобных обстоятельствах.

* * *

В противоречивой натуре Вацлава выделялась одна черта — он был сильно привязан к брату Сигизмунду. Карл IV отдал Сигизмунду в огромном своем наследии лишь бедное маркграфство Бранденбургское. Ставши императором, Вацлав IV пекся о лучшем устроении дел брата. Он сосватал ему богатейшую невесту Европы — Марию Венгерскую. В 1387 году двадцатилетний Сигизмунд стал, благодаря стараниям Вацлава, королем Венгрии.

Но вскоре Вацлав узнал, что за всеми панскими кознями против него в Чехии, за всеми интригами в немецких землях стоит облагодетельствованный им Сигизмунд.

И без того склонный искать в вине облегчения от бремени власти, Вацлав с тех пор предался безудержному пьянству.

А король венгерский Сигизмунд то из своей Буды, то разъезжая по немецким землям, без устали ткал вокруг брата сети, в которые, рассчитывал он, упадут в конце концов обширные владения Вацлава — Чехия, Силезия, Лужицы, а затем и корона империи.

В 1400 году курфюрсты[19] империи свергли императора Вацлава IV по уничтожающе-оскорби-ельному поводу — «ибо был он бесполезен». На имперский трон курфюрсты возвели «полезного» им Рупрехта Пфальцского, ничтожного князька, ставшего игрушкой в руках майнцского архиепископа.

Путь к имперскому трону стал сразу короче для Сигизмунда Люксембургского. Через десять лет, 1410 году, он уже восседал на этом троне.

* * *

Природа наградила Сигизмунда счастливой внешностью. Он был красив и статен. Подвижный, как ртуть, неутомимый говорун, он был всегда возбужден, красноречив и остроумен.

Желая быть популярным, Сигизмунд не гнушался ничьим обществом и, где только к тому представлялся случай, вступал в короткий разговор мещанином или простым крестьянином. Ласковый блеск его глаз мог обмануть самого предубежденного против него человека.

Но, как бывает с такими притворщиками, его подлинная природа раскрывалась в поступках. Историки говорят, что нельзя отыскать в долгом царствовании Сигизмунда случая, когда он сдержал бы данное им слово. Он никому никогда и ни в чем не отказывал, предпочитая всех обманывать. Проситель — герцог или простолюдин — уходил от него обласканный и обнадеженный, а в результате не получал ничего.

Того же правила придерживался он и в делах политических. Здесь ложь служила ему не столько для того, чтобы уйти от обязательств, сколько для введения союзников, друзей и противников в заблуждение и обман.

Сигизмунд был кутилой и пьяницей, любил дорогостоящие рыцарские турниры и еще более дорогие оргии. На пиры императора собирали музыкантов, лицедеев, скоморохов и непотребных женщин со всех концов его владений и свозили лучшие греческие и итальянские вина. Развлечения эти следовали одно за другим столь часто, что на них не хватало доходов ни Бранденбурга, ни Венгрии, ни даже империи. С этой стороны имперский трон жестоко разочаровал Сигизмунда. Он часто говаривал: «Империя совсем пропала — из нее никак нельзя выжать больше тринадцати тысяч гульденов».

Император-кутила жил не по средствам и гонялся за каждым золотым. Он закладывал и перезакладывал свои родовые поместья, придумывал всякие финансовые операции, более или менее похожие на вымогательства. Его обычаем было никогда не платить долгов и заключать займы, где только возможно. «… Жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр», — так метко охарактеризовал К. Маркс этого Люксембурга

V. ВИФЛЕЕМСКИЙ ПРОПОВЕДНИК

Весною 1411 года, в день Благовещения, на площадях Праги протрубили дворцовые герольды — Король выезжал из замка в город[20].

В костелах густыми переливами звонят колокола. Толпы пражан запрудили улицы столицы, но на лицах не видно праздничного веселья.

На перекрестках, где стекается народ, оживленно толкуют и спорят. У всех на устах одно имя — Гус.

Прага, да и вся Чехия, живет под впечатлением церковных громов, свалившихся на голову Яна Гуса, проповедника Вифлеемской часовни и ректора Пражского университета, магистра свободных искусств и бакалавра богословия. Чем кончится его долгий бесстрашный спор с архиепископом Збынским Зайцем и Римской курией? Збынек повелел закрыть Вифлеемскую часовню. Гус, пренебрегши волей архипастыря, продолжал там свои проповеди.

Еще резче стали выпады Гуса против церковников. И все шире и дальше разносится его голос по чешской земле.

В феврале сам папа предал Гуса церковному проклятию. В середине марта архиепископ Збынек приказал приходским священникам Праги огласить это проклятие со всех амвонов. Но Гус все не сдавался. Он отверг право высших иереев отлучать без церковного суда, закрывать кому-либо путь к проповеди. Вот и сегодня, в праздник, он снова будет говорить перед пражским народом.

Чехи Новой Праги, Малой Стороны и пригородных посадов любовно, с ласковой тревогой в голосе называют Гуса «наш бедный магистр», «заступник за нас, чехов», «наш праведник Ян».

А немцы — патриции и богатые бюргеры Старой Праги — произносят имя вифлеемского проповедника с неприязнью, хмурясь. «Еретик», «бунтарь», «мужик в магистерской тоге», — говорят эти богатеи о Гусе. Они готовы стащить его с кафедры и покончить с ним, как со смутьяном.

Но пражане-чехи окружили любимого магистра защитной стеной своей преданности.

Накаленным, грозовым воздухом дышит Прага.

Король Вацлав не терпел ни церковных интриг, ни богословских споров. Все же он вмешался в это дело и взял сторону Гуса: его возмутила бесцеремонность, с какою Збынек потребовал закрытия Вифлеемской часовни. Ведь он сам, король

Чехии, своей грамотой позволил открыть часовню еще двадцать лет тому назад!

Збынку не нравятся, говорил король, проповеди на чешском языке. Но он, Вацлав IV, выдал привилегию именно на это, на проповедь по-чешски. Кто виноват в том, что пражский люд валом валит к Гусу в Вифлеем, а не слушает своих приходских священников. Пусть дармоеды Збынка поменьше шатаются по кабакам и непотребным местам Праги и поучатся у Гуса своему ремеслу.

Вацлав в придворном кругу открыто издевается над архиепископом. «Спору нет, — говорит он, — Збынек — сокровище, которое он сыскал среди чешского панства и усадил в архиепископское кресло. Пока надо было драться с мятежными панами, Збынек был неоценим. Засучив рукава рясы, лез он впереди самых отчаянных головорезов на стены замков, рубил мечом, как заправский наемник. Но какого дьявола суется этот неуч в богословские споры с магистрами университета? Даже приказывает жечь книги, в которых ни аза не смыслит!».

Вацлава, с детских лет знающего три языка, смешит это высокопреосвященство, научившееся кое-как грамоте, когда на голове его была уже митра и палец украсился аметистовым перстнем.

Король не пропускает случая пропеть стишки, сочиненные про архиепископа студентами:

Збынек наш едва читает,
Он сжег книги, а не знает,
Что в них написали…

Покойный папа Александр V в булле своей против Гуса говорил, что «сердца многих в Чехии заражены ересью». «А кто подсказал ему такое? — продолжает Вацлав. — Ясно, все это происки Збынка! Збынек, проиграв свой спор с Гусом в Праге, ничего не придумал лучшего, как оклеветать перед Римом его подданных!».

Вацлав ответил Римской курии, что святой отец был введен клеветниками в заблуждение, что ересей в Чехии нет нигде и следа. А что до Гуса, то, назло Збынку, он назвал вифлеемского проповедника «нашим верным, благочестивым и любезным капелланом».

Но Збынек все же добился своего. Не помогли ни оправдания самого Гуса, ни представления чешского двора и виднейших дворян королевства, — новый папа, Иоанн XXIII, наложил на Гуса церковное проклятие. Всей Чехии известно, как состряпал Збынек

свою победу в Риме, сколько чистокровных скакунов, сколько золотой утвари, сколько кадей с дукатами везли посланцы архиепископа с собою в апостольскую столицу.

— А в Гусе курии какой толк? Рим не ищет овец без шерсти! — заключил король, рассказывая собутыльникам свои дела со Збынком.

Жижка, сдерживая коня, с десятком других придворных всадников прокладывал дорогу в густой толпе, запрудившей улицы.

Королевский кортеж подъехал к строению с огромным порталом. Сбоку высилась поставленная отдельно колоколенка, единственный колокол которой авонил высоким и частым звоном.

— Дорогу его величеству!

Просторный сводчатый зал на пятнадцати каменных колоннах был набит до отказа. На тесно составленных скамьях и вдоль стен сидело и стояло не меньше трех тысяч человек. Столько же почитателей проповедника осталось на площади, у входа в часовню, не в силах протискаться внутрь здания.

Для короля и его свиты очистили место в левом алтаре. В зале стало еще более тесно и душно.

Троцновский рыцарь бывал уже не раз на проповедях Гуса. Каждое посещение Вифлеема заставляло Жижку подолгу раздумывать над вещами, которые до тех пор не очень занимали его: над устройством и порядками католической церкви, над жизнью духовенства.

Ян Гус.

В ожидании проповеди Жижка разглядывал стены, по которым Гус развесил собственною рукою сделанные украшения — огромные пергаментные свитки. На них громадными, величиною с локоть, буквами написаны были библейские

заповеди, а также изречения против продажности духовенства.

Налево, в двух шагах от обитой парчою скамьи короля и королевы, поднималась высокая, четырехугольная деревянная кафедра.

Гус вышел из притвора, медленным шагом стал взбираться по крутым ступеням. Подойдя к барьеру, обратил свой взор к собравшимся. И Жижка вновь испытал уже знакомое ему чувство восхищения этим человеком.

На бледном, овальном лице поражали и влекли к себе глаза, глубоко запавшие. Было в них твердое убеждение, печальное раздумье, много доброты и жертвенной готовности пойти в призвании своем до конца, как бы скорбен ни был уготованный судьбою путь.

— Споем, братья и сестры!

Гус взмахнул рукою, и завсегдатаи Вифлеема затянули сочиненный им гимн.

Когда кончили пение и в зале воцарилась тишина, Гус начал проповедь:

— Дабы мне не провиниться молчанием и ради корки хлеба или страха людей не оставить истины, я хочу истину, которую меня господь сподобил познать, защищать до смерти. Ведь я знаю, что истина останется, что она сильна и одержит победу навеки. При ней нет различия в людях. А если бы я убоялся страха смерти, то уповаю, что сам бог даст мне твердость.

— Как зерно сохраняется, а шелуха отбрасывается, так и мы должны незаконные учреждения отвергать и оставлять без внимания.

Незаконными учреждениями Гус называл нагромождение правил и канонов, созданных неправедными иереями католической церкви. Больше всего ратовал он за проповеди вне церкви, видя в том возможность вдохнуть новую жизнь в окаменелый культ:

— Слово божье не должно быть связано. Его надо проповедовать на улицах, площадях и с крыш — всюду!

Гус решительно отвергает порядки чешской церкви. Гневными словами клеймит он жизнь священников и монахов:

— О, пусть погибнут каноники, епископы и прелаты, которые жрут и лакают, пасут свои тучные телеса, а о духовном своем призвании совсем забыли. Священники содержат красивых лошадей в дорогой упряжи, своры охотничьих собак. Не успеют они отслужить обедни, как тут же, в церкви, сговариваются между собой, в какой корчме сойтись пьянствовать.

— В Чехии, — продолжал Гус, — монахи имеют пиво и старое и молодое, и густое и слабое. Нет у нас людей, которые имели бы

такое изобилие на потребу телес своих. Сами короли и паны не имеют таких яств и питий, всегда столь хороших и всегда в таком изобилии наготовленных. Для такой жизни деньги вымогают у бедняков.

— Что ни насильник-пан, ни грабитель, ни ночной вор не смогли забрать, то у бедного человека выманят священники и монахи за исповедь или за обедню, за отпущение грехов, за молитвы или за погребение. Последний грош, припрятанный старушкой, и тот вытянет у нее священник, обманщик и хищник. Он хитрее и злее вора.

И Гус рассказывает, как один монах, задумав поглубже забраться в карман верующих, говорил в своей проповеди:

«Знайте, дети мои, есть три разных чорта: один закрывает сердца, чтобы не скорбели они о сотворенных грехах. Это, дети мои, злой чорт. Другой закрывает уста, чтобы не молились они и не прославляли бога. Этот чорт, дети мои, хуже первого. Но третий чорт хуже всех — он закрывает ваши кошель-ки. Не давайте тому чорту овладеть вашими душами, обратитесь к святости и раскройте кошельки».

— Мы восстаем, — продолжал Гус, — против всех, кто крадет коров. Как же не восстать нам против грабителей в рясах, которые выманивают у бедняка последний грош?

— Если заболеет богатый, к нему спешат священники со всех сторон. А заболеет бедняк, так к нему не заглянет ни один из них.

Гус рисует перед собравшимся народом всю гнилость церкви:

— Кто больше денег заплатит, тот и возьмет епископскую власть и всякую иную духовную должность. Костелами и алтарями торгуют, словно это волы и коровы. А что происходит от этого? Всякий дурак знает, что есть у нас в Чехии никудышные епископы, неспособные и свиней пасти.

Гус долго еще клеймит лихоимство и разврат священников и монахов, а затем, повысив голос, возглашает:

— Как Христос и его апостолы не были обременены земельными владениями, так точно и наместники и преемники их не должны владеть землями.

— О, верные слуги короля, вельможи, паны и рыцари! Пробудитесь от непробудного сна, в который вас погрузили священники и монахи! Прогоните из их поместий жадных до наживы иереев! Иначе не минуть вам бури! Вспомните, вам доверено богом управление народом! Потому покончите с алчностью священнослужителей. Не позволяйте им грабить народ с дьявольской хитростью. Не давайте вывозить из ваших панств богатства к вашей невыгоде,

При этих словах Гуса среди окружающих короля вельмож —

заметное оживление. Склоняются к уху соседа, что-то шепчут, улыбаются: «Отнять земли у церкви?! А кому отдать их? Почему Гус не говорит до конца? Кому же и отдать, как не тем, кто владеет землями рядом с монастырями. Королю? Панам? Рыцарям? А вообще-то проповедник говорит дело, и надо его защитить от Рима!»

А Гус продолжает:

— Наше алчное, распутное, разнузданное духовенство обвиняет меня в ереси, чтобы унизить в глазах народа и осудить на смерть. Что же, я должен потому замолкнуть? Нет! Прочь от меня такие мысли! Горе мне, если я стану молчать! Лучше умереть, чем остановиться, лукавя, на своем пути!

Потом Гус обращается с упреком к светским владетелям:

— Паны, судьи своих крестьян, рады преступлениям, как врач рад болезни, а священник — смерти. Пан взыщет пеню, врач — плату за лечение, а священник получит мзду за отпевание. На панском суде, — продолжает Гус, — бедняка за одно слово, сказанное в простоте, присуждают к денежному штрафу, а то и к смертной казни.

Придворные паны начинают ерзать на своих сиденьях. А Гус продолжает:

— Разве не равны все люди? Почему допускают король и его вельможи столько несправедливостей к крестьянству?

— И где это, — восклицает проповедник, — научились за убийство крестьянина откупаться пятью копами грошей?! И так ли уж дешев человек, который кормит всю страну? Откуда взялось такое, что мещанин дороже поселянина на десять или пять коп грошей, а пан — на пятьдесят коп грошей дороже рыцаря?

В конце проповеди всю силу своего красноречия Гус отдает наболевшему делу — отношениям между пришлым и коренным населением. Гус говорит о том, что вот он много лет боролся за права магистров-чехов в университете:

— Много лет терпели мы, магистры-чехи, в нашем Пражском университете хулу и поношение от магистров-немцев… Народ пражский знает: у немцев там, в совете университета, было три голоса, у чехов — только один… Как же было честному человеку не восстать против такого порядка? В парижской Сорбонне управляют французы, в Болонском университете — италийцы, а у нас, в чешской столице, университетом долгие-долгие годы правили пришельцы немцы…

— А я говорю вам: чешский народ должен быть в Чехии головой, а не хвостом! Немцы пусть будут хозяевами в Вене, Кельне, Гейдельберге, где угодно, только не у нас в Праге! Ведь

бог каждому племени выделил особую землю, чтобы одну часть имел чешский род, другую — баварский, третью — венгерский…

— Я ратовал за то, чтобы в совете нашего университета голоса магистров-чехов перевешивали немецкие голоса. А когда наш владыка, король Вацлав, издал два года тому Кутногорский декрет, чтобы три голоса в университете были у чехов, а один — у немцев, повсюду, на всех перекрестках немцы стали кричать: «Гус уговорил короля прогнать немцев из Каролинума!» Но то горькая клевета на всех нас, чехов! Двери и кафедры Каролинума остались открытыми для всех достойных! Мы никого не гнали! Это немецкие магистры, гордецы, потерявши власть над нашим чешским университетом, сами покинули Прагу!

— Но я, — продолжал Гус, — стоял и стою на твердом, как скала, порядке божьем и человеческом. Чешский народ в своей чешской земле должен спокойно управляться своими обычаями и законами, без помехи со стороны пришельцев.

— Говорю по совести, — заканчивает Гус, — пусть никто не скажет, что, раз кто немец, он тем самым и плох… Если бы я узнал немца, который ратует за добро больше, нежели мой родной сын, — он был бы мне милее брата. Добрые священники из иноземцев мне милее, чем недостойные из чехов, и добрый немец мне милее, чем злой брат!

Гус сошел с кафедры.

Королевский кортеж вернулся в замок, толпы пражан покинули часовню.

Но долго еще и в Праге и в отдаленных углах Чехии толкуют слова вифлеемского проповедника, страстно спорят о каждом его положении.

А Жижка, слуга королевы, помыслами своими далек от дворцовой жизни: он думает о судьбах Гуса и Чехии.

VI. КОСТЕР В КОНСТАНЦЕ

Я слабый, немощный гусь, на место которого истина выслала уже многих орлов и соколов.

Из письма Яна Гуса.

Папская тиара украсила голову Иоанна XXIII с 1410 года. Этот человек, в миру Валтасар Косса, в молодости был морским разбойником. Нравы пирата привнес он и в управление церковью. Подкупный, жестокий, развратный, он обратил Рим, и до него не блиставший добродетелью, в грязный вертеп, в ту «вавилонскую блудницу», против повадок которой стали открыто роптать в городах и селах католической Европы.

Католический мир задыхался от зловонных испарений, струившихся с берегов Тибра[21]. Кафедры богословия Сорбонны, Оксфорда, Болоньи, напуганные растущим повсюду возмущением, советовали, пока не поздно, перестроить церковь «во главе и членах ее», иначе прогнившая храмина католичества рухнет под напором сомнения и ересей.

Но Иоанн XXIII далек от мысли о какой-либо церковной реформе. У него других забот по горло: со всех сторон покушались на его власть и богатство. Житья не давали «антипапы» — Григорий XII и Бенедикт XIII. Но больше всего хлопот и страху от неаполитанского короля Владислава, который вторгся с сильным флотом и войском в папские владения и грозил, овладев Римом, поступить с Иоанном XXIII по обычаю его старой профессии — повесить на мачте под черным флагом вниз головой.

Для войны с Владиславом нужны полчища наемников, а для вербовки их — груды золота. Иоанн разослал во все углы Европы буллы с объявлением крестового похода против «клятвопреступника», «проклятого изменника» короля Владислава. Тому, кто даст на крестовый поход денег, папа предлагал индульгенцию — свою квитанцию на полное отпущение грехов[22].

К середине 1412 года в Прагу прибыл из Рима папский посланец. Ему надлежало наладить в Чехии самую широкую торговлю индульгенциями.

Под барабанную дробь и громкие выкрики зазывал монахов в трех главных пражских церквах началась дешевая распродажа папских индульгенций. Папа грозил отлучением всякому, кто

посмел бы противиться этой торговле. А король Вацлав дал торговцам свои охранные грамоты.

Против финансовой операции Рима восстал Гус. С вифлеемской кафедры стал он метать громы. Это возымело действие. В церквах, где происходил торг, то и дело раздавались оскорбительные выкрики против папы. На улицах приверженцы Гуса устраивали враждебные Риму шествия и маскарады. Студенты рядились в одежды публичных женщин и, подражая монахам, зазывали покупателей, потрясая ворохом бумажек, изображавших индульгенции.

Советники городского управления Старой Праги, богатейшие немцы, купцы, патриции решили дать урок строгости смутьянам. Их биричи[23] изловили трех юношей, нарушавших своими богохульными выкриками торговлю папских агентов. На площади Старой Праги палач отрубил им головы.

Так пролились первые капли народной крови.

Гус со своей кафедры взывал к пражанам:

— Братья мои и сестры! Я не возьму всего золота, которым наполнили бы эту часовню, за трех героев, смело восставших против пасти антихриста. Братья и сестры, вы познали истину, не давайте же отпугнуть себя от нее никакими угрозами.

Советники пражской ратуши рассчитывали усмирить Гуса и его последователей страхом. Но казнью трех юношей они достигли обратного.

Тысячи пражан собрались вокруг ратуши Старой Праги. Они громко обвиняли папу, требуя сурового наказания людей, повинных в казни трех юношей.

Иоанн XXIII, узнав, что Гус посмел посягнуть на его доходы, стал с тех пор непримиримым врагом Гуса. Никакие самые дерзкие вероисповедные ереси не могли итти в сравнение с этим грехом Гуса — прямой атакой на финансовую операцию Римской курии.

Иоанн XXIII взял в собственные руки следствие по делу о чешском еретике. Прежде всего подтвердил он и усилил прежнее церковное проклятье Гусу. Всякий, кто посмел бы общаться с ним, подлежал, в свою очередь, проклятию. Где бы ни появился Гус, в городе или деревне, должно тотчас прекращать богослужение во всех церквах. Вместо службы священнику надлежит провозгласить с амвона проклятье еретику, зажечь свечи и потушить их, бросив на землю. Во всех церквах Чехии священники должны в полном облачении, под колокольный звон перечислять перед народом места, попавшие под запрет богослужения за то, что в них жил Гус. В направлении города, местечка, замка или села, где он в тот час пребывает, надлежало бросить три камня в знак полного

отвержения еретика от лона матери-церкви.

В сентябре 1412 года в Прагу привезли папскую буллу, повелевавшую арестовать Гуса. Папа требовал немедленной отправки еретика в Рим.

Немцы-бюргеры Старой Праги собрались в вооруженные группы, готовые выполнить повеление папы, завладеть Гусом. Чехи с трудом отбили от них своего проповедника.

Король и на этот раз решил пренебречь папской буллой и не выдавать Гуса Иоанну. Но охранять его от длинной руки Рима становилось даже для короля все труднее. Вацлав посоветовал проповеднику покинуть на время Прагу и укрыться где-нибудь в глухом углу, подальше от столицы.

Гус удалился в глубь южной Чехии, в места, откуда был он родом.

То, что увидел изгнанник в чешской провинции, должно было сильно его ободрить. К великой радости Гуса, деревенские священники оказались горячими сторонниками его учения.

Сельские священники, а за ними и крестьяне со всех концов несли пострадавшему от «римской блудницы» свою горячую любовь и преданность.

Многие из земских панов и рыцарей также держали сторону Гуса в споре его с Римом и давали гонимому приют в своих замках.

Счастливое для изгнанника настроение умов в глухих углах чешской земли позволило ему в эти годы спокойно, не смущаясь наложенной на него церковной карой, жить во многих местах, писать трактаты и заниматься любимым делом — проповедью.

Как и в Праге, проповеди Гуса привлекали тысячи людей. Достаточно было крестьянам заслышать, что «под старой липой будет говорить магистр Ян», как к этой липе со всей округи стекались жадные до его слова селяне.

Изгнанник часто беседовал с деревенскими священниками. Они хорошо помнили слова Гуса о том, что в евангелии заключена вся христианская истина. И текстами из этой книги бедные деревенские служители культа доказывали, что паны вовсе не должны управлять крестьянами. А монастыри, говорили они, нужно срыть до основания, как языческие капища, где поклоняются Ваалу. Расписные иконы, шитые золотом и драгоценными камнями облачения священнослужителей, серебряные кадила, позлащенные хоругви — все это против евангелия и должно погибнуть в пучине огненной.

Гус исподволь проникался смелыми мыслями, бродившими в головах некоторых деревенских священников. После многих лет столичной жизни он снова окунулся в гущу народной,

крестьянской Чехии.

Дружеская связь и восторженное почитание магистра Яна были особенно сильны в народе. Эго очень облегчало жизнь изгнанника.

* * *

Тем временем произошли важные сдвиги в политической жизни Западной Европы. Владислав Неаполитанский захватил Рим. Иоанн XXIII еле унес оттуда ноги. Он стал слезно молить императора Сигизмунда, «Ограду церкви»[24], о помощи.

Император находился в то время под сильным впечатлением растущих в немецких землях ересей, недовольства горожан и дворянства поборами церкви. Он и сам имел личные основания быть недовольным. «Овцы», на «шерсть» которых он рассчитывал, оказывались наперед начисто остриженными бесчисленными слугами Рима. С этой стороны Сигизмунд и сам был сторонником церковной реформы. Он намеревался выгодно для себя использовать безвыходное положение Иоанна XXIII и соглашался протянуть руку помощи папе, но при условии немедленного созыва вселенского собора католической церкви.

Со скрежетом зубовным, после долгих колебаний Иоанн XXIII дал на это свое согласие. Сигизмунд тотчас обнародовал манифест «ко всему христианскому миру» о том, что по договору со «святым престолом» он созывает на 1 ноября 1414 года вселенский собор в имперском городе Констанце.

Многим религиозным людям, давно чаявшим коренной реформы церкви, в то время казалось, что наступает, наконец, золотое время полного обновления католичества, освобождения от язв, насквозь проевших его тело.

Так, видимо, показалось и Гусу, который не мог правильно понять происходившего. В действительности же два омерзительнейших представителя высшей феодальной власти средневековья, один в папской тиаре, другой в императорской короне, маневрируя то в согласии, то один против другого, старались наилучшим образом устроить собственные дела и укрепить личное свое положение за ширмой готовившегося церковного съезда.

Осенью 1414 года Сигизмунд через двух чешских дворян, Яна из Хлума и Вацлава из Дуба, пригласил Гуса прибыть в Констанц, чтобы очиститься перед собором от обвинений в ереси. Гусу была обещана возможность свободно изложить свое учение перед

князьями церкви. Если Гус не убедит собор в своей правоте, он, император Священной Римской империи и король Венгрии, гарантирует ему свободное возвращение на родину.

Друзья предостерегали Гуса от опрометчивого шага. «Сигизмунд предаст тебя в руки инквизиции!» — говорили они ему, хорошо зная, кто такой Сигизмунд Люксембургский. Но Гус прежде всего верил в неотразимую силу своих доводов. Они сумеют поколебать враждебность прелатов, — ведь он придет к ним со словами истины!

Готовясь к дальней поездке и ожидая охранной грамоты императора, Гус два месяца провел в Праге. Со всех сторон слышал он дружеские советы: «Не езди! Оставайся среди своих!» Сапожники, портные, водоносы, пражский ремесленный люд просили его отказаться от опасного богословского состязания с князьями церкви, в котором истина, как чувствовали они сердцем, мало что значит.

Но решение Гуса было уже принято.

Гус долго и напрасно дожидается в Праге обещанной императором охранной грамоты. Но так велико его желание поскорее предстать перед верховным судилищем церкви, что он решает пуститься в путь, заручившись одним лишь словом императора.

Путь от Праги до Констанца был последней победой, одержанной Гусом.

Когда за Пржимдой пересекли границу Чешского королевства и вступили в немецкий Пфальц, спутники Гуса (их было больше десяти — дружественные магистры Пражского университета и провожатые от императора) советовали ему накрыть лицо капюшоном. Ведь он был отлучен от церкви, и проезд через немецкие города мог иметь много неприятных, трудно предвидимых последствий.

Но Гус отказался таиться от немецкого народа. Во всех городах Пфальца, Нюренбергского бур-графства и Швабии, через которые лежал его путь, он прибивал к стенам объявления, в которых писал, что он, магистр Ян Гус, едет на вселенский собор отстаивать свое учение и просит явиться в Констанц всякого, кто желает его обвинять.

На пути Гуса собирались толпы тружеников, приветствовавших «богемского магистра», который ратовал, как они прослышали, за простой народ, против монахов.

В большом имперском городе Нюренберге множество народу бежало за экипажем Гуса. Дружелюбные выкрики, угощение пивом и сластями ясно говорили о популярности чешского магистра далеко за пределами его родной страны.

Сцены народного сочувствия и уважения к Гусу продолжались и на всем дальнейшем пути — в Ульме, Биберахе, Равенсбурге.

В начале ноября Гус приехал в Констанц.

В этот небольшой городок на берегу Боденского озера приехало, не считая Иоанна XXIII, три патриарха, двадцать девять кардиналов, тридцать три архиепископа, около полутораста епископов, множество аббатов, приоров. Университеты Европы представлены были тремя стами магистров в рясах и тогах. Духовная знать привезла с собой секретарей, слуг, личную охрану. В кривых улочках Констанца теснилось сто тысяч гостей, легионы торговцев, музыкантов, фокусников.

Несколько дней Гус бродил по Констанцу, затерянный в невообразимой сутолоке всесветной ярмарки священнического тщеславия, чувствуя глухую ненависть к себе тех церковников, кто знал его или слышал о нем.

В вызывающей роскоши одеяний и выездов, в надменной гордости этих служителей церкви тщетно искал он проблеска рисовавшихся его воображению христианских добродетелей.

И он понял, что все усилия его будут здесь тщетны, что этим слугам сатаны нет дела до правды божьей, что собор его осудит. Не верил он больше и обещанному покровительству императора.

* * *

28 ноября враги Гуса распространили слух, что отлученный от церкви магистр собирается бежать из Констанца. Кардиналы получили у Иоанна XXIII распоряжение об аресте Гуса. Под усиленной стражей он был отправлен в загородный монастырь доминиканцев и брошен в грязную, зловонную темницу.

Ян из Хлума горячо протестовал перед собором, прибивая к дверям констанцских церквей копии полученной, наконец, охранной грамоты императора. Но все было тщетно.

В это время в Констанц прибыл Сигизмунд. Оба чеха, охранявшие Гуса, напомнили императору о данном им слове. Сигизмунд разразился бранью, заявил, что покинет Констанц, если Гуса тотчас не выпустят на свободу.

Это было чистейшее притворство. С первого же дня пребывания в Констанце он стал клонить дело Гуса к угодному ему концу — к гибели проповедника.

Пока Гус томился в темнице, ввергнутый туда по приказу папы, собор принялся судить самого главу церкви.

Обвиненный собором во всех смертных грехах, Иоанн XXIII

получил повеление отречься. Надеясь сохранить тиару, он бежал из Констанца, но был пойман и заточен в подземелье немецкого замка.

А Гус тем временем все просил собор выслушать его. Только после тяжкого полугодового заключения, в начале июня предстал он перед верховным судилищем церкви.

Гус начал спокойно излагать свое учение. Со всех сторон поднялись неистовые крики. Широко разинутые рты извергали брань:

— Довольно твоих хитростей! Отвечай, исчадие ада, признаешь свою вину или нет, да или нет?..

Гус отвечал:

— Я думал, что здесь больше порядка, приличия и доброты…

— Он был скромнее в тюрьме! завопил один из кардиналов.

— Там никто не орал на меня!

Через два дня его снова слушали в соборе. Гус творил долго, и на этот раз его не перебивали. Закончил он словами:

— Я без колебания отрекусь от своих мнений, если мне покажут, в чем мое заблуждение. Я по своей доброй воле приехал в Констанц. Если б я отказался явиться сюда, никто не мог бы меня принудить к этому.

В зале зашумели прелаты: «Гордыня! Вызов!»

Тут горячий Ян из Хлума вскочил и закричал:

— Я только бедный рыцарь, но я мог бы в моем замке защищать магистра Яна хоть год!

Сигизмунд сидел в зале и видел, сколько недоумения написано на лицах прелатов. Все как бы спрашивали себя: «А император? Чего он ждет в этом деле? Почему не одернул дерзкого чеха из своей свиты?»

Опасаясь, что его намерения могут быть поняты превратно, Сигизмунд решил раскрыть карты.

После того как Гуса увели снова в темницу, император подошел к группе кардиналов, стоявших в сторонке:

— Вы слышали, что он сознался в своих ересях. Теперь, если он не отречется, сожгите его. Поступите с еретиком по всей строгости церкви! Да и покаяние его будет малого стоить. Дайте ему только вернуться в Чехию, и он начнет все сначала. Я скоро покину Констанц. Надеюсь, что с еретиком будет быстро покончено…

1 июля Гус из своей темницы письменно отказался отречься от своих взглядов. А через шесть дней он в последний раз предстал перед своими судьями.

Один из епископов-прокуроров стал читать длинное заключение. Гус несколько раз кричал, протестуя против

приписываемых ему ересей. Кардинал-председатель велел приставам зажать ему рот.

Прочли приговор:

— «Гус, нераскаявшийся еретик, приговаривается к лишению сана и к сожжению. Все книги его будут сожжены, его память — проклята, а душа осуждена на муки ада».

Гуса подняли на помост, надели на голову высокую бумажную митру, на которой написано было «еретик» и нарисованы черти, дерущиеся за его душу. Затем его передали в руки светских властей для свершения казни.

По дороге на костер осужденный видел, как сжигали написанные им книги.

Возведя Яна Гуса на сложенный костер, его еще раз спросили, не желает ли он отречься от своих заблуждений. И снова Гус ответил твердым голосом: он отречется и раскается, если ему докажут, что он заблуждался.

Палач приказал подложить под дрова факел.

Сожжение Яна Гуса.

* * *

«…Запах горелого человеческого мяса пришелся попам по вкусу», — писал К. Маркс по поводу костров, зажженных Констанцским собором[25].

Кровожадные аппетиты кардиналов особенно распалила казнь второго чешского еретика, ученика и друга Гуса — магистра Иеронима Пражского.

Выходец из бедной рыцарской семьи, Иероним Пражский получил богословское образование в университетах католической Европы. В студенческие годы он долго кочевал между Парижем, Веной, Оксфордом, Прагой и усвоил всю схоластическую премудрость своего времени.

Когда Ян Гус начал борьбу с засильем немецких магистров в Пражском университете, Иероним тотчас пошел за ним и стал первым и преданнейшим его помощником.

Еще решительнее примкнул Иероним к походу Гуса против злоупотреблений церковников. В этой трудной борьбе роль Иеронима была исключительно важной: он непрестанно колесил по Чешскому королевству и соседним странам, сеял повсюду, в селах и городах, дворцах и замках, семена гуситства.

Церковники бросали Иеронима в тюрьму в Пеште, в Вене, но всякий раз магистру удавалось ускользать из лап инквизиторов. Его отлучили от церкви, однако Иеронима Пражского это так же мало смутило, как и Яна Гуса.

Любопытной страницей жизни этого борца за чешское народное дело были попытки вызвать движение солидарности западных славянских народов — чешского и польского — с русским на почве воссоздания единого церковного культа. В основе этой идеи лежала трезвая оценка национальных интересов.

Для осуществления задуманного он отправился в далекое путешествие в русско-литовские земли, побывал в Витебске и Пскове,

Однако начатое Иеронимом дело не было доведено им до конца: от этого его отвлекла поездка Гуса в Констанц.

Иероним намерен был сопровождать туда Гуса, но Гус решительно отклонил предложение друга. Расставаясь, Иероним сказал: «Если только узнаю, что ты попал в беду, я поспешу, на крыльях полечу выручать тебя!»

Иерониму не пришлось долго ждать — вскоре он оказался в Констанце.

Однако достаточно ему было один раз послушать допрос, который кардиналы учинили здесь закованному в цепи, измученному Гусу, чтобы понять всю бесполезность и опасность своего приезда: помочь Гусу он был не в силах, зато сам легко мог угодить в лапы констанцских судей.

Иероним пустился в обратный путь, но на чешской границе был схвачен и доставлен в Констанц для следствия и суда.

Его бросили в сырое подземелье, приковали короткой цепью к столбу. Узник не мог ни лечь, ни сесть.

Год продержали Иеронима в подземелье. Затем он предстал перед кардиналами. Вышло так, как рассчитывали тюремщики: еле живой Иероним поклялся не отдавать предпочтения учению Гуса перед учением церкви.

Но собору было мало и этого. Появились новые обвинения против покаявшегося, начались новые допросы.

Иероним тем временем нашел в себе силы превозмочь минуты малодушия. Как в былые дни в Праге, зазвенел его голос под сводами судилища;

— Я знал Гуса с самого его детства. Это был чистый сердцем и справедливый человек. Вы осудили его, несмотря на его очевидную невиновность. Я готов последовать за ним! Я не отступлю теперь и перед пытками. Одно лишь тяготит, одно терзает мое сердце —. раскаяние в страшном грехе, совершенном мною против памяти магистра Яна. Постыдно устрашившись смерти, я отрекся от моего лучшего друга и учителя. Перед казнью ни о чем не прошу, молю лишь о прощении мне этого тяжкого преступления.

30 мая 1416 года Иероним взошел на костер.

Как и при казни Гуса, одежду, книги еретика бросили в огонь. Горсть праха, оставленную пламенем, утопили в Рейне.

Церковники хотели стереть с лица земли последние следы пребывания на ней людей, посмевших восстать против их власти.

VII. ПЕРЕД БУРЕЙ

Троцновский рыцарь и друг его Николай, былой бургграф королевского замка Гуси, ехали вниз по градчанскому склону. Оба всадника долго молчали, погруженные в невеселые думы. Только вчера придворный писарь прочел им присланное с гонцом донесение о казни магистра Яна.

Рыцарям представился случай покинуть дворец, где королевская чета предавалась едва ли искреннему негодованию. Они хотели на свободе обдумать, как быть дальше им и многим друзьям в Праге и в чешской провинции.

Первым заговорил Николай из Гуси. Небольшой ростом, с гордой осанкой, в нарядной одежде придворного, он живо повернулся в седле, сверкнул на спутника черными глазами:

— Теперь, брат Ян, чехи должны, наконец, сделать выбор…

«Брат Ян»… Николай из Гуси обратился впервые к Жижке с этим ласковым словом. Жижка вспомнил, как «братьями» называл их с кафедры погибший магистр…

Но о каком выборе говорит Николай?

— Тут, брат Николай, и выбирать нечего. Чешскому народу плюнули в лицо… Да что — просто сняли голову!

— Ну нет, голова пока цела. Ей-то и нужно сделать выбор… Или подчиниться собору, признать, что они там, в Констанце, не могут ошибаться, что земля наша и впрямь обратилась в зловонный очаг ереси и мерзости… или же…

Николай из Гуси запнулся. Как никак он коронный советник короля, а Жижка — приближенный королевы. Но перед Жижкою нечего скрываться.

— Или, — продолжал рыцарь, — кликнуть немедля «клич, собрать наших братьев со всех четырех концов королевства и маркграфства. Сжечь и снести до основания монастыри, забрать у них, да и у церквей, всю их землю. Уничтожить до единого всех, кто поднимет на нас меч. Силой поставить веру в Чехии так, как учил нас Гус! А после — посмотрим. Кто хочет — пусть идет с нами, а не согласен — убирайся вон из гуситской Чехии!

— Это все верно, все так, — Жижка нахмурил лоб. — Да мало того, Николай, мало! Подумай: нам никак не устоять, если только загодя не выгоним богатых немцев из Праги и других городов. Они разве примирятся с тем, что Чехия отпадет от Рима? Под Римом останется вся империя, все страны вокруг, немецкие, италийские, венгерские, польские земли. С кем им тогда торговать? У этих немецких купцов золото и сколько хочешь

наемников. Они бросят их на нас, нам житья не будет!

— А паны? — продолжал Жижка, — Подумал ты о панах? Плохо придется нам, если, сражаясь с Римом, мы во-время не возьмем на короткую узду панов. Паны сейчас на все лады клянут собор, да я им не верю! Погляди и дальше — не сегодня, так завтра Вацлав помрет, и нашим королем станет Сигизмунд. Он ведь наследник!

Николай из Гуси даже привстал на стременах:

— После того, что Сигизмунд сделал в Констанце, — и духу его в Чехии не будет! Уж кого угодно усадим на трон, только не этого губителя и антихриста!

Улицы Малой Стороны, по которым ехали теперь оба всадника, были необычно пустынны. Но Жижка и его спутник мало обращали на то внимания. Их мысли приковала к себе картина грядущей отчаянной схватки.

— Рим… император… панство… — считал Николай из Гуси, — купцы-немцы, да и свои, правду сказать, не лучше. Эти все, значит, против нас. А с нами кто?

Жижка поправил под выступом шлема повязку, прикрывавшую пустую глазницу:

— Не знаю, кто с нами, знаю — с кем мы!

По лицу Николая из Гуси скользнула тонкая улыбка сочувствия:

— Я тоже это знаю.

Тут ветер донес до них от дворца архиепископа яростные крики, звон разбиваемых стекол, тяжелые удары по дверям, срываемым с петель.

Всадники, пришпорив коней, поскакали в сторону дворца.

Бушующая толпа запрудила дворцовую площадь. Алебарды стражи еле сдерживали ее. В одном месте подмастерья оружейного цеха прорвались с топорами к крылу здания и, взломав боковую дверь, штурмовали уже внутреннюю лестницу. Возбужденная толпа вопила:

— Конрада! Архиепископа! Подавай сюда вестфальца! Тащи вниз его преосвященство! Отплатим ему за Гуса!

А тем временем архиепископ Конрад, переодевшись деревенским священником, успел сбежать.

Увидев, что Конрада во дворце уже нет, осаждавшие ринулись в ближние церкви, сорвали со стен и изломали иконы, изрезали в куски и затоптали облачения. Нескольких священников, известных врагов Гуса, вытащили из домов и жестоко избили. Двоих, которые особенно усердствовали в проклятиях и отлучениях, связали и тут же утопили во Влтаве.

Поглядев на бушевавший пражский люд, оба рыцаря отъехали

назад, к мосту.

— Да, с ними!. — задумчиво сказал Жижка. И добавил убежденно: — Скоро буду с ними!

По улице бежали дети. Они окружили кольцом попавшегося им монаха. Приплясывая, долго провожали его криком:

— В мешок монаха, в мешок!

По другую сторону Влтавы, у церкви св. Мартина, стояла густая толпа. После неистовых криков, разгула народных страстей на Малой Стороне здесь рыцарей поразила тишина. Позванивали колокола, из церкви неслось пение.

Жижка и его товарищ слезли с коней и протолкались к алтарю. Священник-гусит, держа в руках большую медную чашу, полную вина, возглашал по-чешски молитву и причащал молящихся.

Оба рыцаря подошли к чаше, причастились.

* * *

На протяжении XIII и XIV столетий в католической церкви постепенно утверждался канон, по которому священники причащались хлебом и вином, а миряне — только хлебом. В глазах суеверного и темного средневекового человека такое «преимущество» духовных лиц казалось огромным и важным.

Устанавливая эти разные формы причащения, католическая иерархия, несомненно, стремилась сделать в глазах народной массы касту церковников вдвойне священной и неприкосновенной. Некоторое время этот нехитрый прием производил желательное Риму впечатление.

В 1414 году один из ревностных последователей Гуса, ученый магистр богословия Пражского университета Якубек из Стржибра занялся этой богословской «проблемой» и «доказал», что единственное угодное небу причащение мирян — это причащение «телом и кровью Христовой».

Гус в это время уже томился в констанцской темнице. Получив трактат Якубка, он одобрил мнение своего ученика о причащении мирян не только хлебом («телом»), но и вином («кровью») из чаши.

Впоследствии, в накаленной атмосфере социальной, национальной и религиозной борьбы вопрос о чаше быстро перекочевал из «ученых» богословских трактатов на поля народных битв.

Чаша влекла поднявшийся чешский народ прежде всего как

символ равенства, как отрицание привилегий духовенства. Массы городского и сельского люда Чехии требовали от своих священников причащения вином.

Если священник отказывал народу в причастии вином из чаши, его, как злейшего врага, изгоняли из церкви, справедливо видя в нем союзника духовных и светских феодалов. Со злостными попами, звавшими на помощь своему католическому правоверию вооруженные отряды епископа или католических панов, народ расправлялся круто и беспощадно.

Констанцский собор, узнав о новой ереси «чашников» в Чехии, рвал и метал. «Подобоев», как называли сторонников причащения под обоими видами — хлебом и вином, собор предавал проклятию, отлучал от церкви. На города, где причащали мирян из чаши, налагался интердикт — запрещение церковной службы.

* * *

Рыцари, вернувшиеся к вечеру на Градчаны, застали в королевском замке невообразимую суматоху. Королева Софья, Наивысший бургграф Ченек Вартемберкский, земский гетман Моравии Лацек Краварж рассылали во все стороны гонцов к важнейшим панам, приглашая их на чрезвычайный панский сейм.

Вскоре в Прагу съехалось пятьдесят шесть человек, цвет чешского панства. Много произнесено было пылких слов и клятв верности учению Гуса. Под горячую руку паны сочинили резкое обращение к Констанцскому собору:

«…Не получивши доказательства ни одному обвинению, которое вы предъявили нашему магистру, основываясь на клевете и оговорах, вы все же осудили его и предали жестокой казни, к величайшему несчастью и вечному унижению Чехии и Моравии… Собор обвиняет нас и христианнейшие королевство и маркграфство в том, что у нас якобы гнездятся заблуждения и ереси, которые надо искоренить. Как можем мы снести такие оскорбления?! Чтобы сохранить нашу совесть и честь, мы заявляем вам и всему свету, что Ян Гус был человек безупречный и высоконравственный, что учил он заветам евангелия, ненавидел всякую ересь и заблуждение и призывал верующих к миру и любви. Мы заявляем, что всякий, кто утверждает, якобы в Чехии водятся ереси, независимо от важности его поста и знатности рода, — лжец, предатель и враг нашей страны и народа, сам наихудший еретик, сын дьявола и отец лжи… Мы принесем наши

жалобы будущему единому папе. Мы будем ему повиноваться во всем, что справедливо и законно, соответствует законам божьим и здравому смыслу. Но мы будем продолжать следовать заветам Христа и тем, кто будет их проповедовать, — скромным и праведным нашим священникам. Мы будем охранять их и покровительствовать им, хотя бы за это нам пришлось платить своею кровью».

5 сентября чешские паны, сочинившие это послание-вызов Констанцскому собору, образовали панскую гуситскую лигу. Во главе ее стали Ченек Вартемберкский, Лацек Краварж и Бочек Подебрадский.

В короткий срок к панской гуситской, лиге примкнули четыреста пятьдесят два пана.

Почти одновременно образовалась и враждебная панам-гуситам контрлига панов-католиков, слепо преданных собору и Сигизмунду. Это были четырнадцать богатейших и влиятельнейших панов королевства и маркграфства.

Ян Жижка с огромным интересом следил за действиями чешского панства. С чего бы это, спрашивал он себя, пускаться панам в такое отчаянное дело?

Он не видел в этом ничего, кроме хитрости, ловкого маневра, за которым скрывались эгоистические интересы.

Весь чешский народ знал, что венгерский король был главным виновником смерти Гуса. А паны умудрились в свое обращение к собору рядом со словами о лжецах, предателях и врагах написать: «За исключением императора, нашего будущего короля, который, как мы верим, не взял на себя в этом деле никакой вины».

С омерзением и глубокой неприязнью почувствовал Жижка, что авторы этих строк движимы были вовсе не священным негодованием, охватившим чехов, а собственными корыстными расчетами, которые они прикрыли лицемерными словами наигранного гнева и возмущения.

* * *

В один из сентябрьских дней того бурного года Жижка и Николай из Гуси заехали на постоялый двор «Белого Льва», где остановился их приятель рыцарь Хвал из Маховиц, прибывший в столицу из своего замка Рженицы в южной Чехии. У Хвала они застали незнакомого им плзеньского священника Вацлава Коранду.

Зашел разговор о делах чешской провинции.

Я проехал сейчас добрую половину королевства, — рассказывал Хвал, — всюду от Стреконич до самой Праги одно и то же: паны со своими людьми выгоняют монахов из монастырей, выгребают казну из монастырских и церковных сундуков, захватывают монастырские и церковные земли. Крестьяне помогают им от всей души, лютуют страшно, ломают иконы, рвут хоругви, жгут церковное и монастырское добро, колотят монахов. А паны, что только можно, все свозят в свои замки, запахивают межи, забирают земли со всем, что на них, — с деревнями и крестьянами. «Вы, селяне, теперь уже не монастырские, — говорит им пан, — церковь не должна больше владеть вами. Так учил нас Христос и праведный проповедник его, милый всем нам Ян Гус. Вы теперь, селяне, хвала господу, мои, панские, и земля, на которой вы сидите, тоже моя. Я буду вам, селяне, милостивым паном, если будете хорошо работать и платить мне оброка не меньше, чем платили кровососам-попам».

Хвал из Маховиц продолжал:

— Раньше бывало каждый клок земли приходилось пану брать с бою. К церковному или монастырскому не смей и притронуться — сразу свернешь себе шею. Королевское тоже — то возьмешь, то отдашь, да еще повиснешь на перекладине. А сейчас паны в королевстве дружно Навалились на монастырское и церковное добро. Народ ломает и крушит, — наболело его сердце. А пан только подбирает что получше да покраше. Каждый пан про себя думает: «Если чаша устоит, кому же тогда достанется земля, если не мне… Для того я и пошел в панскую лигу. А если собор напустит на лигу императора Сигизмунда с его немцами, да еще мадьяр, да поляков — пойдет война, и от нее мне тоже перепадет немало. Так или этак — я буду все в выгоде. Возьмет верх Сигизмунд — с ним панство сумеет до-говориться, только бы не обозлить его». Как я погляжу, золотое время настало сейчас для наших панов!..

— Не золотое время пришло панам, а время железное!..

Жижка с удивлением оглянулся на священника Коранду, который до того сидел молча в сторонке. Священник поднялся и уперся кулаками в стол. Только теперь разглядел его Жижка: высокое, костлявое тело, облаченное в потертую рясу, большая голова на сутулых плечах, тяжелый, пристальный взгляд из-под нависших бровей.

— Я тоже побывал в разных углах чешской земли и многое видел. Паны отнимают владения у слуг Ваала? Это так… Панство жиреет сейчас, как боров на тучном корму? Это тоже верно… Но, как откормленный боров, попадут паны скоро под нож… «Не мир,

но меч», — завещал нам Христос. Близятся сроки! Близок суд господен и царствие господне…

Глаза проповедника горели мрачным пламенем. Голос его метал громы:

— А до господнего суда сильных мира сего судить будет тот, кто ниже всех гнул перед ними спину, тот, кто всех их кормит своим горбом. Это будет грозный и неподкупный судия!

Потрясенные, слушали трое рыцарей прорицания плзеньского священника.

— Чешский пахарь почуял бесхитростным сердцем, что народ наш и земля наша стоят на пороге времен небывалых. Я ездил и по Бехиньскому и по Градецкому краю, заглядывал в глухие углы своего Плзеньского края. Везде видел я, как тают, яко роса под лучами солнца, старый страх и покорность народная. Людей покинули повседневные заботы и мелкие желания. Седлак[26] всем сердцем возжаждал правды. «В горы!» — вот сейчас клич чешского пахаря. Наши кормильцы хотят слышать правдивое слово в величайшем храме под куполом неба. Они собираются вместе тысячами из отдаленных деревень, с женами и детьми, в лесах, на холмах, причащаются из чаши, поют гимны и слушают проповеди. Какие проповеди! В деревнях, а не здесь, в Праге, живут пастыри, способные препоясать чресла мечом и повести чешский народ на бой за правду божию.

— До гроба не забуду, — говорил Коранда, — как неделю назад ночью близ Боротина я стоял в лесу у дороги, а мимо меня нескончаемой чередой шли седлаки и седлачки, старые и малые, и тянули печальную песню.

Коранда зашел густым басом:

Чего хотят от нас, седлаков, паны?
Чтобы мы, седлаки, никогда не ели,
Никогда не пили и голые ходили,
Ни днем, ни ночью покоя не знали,
Пока всего не отработали пану,
Беспрестанно все ему отдавали,
А сами ничего для себя не имели.

— И послушайте, какой припев:
Идите в горы! Идите в горы!
Там научитесь вы правде!
Идите в горы! Идите в горы!

— Я слыхал, — продолжал плзеньский священник, — что панская лига порешила во всех делах веры следовать учению

магистров Пражского университета. Что ж, пусть эти господа поучат панов… А у народа есть другие, свои учителя.

VIII. ВОССТАНИЕ В ПРАГЕ

Заседавший четыре года кряду Констанцский собор отнюдь не излечил язв католичества. Наивные люди надеялись увидеть, как исчезнут в церкви корыстолюбие, лихоимство и распутство. Ничего подобного не случилось. Да и немудрено: съехавшиеся в Констанц кардиналы и прелаты сами были очень далеки от добродетели. Неподдельная строгость нравов неприемлема была прежде всего для них самих, этих лицемеров, облаченных в золото и пурпур, вершителей судеб католической веры.

К концу 1417 года кардиналы расчистили дорогу для избрания единого папы — Мартина V. Новый папа распустил вселенский собор в мае 1418 года и все свое внимание сосредоточил на борьбе с гуситской «ересью».

Он прекрасно понимал, что полумеры не приведут гуситскую Чехию к покорности: слишком глубокие корни успело пустить в ней гуситство. За три года, протекшие со времени казни Гуса, гуситское движение успело разрастись вширь и вглубь. «Святой отец» решил прибегнуть к испытанному средству — крестовому походу, во главе которого должен был, естественно, стать германский император Сигизмунд, «Ограда церкви».

Согласившись возглавить крестовый поход, император сделал сначала попытку подавить гуситское движение силами чешских католиков. Своего брата, чешского короля Вацлава, терпимо относившегося к гуситам, Сигизмунд запугивал ужасами отлучения от церкви и лишением короны.

Резкие, угрожающие письма Сигизмунда и сообщения чешских послов из-за границы свидетельствовали о военных приготовлениях против Чехии.

Под впечатлением этих устрашающих вестей Вацлав решил круто изменить свое отношение к гуситам. В конце февраля 1419 года он обнародовал приказ о возвращении всех церквей в Чехии католическим священникам.

Началась бурная католическая реакция.

Враги «подобоев» — немцы-патриции, монахи, высшее духовенство, паны католической контрлиги — шумно торжествовали. Залучив на свою сторону короля, они не сомневались теперь в близкой и решительной победе над еретиками.

Улицы вновь кишели монахами. От пражан, когда-либо причащавшихся из чаши, теперь требовали унизительного покаяния, не пускали в церковь, не исповедовали, не венчали, не

крестили их детей.

Советники магистрата Новой Праги жаловались королю на эти притеснения, опасаясь бунта и кровопролития. Вацлав согласился отвести три церкви для гуситской службы. В одной из них — Снежной богоматери — стал тогда проповедовать беглый монах Ян Желивский, пламенный гусит. Не страшась угроз, он каждодневно с амвона призывал народ пражский восстать с оружием на «возликовавших католиков».

Три церкви, вокруг которых собирались несметные толпы, не могли принять всех «подобоев» Праги — к гуситской ереси примкнуло, по меньшей мере, три четверти ее населения. Настроение в народе было далеко не мирным.

Вацлаву пришлось позволить гуситским священникам служить обедни в частных домах и даже под открытым небом.

Ян Желивский и друзья его стали собирать своих приверженцев в процессии. Крестные ходы гуситов с высоко поднятой чашей двигались по пражским улицам, которые оглашались пением чешских гимнов. То и дело завязывались жестокие побоища.

* * *

Однажды, когда Вацлав направлялся в церковь, огромная процессия во главе с Николаем из Гуси окружила королевский кортеж и с громкими криками стала требовать возврата церквей «подобоям».

Впечатление получилось ужасное: смертельный испуг Вацлава, зажатого в кольце возмущенных подданных, прошел, лишь когда он спрятался от «любимого народа» за стенами замка.

Только прошлые личные заслуги перед королем спасли голову Николая из Гуси. Вацлав прогнал его навсегда из Праги.

Может быть, в том и заключался тонкий расчет рыцаря. Ему, как и Жижке, невмоготу стала придворная служба. Обоих тянуло в сельскую Чехию, где назревали грозные события.

Почти так же порвал со двором и Жижка.

Король обратился к жителям столицы со строжайшим повелением — снести вое оружие в Выше-градский замок. Пражане колебались: чувствовалось приближение решающих событий.

Через Желивского Жижка призвал пражан прийти с оружием к церкви Снежной богоматери. Троцновский рыцарь повел отсюда к королевскому замку большую, хорошо вооруженную колонну.

— Ваше величество, — обратился к Вацлаву Жижка, — преданные вам пражане решили, вооружившись, не медля, явиться на вашу ратную службу. Они перед вами! Укажите врага, против которого они должны обратить свое оружие. Все они готовы пролить за вас свою кровь!

Вацлаву, неприятно пораженному этой дерзкой выходкой Жижки, оставалось только похвалить своих подданных за преданность. Он просил пражан спокойно вернуться к домашним очагам и не затевать ссор. Но с этого дня король почувствовал себя неуютно в Праге и вскоре выехал со всем двором в замок Кунратице.

Взять с собой Жижку королева не пожелала. Троцновский рыцарь как бы увольнялся от придворной службы.

Король думал найти отдохновение от тревог вдали от Праги, в тиши окружающих Кунратице полей и лесов. Но он жестоко ошибся: сельского покоя в Чехии больше не существовало.

Ян Жижка.

В лето 1419 года вся чешская земля гудела от топота крестьянских ног, от гомона крестьянских собраний на горах Оребской, Оливецкой, Таборской, на Кржижке и многих других. Селяне каждую неделю собирались то на одной горе, то на

другой, чтобы послушать проповеди сельских священников, особенно же пламенного Вацлава Коранду из Плэня. На эти горы приходило много ремесленников из Праги и других городов Чехии.

По мере того как росло число сходившихся с разных концов страны на эти моления, менялся и тон проповедников. Пользуясь образами и метафорами из библии и евангелия, они стали смело звать сельский люд к свержению церковного и феодального гнета.

— Церкви, алтари, священные сосуды — это, — говорили они, — измышление продажных, лживых пастырей. Монастыри — вертепы разбойников. Мощи святых — наглый обман. Их следует выбросить в навозные кучи, а иконы сжечь. Хуже худшего поклонника идолов тот священник, который берет мзду за крещение, отпевание, за церковные обряды. Слугами сатаны заведена отдельная каста священнослужителей. Пусть всякий, кто чувствует в себе искру божию, идет проповедовать, свершать службу и обряды. Кто хочет отдать себя делам веры, пусть живет в бедности, на добровольные даяния.

— Бог, — говорили проповедники, — всех людей создал равными. Перед его лицом нет ни богатых, ни бедных, ни знатных, ни простолюдинов. Всех, «то угнетает ближних своих, кто благоденствует, предаваясь роскоши и чревоугодию, кто кичится знатностью рода и голубою кровью, скоро истребит гнев господень. Спасутся только праведные, собравшиеся на горах. Они — карающий меч в руке господа, они избраны, чтобы очистить землю от скверны.

После проповеди начинался обряд покаяния перед всем народом, а затем причащение собравшихся из чаши.

Потом приступали к общей трапезе. Незнакомые люди называли друг друга братьями и сестрами. Всю принесенную снедь они делили поровну. Собирали медяки, чтобы отдать их окрестным крестьянам за истоптанные вокруг горы посевы. Поздно ночью расходились под тысячеголосое пение гуситских песен.

С необычайной силой втягивало это внешне религиозное, а по сути своей революционное антифеодальное движение народные низы Чехии.

Раньше паны охотно позволяли своим крестьянам громить монастыри и церкви. Теперь — в 1419 году — они увидели, что народ на горных сборищах клонит в опасную для них сторону. Феодалы стали запрещать своим крестьянам паломничества и лютовали против ослушников. Но никакие наказания уже не помогали. Движение ширилось, охватывая все новые массы крестьянства и городского плебса.

Крестьяне, их жены и дети не устрашались угроз лана лишить их имущества и даже жизни. Ничто не могло удержать седлаков дома. «Гора Табор притягивала их к себе, как магнит тянет железо», — писал чешский летописец того времени Лаврентий.

Табор — так по-библейски [27] назвали крестьяне гору в южной Чехии близ развалин города Градище над рекой Лужницей. Здесь обращались к народу самые горячие проповедники гуситства.

22 июля 1419 года на Таборе собралось сорок тысяч человек. Как рассказывает летописец, в тот день сюда пришли паломники не только из-под Писка, Воднян, Нетолиц, Германовиц, Узка, Седлачан, Плзня, но также из Праги, Домажлиц, из Кралева Градца и многих других мест. Прибыли пешие и конные, мужчины и женщины, старые и малые, парни и девицы. Среди паломников были и ремесленники, торговые люди, рыцари. Многие подверглись в пути нападениям панских наемников, немало погибло.

Николай из Гуси, бывший в тот день на Таборе, вместе с Корандой и другими священниками решили, что настала пора призвать народ к обороне. Пусть седлаки приходят впредь на моления не в одиночку, а собравшись в десятки и сотни, вооруженные вилами и цепами. Тогда трудней будет нападать на них панским и королевским слугам.

Укрывшийся в Кунратицком замке король Вацлав получил об этом народном сходе на Таборе паническое донесение: Николай из Гуси замыслил якобы свергнуть его и архиепископа Конрада и избрать нового, народного короля и архиепископа.

Королевские вельможи совсем потеряли голову и ожидали с минуты на минуту общего крестьянского восстания. Бургграфам королевских замков и городов, да и всем панам отдан был приказ оружием препятствовать крестьянским собраниям.

Но народные массы уже вышли из повиновения, и вернуть их к прежнему состоянию спокойствия и покорности было трудно.

* * *

Решающий шаг к народному восстанию был сделан в Праге 30 июля 1419 года.

Незадолго до того король сменил в Новой Праге городских советников-гуситов. Он назначил вместо них двенадцать ярых католиков, готовых на крайние меры, чтобы только подавить «чашников», составлявших огромное большинство населения

Новой Праги.

30 июля Ян Желивский в горячей проповеди призвал пражан-гуситов силой войти в церковь св. Стефана на Рыбничке. Церковь эту католический священник незадолго до того велел запереть на замок, чтобы «чашники» не «оскверняли» ее.

— А после того, как отобьем этот храм, — закончил Желивский, — пойдем, братья мои и сестры, всем народом пражским к ратуше Новой Праги. Заставим советников вернуть семьям наших братьев, которые безвинно томятся в их подлом узилище!

— Приходите, братья, с оружием! — предупреждал тут же народ Ян Жижка. — На нас могут напасть!

В середине дня от церкви Снежной богоматери двинулась необычная процессия. Впереди шел, как всегда, Желивский с чашей. Но над головами паломников торчали вместо хоругвей острия пик, блестели лезвия секир, у поясов висели кинжалы, мечи. Рядом с Желивским шел Жижка.

Гуситы сорвали двери закрытой церкви. Затем двинулись к ратуше Новой Праги.

Остановились на площади перед ратушей. Несколько человек отделилось от процессии, чтобы войти в здание и потребовать у советников освобождения заключенных. Двери ратуши оказались заперты и завалены изнутри.

Толпа стала криками требовать советников на балкон. Те не заставили себя ждать, вышли и принялись осыпать сгрудившийся внизу народ проклятиями и злыми насмешками. Кто-то швырнул сверху увесистый булыжник, угодивший в чашу, высоко поднятую Желивским. Чаша полетела наземь.

Толпа сразу забурлила гневом:

— Смерть нечестивцам!

— За мною! — закричал Жижка.

Вмиг притащили откуда-то бревна. Двери рухнули под тяжелыми ударами. Разъяренные «чашники» ринулись по лестнице вверх. Они выбросили из окна бургомистра и пойманных советников. Внизу их приняли на копья и кинжалы.

При первом известии о мятеже королевский подкоморный двинулся к ратуше Новой Праги с тремястами всадников. Но увидел безмерную ярость народа и повернул обратно в Вышеградский замок.

Когда площадь опустела, на ней осталось лежать тринадцать изуродованных тел.

Все поняли теперь, что неминуемое свершилось и что возврата с пути восстания больше нет.

Набатный звон загудел над смятенным городом, скликая

народ.

К ночи пражские гуситы собрались на сход общины Новой Праги. Под угрозой изгнания из столицы все должны были прийти вооруженными. Тут же на площади перед ратушей выбрали новых советников, бургомистра и четырех военачальников — гетманов. Гетманам вручили верховную власть над восставшей Прагой. Они должны были руководить вооруженным народом, если бы королевские войска попытались свергнуть поставленных сходом новых советников.

В ту ночь началось бегство из Старой Праги всех, кому страшно стало оставаться лицом к лицу с восставшими. Массами бежали немцы — монахи, купцы, богатые мастера. Многие чешские паны, жившие в столице, раньше дружественные гуситству, теперь спешили в свои поместья, отшатнувшись в ужасе от поднявшего оружие народа.

Известие о мятеже привело короля Вацлава в неистовство. Он грозился двинуть на Прагу войска, устроить «колбасникам и седельникам» кровавую баню, но быстро остыл, когда узнал, что многие города Чехии готовы последовать примеру столицы.

Вацлав утвердил выбранных народом советников.

Треволнения этих дней ускорили кончину короля. Случившийся с ним в августе удар, уложил его в могилу.

Как высоко поднялись уже тогда волны народного восстания, можно судить по рассказу летописца о похоронах короля:

«В шестнадцатый день августа месяца, почти в час вечерни, король чешский Вацлав, пораженный апоплексией, с превеликим стенанием и как бы рыканием львиным внезапно скончался в замке близ Праги. Из страха перед народом тело его перевезено было в ночное время в пражскую крепость и поставлено в часовне св. Вацлава. А через несколько недель увезено оттуда ночью же и в полном унижении в Краледворский монастырь, где король избрал себе место упокоения. Тело короля похоронили рыбаки, пекари и послушники этого монастыря».

Смерть Вацлава послужила поводом для новой вспышки народных волнений. По праву наследования трон теперь принадлежал Сигизмунду. Но для чехов не было имени ненавистнее этого: Сигизмунд сжег Гуса, оклеветал чешский народ и навлек на него ненависть соседей, не раз бахвалился в письмах и речах своих, что «ждет не дождется дня, когда утопит во Влтаве всех гуситов». Такого короля чехи не желали.

Гнев народа обрушился на тех, кто внутри королевства тянул сторону Сигизмунда, и прежде всего на богатых немцев и на монахов.

С новой, небывалой силой забушевало в те дни в Праге

восстание чешского ремесленного люда и городских низов. Многие монастыри — «вертепы разбойников» — были разрушены и сожжены.

Из столицы продолжалось бегство немецкого патрициата, католического духовенства, важнейших чиновников. По свидетельству летописца Лаврентия, «каноники, монахи, купцы и многие богатые горожане бежали тогда из Праги».

Оставленное католиками движимое и недвижимое имущество захватывали пражские бюргеры-чехи — горячие приверженцы чаши. Их радовало зрелище сокрушения и гибели католиков, а мошна раздувалась от столь счастливо и неожиданно попавшего в нее золота.

На приступ монастырей и патрицианских домов, рискуя головой, шли водовозы, сплавщики, ремесленные ученики и подмастерья. А добро, взятое в бою или брошенное бежавшими, доставалось новым советникам магистрата, чехам-купцам, ремесленным мастерам.

Настали дни сказочного обогащения чешского бюргерства, примкнувшего к гуситскому движению. Вытесняя немцев-патрициев, завладевая их богатствами, бюргеры-чехи возносились волною событий на вершину влияния и власти.

Восстание, вспыхнувшее с такой силой в Праге, быстро перебросилось во многие города провинции. В Писке, Плзне, Хомутове, Лоунах громили монастыри, забирали имущество купцов-немцев и католиков. То же происходило и в Кралевом Градце, Клатовах.

Католический летописец рассказывает: «В течение этого же 1419 года гуситы восставали во многих местах, опустошали города и местечки, монастыри, обители, странноприимные дома, разрушали церкви и алтари, а некоторые из них сжигали и беспощадно убивали застигнутых там верных сынов католической церкви».

В сельской Чехии паны-«подобои» продолжали захватывать земли, еще не отобранные до того у церковников. Для этих панов гуситское движение давно перестало рисоваться в прежнем розовом свете. Приумножая свои земельные владения, они с тревогой взирали на будущее. Их не столько пугали угрозы Сигизмунда и папы, сколько растущее с каждым днем среди их крестьян недовольство и все более частые случаи открытого неповиновения.

Уже в это время среди зажиточных пражских бюргеров-«подобоев» и у многих панов, завладевших церковными землями, наметилось сильное желание выразить Сигизмунду верноподданнические чувства и помочь ему усесться на чешском

троне. Но они требовали от него твердого обещания сохранить бюргерству и панству их новые приобретения.

Тем временем магистры Пражского университета — эти идеологи чешского бюргерства — успели уже немало потрудиться над сведением почти что всех гуситских новшеств только к причащению мирян из чаши. Озлобленные и напуганные крайними проповедями сельских священников на горах, университетские магистры запретили службы и проповеди под открытым небом и вне церквей. Они требовали сохранения и дорогих облачений и платы за обряды, настаивали на святости икон и даже на латинском богослужении. Будь на то их воля, магистры договорились бы и с Сигизмундом и с Римом.

А к Сигизмунду в Венгрию спешили чешские паны-католики, к нему отправилась и вдовствующая королева Софья. Былая гуситка молила теперь претендента на чешскую корону подавить взбунтовавшихся чехов при помощи немецких и венгерских войск.

Сигизмунд намеревался вторгнуться с крестоносцами в свои новые владения весною следующего, 1420 года, но планы свои держал в тайне. Пока же бороться с бунтовщиками он предоставил самим чешским панам и их наемникам.

Он назначил временным регентом королевства Софью и придал ей коронный совет с Ченком Вартемберкским во главе.

Паны-«подобои» усмотрели в назначении Ченка, былого главы панской гуситской лиги, успевшего прихватить немало монастырских поместий, Молчаливое признание Сигизмундом их собственных земельных захватов. Это сразу расположило их к Сигизмунду.

Зато совсем неуверенно почувствовали себя в эту осень 1419 года пражские бюргеры. Они слали в Венгрию послов, просили Сигизмунда дать обещание не преследовать «чашников». Сигизмунд отделывался туманными фразами: он, мол, намеревается править Чехией, как правил отец его. Но как раз Карл IV был ревностным католиком. Эти посулы меньше всего способны были успокоить пражских мещан.

В сентябре, во время регентства Софьи, собрался Великий сход трех пражских общин. Он принял решения — «почтительные требования» бюргеров Праги к новому королю:

1. Слово божье должно повсюду проповедоваться свободно. Причастие под обоими видами будет разрешено во всех церквах королевства и маркграфства.

За этим следует характерная оговорка: каждый может по своей совести принимать или отвергать католические обряды. В церквах Чехии католики будут принимать причастие под одним, а чашники — под обоими видами.

2. Король обязуется написать папе протест против обвинения чехов в ереси.

3. Немцы не должны допускаться на государственную и городскую службу. Советники ратуш будут выбираться из чехов.

4. Решения суда должны выноситься на чешском языке.

В ответ на эти более чем скромные пожелания Сигизмунд написал пражским общинам «советы»: беспрекословно во всем подчиняться королеве-регентше Софье, впустить обратно в Прагу монахов и купцов-немцев, не трогать монастырей. Дал обещание в дальнейшем рассмотреть «просьбы» пражских бюргеров.

В то же время тайно Сигизмунд стягивал немецкие вооруженные отряды к Вроцлаву в Силезии.

Софья и Ченек — эти ставленники Сигизмунда, сидевшие в Пражском замке, в самом сердце гуситской Чехии, становились средоточием сил, враждебных народному движению. Наемные войска регентства быстро заняли важнейшие опорные точки в стране — замки и крепости. В самой Праге отряды немецких рыцарей-наемников стекались к Вышеграду и Градчанам, готовясь напасть оттуда на мятежные пражские общины.

Но как стремительно ни действовало регентство, противостоящие ему народные силы накапливались еще быстрее.

* * *

В середине сентября со всех концов Чехии сошлись крестьяне и городской люд на гору Кржижек. С боем прорвался сюда со стороны Плзня Вацлав Коранда. Он привел тысячи людей. Это были уже не прежние смиренные паломники, а полный воодушевления отряд крестьянской армии, вооруженный вилами, косами, цепами, выдержавший несколько жестоких схваток с панскими отрядами.

На Кржижке по-прежнему причащались из чаши, пели гимны. Но не это волновало теперь народ. Коранда говорил собравшимся о черной рати наемников, стянутой панами-предателями, об опасности, грозящей пражскому люду от Софьи и Ченка.

— К нам пришло много братьев-пражан, — говорил Коранда. — Их перебьют на пути домой, если мы все не пойдем вместе с ними до самой Праги.

— Идем, идем в Прагу!

Ночью пражские привратники открыли ворота длинной колонне паломников-воинов.

Улицы огласились криками радости. На площадях зажгли

костры. Начали звонить в одной, другой церкви. Вскоре вся Прага гудела от колокольного звона.

Трудовой пражский люд, как мог, потчевал своих гостей. А советники и зажиточные бюргеры притаились в домах своих. Им казалось, что вот сейчас начнут мужики все вокруг крушить и жечь во исполнение предсказаний горячих своих проповедников о грядущем разрушении Праги — нового Вавилона. Однако крестьяне, прогостившие в Праге несколько дней, весь свой гнев направили против монастырей и церквей.

Советники выпроводили незваных гостей, надавав им обещаний следить за строгостью нравов в столице, закрыть питейные и игорные дома, не обвешивать и не обсчитывать на рынках крестьян.

— Мы соберемся снова в Праге десятого ноября, — говорили покидающие столицу крестьяне, — тогда и очистим ее от скверны!

Когда ушли паломники, Ченек решил, что ждать больше опасно, и перешел в наступление.

Вышедшие из обоих пражских замков наемники заняли 18 октября важнейшие стратегические позиции на левом берегу Влтавы, на Малой Стороне: монастырь св. Фомы, дворец архиепископа и Страховский монастырь.

Вызывающие действия Ченка и Особенно появление в столице ненавистных пражанам наемных рыцарей-немцев напугали и оттолкнули от намечавшегося соглашения с регентством многих бюргеров.

В городских низах вторжение на улицы Малой Стороны немецких рыцарей-наемников вызвало страшный взрыв. Начались столкновения, которые быстро перешли в жестокие, опустошительные уличные бои.

IX. ЖИЖКА И ПРАЖАНЕ

При свете костров, пылавших на Большом торжище перед ратушей Новой Праги, Жижка обучал военному делу пражан, пришедших на его Призыв из всех восьми четвертей Нового и Старого города[28].

Пекарю привычно работать у печи длинной лопатой. Жижка давал ему копье и показывал, как надо им действовать. Сапожник ловчее управится с оружием покороче — он получал секиру.

Готовые бойцы — оружейники. Они самим ремеслом приучены владеть мечом и самострелом.

Для задуманного захвата Вышеграда важно было научить штурмующих быстро подниматься по лестнице, прикрываясь сверху щитом и держа под ним меч. Отобрав самых крепких из пришедших к нему бывалых воинов, Жижка заставил их лазать вверх и вниз по длинной лестнице, приставленной почти отвесно к стене Шатлавы — пражской тюрьмы.

После полуночи наскоро обученный отряд выступил через Свиные ворота из Новой Праги. Чтобы не всполошить стражу на стенах Вышеграда, Жижка решил подойти к замку со стороны Влтавы. Барочники гребли веслами, обмотанными соломой.

Отряд, высадившийся в тумане осенней ночи поодаль Вышеградского замка, стал ждать первых слабых проблесков рассвета. В этот час утомленная ночным бдением на башнях стража скорее всею не заметит незваных гостей, подпустит их к самому каменному обводу.

Расчет Жижки был верен: в замке подняли тревогу только после того, как люди Жижки успели приставить длинные лестницы и взобраться до их середины. Через минуту закипел бой на гребне стены.

Взобравшись наверх и оставив своих людей биться со стражей, Жижка с десятком воинов побежал к воротам замка. Короткая схватка — и с тяжелых, окованных железом ворот уже сбрасывали запоры. Прихваченный отрядом кузнец, не раз чинивший здесь подъемные колеса, живо завладел ими и опустил мост.

Несколько сот вооруженных пражан, нетерпеливо дожидавшихся конца дела по другую сторону ворот, через минуту с победными криками ворвались в замок.

Защитники Вышеграда дрались вяло. Завидев во главе атакующих одноглазого рыцаря, своего былого товарища, они тотчас опускали мечи.

— За чашу! — кричал Жижка.
— За чашу! — отвечали сдающиеся на милость рыцари.

Арбалетчик.

Все произошло с такой стремительной быстротой, что немецкие рыцари-наемники еще спокойно спали под сводами замка, когда туда вступили победители. Наемников перевязали и погнали в Прагу.

Эта дерзкая, мастерски выполненная операция высоко подняла Жижку в глазах пражан, сделала его всеми признанным военным вождем пражских гуситов.

Теперь следовало штурмовать второй бастион Ченка Вартемберкского — королевский Пражский замок. Но нельзя было и думать взять этот замок так, как захватили Вышеград, с

налета: католики зорко охраняли главную свою твердыню. Штурм ее потребовал бы нескольких тысяч людей и больших жертв.

В согласии с Желивским Жижка решил обождать с атакой на этот замок еще две недели — до условленного ранее подхода гуситских паломников из всех чешских земель.

Засевшим на Градчанских высотах Софье и Ченку предстоящее в Праге народное сборище сулило мало приятного. А нетерпеливый Сигизмунд требовал из своей венгерской столицы немедленного наступления на Прагу.

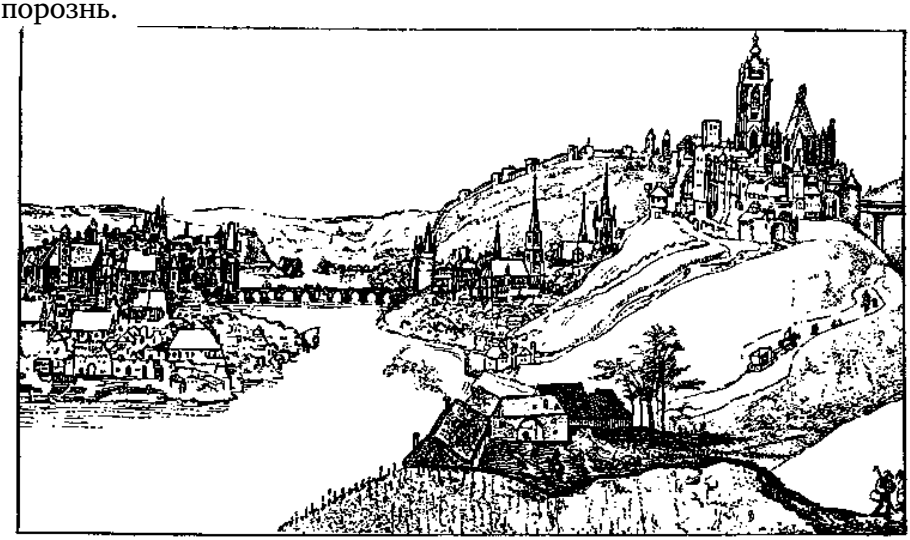
Ченек задумал совершить налет большими силами из Градчан через Карлов мост на Старую Прагу. Он лихорадочно стягивал в Пражский замок военные отряды.

Однако подготовка большой военной вылазки против пражан требовала времени. А Ченек опасался, как бы приход в Прагу вооруженных крестьян-паломников, намеченный на ноябрь, не опрокинул всех его расчетов.

Регентство решило любой ценой помешать приводу в Прагу гуситов из провинции. Конные отряды Ченка и католических панов начали рыскать по стране. Они перехватывали один за другим все пути к столице.

Католикам удалось разогнать толпы народа, шедшего к Праге с севера и востока Чехии. Зато они потерпели полную неудачу на южной и западной стороне.

Гуситов из Плзеньского края вел Вацлав Коранда. Его письма вовремя достигли Николая из Гуси и Хвала из Маховиц, шедших во главе крестьян и горожан Бехиньского и Прахеньского краев. Оба отряда соединились, прежде чем католики успели разбить их порознь.



Карлов мост и Градчанский холм (гравюра XVI века).

Сводный отряд, вооруженный вилами и цепами, отразил атаку тысячи трехсот всадников, которыми командовал пан Петр Штернбергский. Зато панские наемники добились своего у маленького городка Книна. Они настигли здесь триста гуситов, двигавшихся отдельной колонной со стороны Усти над Лужницей, и перебили их всех поголовно.

4 ноября в Прагу вошли крестьяне и ремесленники, ведомые Корандой и Николаем из Гуси из-под Плзня, Клатов, Домажлиц, Сушиц. Они принесли в столицу страшную весть об избиении у Книна.

Снова загудел над Прагой набат. Пражские гуситы и пришедшая к ним подмога решили немедленно и всем народом выступить на юг и отомстить за гибель сотен ни в чем не повинных людей.

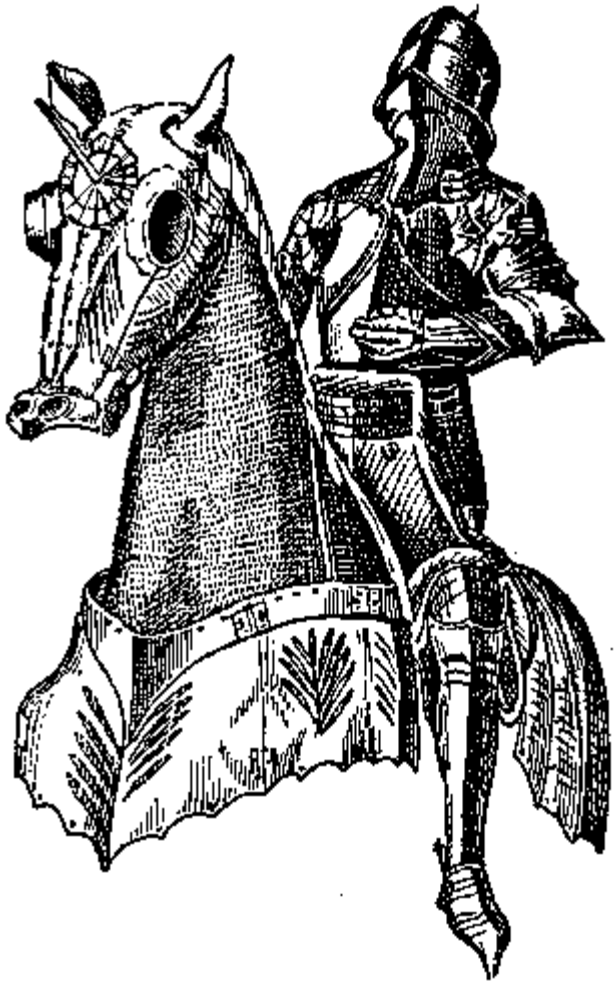
Надо было дать исход народному гневу. Жижка, Николай из Гуси, Желивский, Коранда сошлись на том, что нет смысла искать врага где-то далеко. Здесь, в самой Праге, на виду у всех засел он по другую сторону Влтавы. В руках Ченка было уже предмостье, и он в любую минуту мог бросить католических наемников через Карлов мост на Старую и Новую Прагу.

В тот же день Жижка повел плохо вооруженный, неопытный в ратном деле народ на занятую отрядами Ченка Малую Сторону. С двух концов предмостья, из Саксонского дома и из дворца архиепископа, наступающих встретили огнем пушек — еще редкостного тогда оружия. Стреляли по атакующим и сбоку — с Градчанских высот. Под смертоносным градом камней и кусков железа, устилая своими телами берег Влтавы, гуситы прорвались к Саксонскому дому и дворцу архиепископа.

В жестокой рукопашной схватке наемники не устояли. Тесня их, бойцы Жижки упорно двигались вперед, брали штурмом дом за домом.

К ночи Жижка пробился до монастыря св. Фомы. Вся Малая Сторона была в его руках. Справа ею люди добрались до градчанских стен. Десятки домов Малой Стороны стояли в пламени.

Гулкая пальба пушек, непрерывный набатный звон, сзывавший гуситов на бой, зарево пожаров, игравшее алыми сполохами на зеркальной глади Влтавы, — народная Чехия вступала на трудный и славный путь…



Рыцарь в доспехах.

В ту ночь королева Софья так испугалась яростного натиска воинов Жижки, что бежала из Пражского замка потайным ходом. Ее сопровождал молодой Ульрих Розенберг, сын умершего Генриха Розенберга.

А люди Жижки, опьяненные успехом, захватив богатую добычу— множество оружия, коней, пушек, с победными криками вернулись обратно на правый берег Влтавы. Идя следом за ними, католики вновь заняли оставленную победителем Малую Сторону и принялись грабить и жечь все, что еще уцелело от разрушения.

Пять дней кряду Малая Сторона переходила из рук в руки.

Тем временем Немецкий патрициат королевских городов — Кутной Горы, Часлава, Коуржима, Колина — объявил войну

мятежной Праге.

К Ченку непрерывно шли подкрепления: наемники-немцы, иноземные рыцари, чешские паны-католики.

А Жижка, Николай из Гуси, Коранда скликали из всех краев Чехии в Прагу своих сторонников — крестьян и городскую бедноту. Жижка снова стал готовиться к давно задуманному удару — штурму Пражского замка. Овладеть им и всем Градчанским холмом — значило сделать Прагу неприступной народной твердыней. Тот, кто держит Выше-град и Пражский замок, крепко держит в своих руках и оборону всей Праги.

Но расчетам и надеждам Жижки положили конец богатые бюргеры Праги, советники обеих ратуш и магистры университета. Этих новых господ чешской столицы очень пугало широкое движение народа и трудности длительной войны.

«Пора пойти на мировую!» — стало теперь кличем всех, кто боялся народа и предстоящей долгой борьбы.

«Наша торговля, — рассуждали пражские купцы, — скоро придет в полный упадок. Если военные действия затянутся, мы вынуждены будем месяцами содержать в стенах Праги пришельцев, крестьян и ремесленников, которые нас и так уже объели. А Ченек и королева, — говорили эти лицемеры, — вовсе не желают нам зла. Служа Сигизмунду, они в душе такие же сторонники чаши, как и мы сами».

Должно быть, именно в это время Жижка и Николай из Гуси, настаивавшие на борьбе с Сигизмундом, его регентством и католическим панством, ясно осознали, что у них свой, отдельный от пражских бюргеров путь. Вожди крестьянско-плебейского крыла гуситов на каждом шагу могли убедиться, что столичные бюргеры, даже самые ярые «подобои», стоят на иных позициях, чем они.

Надо было показать всей крестьянской и плебейской Чехии, что новые богатеи чешской столицы — ненадежные союзники в антифеодальной войне. Тонкий политик Николай из Гуси стал настойчиво требовать у магистров университета — этих идеологов умеренного бюргерского гуситства — ответа на вопросы коренной важности: во-первых, «обязаны ли власть имущие защищать мечом правду божьего закона?» и, во-вторых, «если светские власти не проявляют должного рвения в защите мечом этой правды, переходит ли обязанность защищать ее на простой народ?»

Магистры Пражского университета оказались в большом затруднении. Эти узколобые начетчики дрожали от страха перед бурею все растущего крестьянского антифеодального движения. За годы, протекшие от казни Гуса, магистры успели в вопросах

богословских сильно «поправеть» и теперь искали путей сближения своего весьма умеренного «подобойства» с католичеством. Как пишет К. Маркс, «только цинизм и гонения Констанцского собора против этих педантичных схоластов заставили их пойти дальше»[29] — дальше обычных обрядностей самого правоверного католичества.

Но наряду с такой откровенной готовностью магистров пойти «назад от Гуса и Иеронима»[30] они все же очень боялись порвать связи с народным гуситским движением и остаться наедине, лицом к лицу, с мстительной и жестокой Римской курией.

Пражским магистрам приходилось лавировать. Вопросы Николая из Гуси поставили их в очень трудное положение. После долгих колебаний они в конце концов, в середине ноября, ответили: «Тяжко и опасно советовать нашим общинам верующих вступать в телесный бой[31]. Лучше избрать путь христианского терпения. Однако если светская власть противится богу и его законам, то бог допускает, чтобы христианские общины телесным боем защищали его закон».

Такой ответ и нужен был крестьянским вождям. Вацлав Коранда помог народным массам сделать из «мудрого» решения магистров нужный вывод. Он заявил: «Паны и городские пражские власти впали в такую леность, что не хотят защищать мечом правду закона божия. А если так, то простой народ сам и может и должен взяться за оружие для защиты этой правды, для искоренения противников ее». Этот вывод имел огромное значение для крестьянско-плебейских масс. Они поняли решение университета так, что сам бог возлагает на их плечи задачу, от которой ленивые пражские господа отлынивают, — биться насмерть с теми, кто идет против правды.

13 ноября пражские бюргеры заключили с регентством перемирие. Королева обязалась допустить во всей Чехии причащение из чаши. Пражане, со своей стороны, не должны были, согласно договору, поощрять разгрома монастырей и церквей. Помимо того, они обязались возвратить Софье и Ченку Вышеградский замок.

Это было первое открытое предательство в длинной цепи предательств, совершенных позже пражскими бюргерами, постоянно колебавшимися между сознанием неизбежности борьбы с Сигизмундом и страхом перед устремлениями народных низов. На протяжении пятнадцати лет будут они метаться из стороны в сторону, никогда, впрочем, не теряя из виду своих эгоистических, «шкурных» интересов.

Возврат Вышеграда католикам был открытым вызовом Жижке и его друзьям. Не желая после этого оставаться дольше в Праге,

Жижка вывел своих людей из столицы.

X. ПЕРВЫЕ ПОЛЕВЫЕ БОИ

Утопая в глубокой грязи, движется по плзеньской дороге толпа крестьян и городских плебеев. Над массой людей, растянувшихся в длинную колонну, торчат пики вперемежку с цепами и вилами. На концах их насажены лоскуты с грубо намалеванной на них чашей. За поясами палицы, топоры, боевые молотки, кривые сабли, кинжалы, мечи — пражская добыча. Кое-кто несет на спине арбалет и мешок со стрелами.

По пути в деревнях стар и млад выходят поглядеть на диковинных, отроду невиданных «божьих воинов». Женщины протягивают усталым людям кружки с пивом, ковриги хлеба.

— Далеко идете?

— В город Солнце, — отвечают воины. Так «на горах» прозвали Плзень.

Путь колонне предстоит дальний, в три дневных перехода.

Впереди пять всадников: Ян Жижка, Николай из Гуси, Вацлав Коранда, Хвал из Маховиц, пан Брженек Швиговский.

— Пойдем прямо на Крживоклат? — спрашивает Жижку Швиговский.

— Нет, перейдем Мжу у Бероуна, а оттуда на Рокицаны.

Жижка, ведущий колонну, обращается к Николаю из Гуси:

— Мы, брат Николай, хорошо сделали, что ушли! В Праге все равно не усидеть бы… Ты видел: седлаки для советников столицы хуже католиков — самые нежеланные гости. А затевать нам сейчас с пражанами свару — только порадовать Сигизмунда и его слуг.

— Я думаю, брат Ян, — отвечает Николай из Гуси, — скорей бы нам овладеть надежной опорой. Укрепись' в Плзне так, чтоб внутри, за стеной, у тебя остались только преданные нашему делу. Не так, как в Праге: там куда ни плюнь — монах! А когда сядешь крепко, скличем седлаков со всех концов Чехии и начнем разить оттуда, из нашей крепости, во все стороны. Тогда доберемся и до Праги!

— Император к весне непременно пожалует сюда. Приведет с собой тучу немецких баронов и рыцарей. С ними, брат Николай, и будем биться!

— Пусть только сунется сюда со своими немецкими дворянами! — восклицает Коранда. — На него мигом встанет вся Чехия!

— Встанет, да что толку — безоружная, — возразил Хвал. — Драться надо с хорошим оружием в руках, не то рыцари затопчут

конями хоть тысячу тысяч! Нужны кони, панцыри, оружие!

Жижка покачал неодобрительно головой.

— Нет, брат Хвал, им нужно другое! — сказал он, кивнув назад, в сторону шлепавших по грязи людей. — Надо научить их умело биться, да не по-пански, а по-своему, по-крестьянски! Тогда не страшны будут ни кони, ни рыцарские пики. А оружие? Если в груди воина горит огонь веры, и простая палка в его руках — меч огненный. Дай только срок, брат Хвал, увидишь: мы поразим закованных в броню хоть дубьем, хоть цепом! А тяжелых коней, панцыри нам негде взять. Надо найти другое, свое, крестьянское оружие.

Жижка высказывал сейчас свои сокровенные мысли, выношенные в боях за пражскую Малую Сторону. В сознании его опыт недавних боев в Праге постепенно сочетался с воспоминаниями о стычках в лесах вокруг Будейовиц, а также с тем, что видел он когда-то в Пруссии на поле битвы с Тевтонским орденом. В смутных чертах стала рисоваться ему новая тактика народной войны, ни в чем не похожая на ту, какую он наблюдал в ранней юности, когда оруженосцем прислуживал своему рыцарю.

Жижка напряженно искал теперь решения чисто военных задач. В этом остро нуждалась вся народная Чехия.

После десяти лет жизни в столице, охваченной лихорадкой социального и национального движения, троцновский рыцарь обратился в горячего, убежденного гусита. Для Жижки в гуситстве сплелось воедино множество сильнейших чувств, способных управлять волей человека.

В гуситстве и его религиозных символах находил он утверждение страстной своей любви к родной земле и ненависти к облепившим ее праздным тунеядцам и богатым чужакам. В нем находил он и призыв к тому, чтобы отдать себя безраздельно борьбе крепостного крестьянства с его угнетателями.

* * *

В середине ноября отряд Жижки подошел к Плзню. В городе оставалось немало католиков, готовых оружием воспротивиться вступлению гуситского войска. Но плзеньские гуситы, заслышав о приближении победителя Вышеграда, восстали и открыли ворота.

Не мешкая, принялся Жижка за укрепление Плзня, рассчитывая сделать его средоточием сопротивления для всей гуситской Чехии. Он начал с того, что изгнал из города открытых врагов: католическое духовенство, монахов, купцов-немцев. Затем

стал чинить и укреплять старые городские стены.

За стенами, в непосредственной близости от Плзня, разбросаны были церкви, загородные дома. Жижка снес их до основания, приказал разрушить все плзеньские монастыри. Эти меры должны были на случай осады значительно облегчить оборону.

Николай из Гуси укрепился неподалеку от города, на Зеленой Горе.

Регент чешского королевства королева Софья предложила бывшему своему придворному мирные переговоры. Жижка наотрез от них отказался. Тогда Софья двинула на Плзень отряд пана-католика Богуслава Швамберга.

Жижка не собирался отсиживаться за стенами. В начале декабря он вышел из Плзня с тремястами воинов и семью возами, нагруженными стенобитными таранами и осадными пушками.

Толстые короткоствольные пушки выковали для Жижки плзеньские оружейники. Каждая состояла из двух выгнутых коробом железных листов, хорошо пришлифованных и стянутых вместе железными обручами. Пушки могли стрелять мелкими камнями, а при нужде — и шестнадцатифунтовыми железными ядрами.

Ближайшей целью Жижки было разрушение панских замков и крепостей, окружавших город кольцом. Отряд двинулся на север, к замку Некмиржу, находившемуся в двух милях от города. На полпути его встретило вдесятеро более сильное войско, — пан Богуслав преградил гуситам дорогу двумя тысячами хорошо вооруженных, закованных в латы конников.

Казалось, эта неожиданная встреча предрешала судьбу плзеньского отряда. В великой поспешности Жижка отвел свой отряд в сторону от дороги, к крутому холму. «По крайней мере, — рассчитывал Жижка, — противник не сможет зайти с тыла, а свои будут драться до последнего». Пути к отступлению отсюда не было.

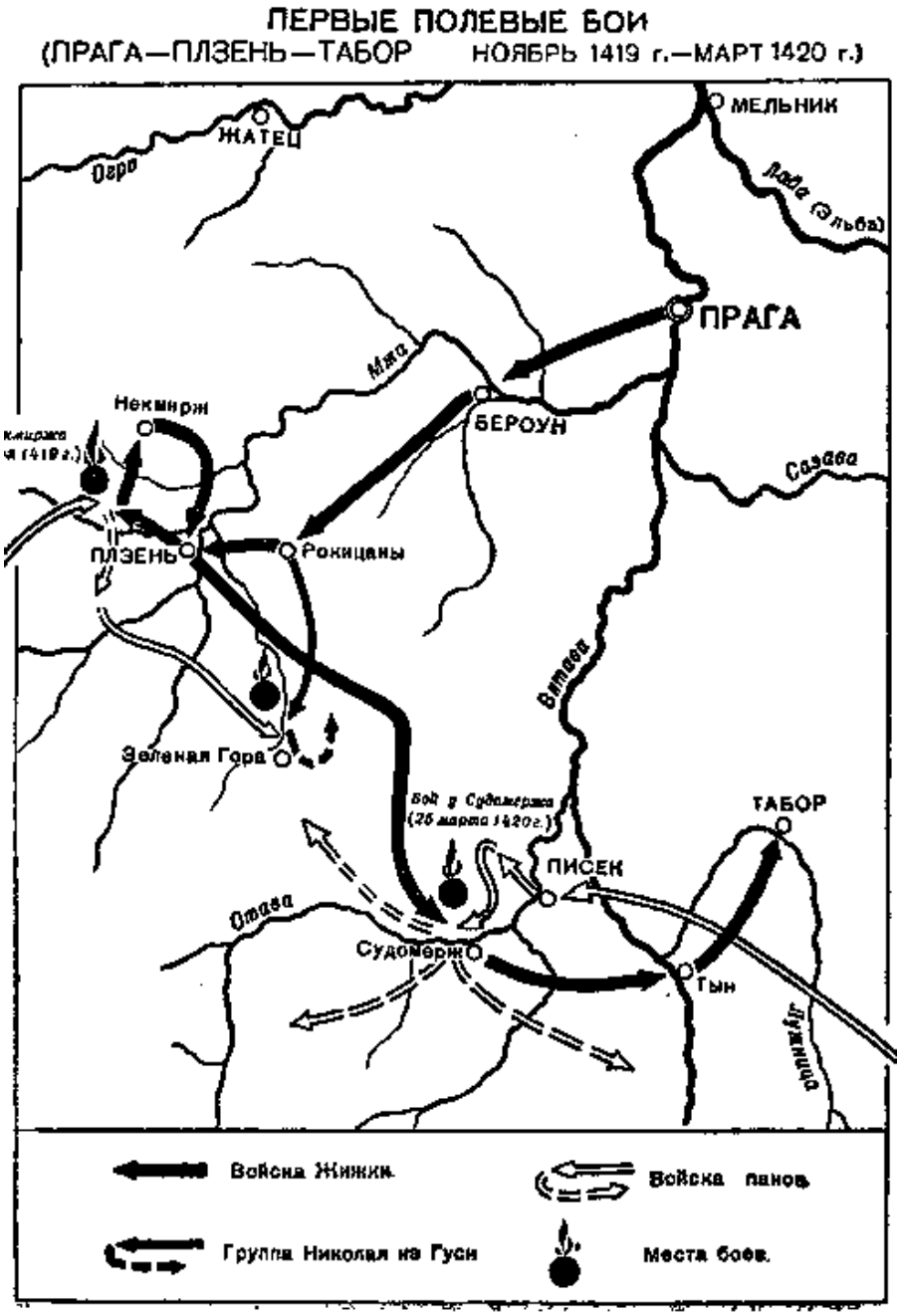
Мысль Жижки работала лихорадочно. Надо было прикрыть людей и спереди. Но как?.. Он приказал расставить полукругом впереди отряда возы, выпрячь из них коней, а возы связать вместе цепями так, чтобы между ними остались только малые промежутки.

Рыцари-католики с любопытством глядели на непонятные им приготовления горстки плохо вооруженных людей.

— Эй вы, сатанинское отродье, — кричали в сторону плзеньского отряда, — кончайте свою возню и помолитесь хоть раз по-настоящему! Через час все вы будете в преисподней!

Жижка ходил по внутренней стороне построенного им

барьера. Как еще укрепить заграждение?



Он велел установить в пространстве между возами пушки. Оружейники набили их порохом и камнями. Люди с цепами взобрались на возы, а кто был с пикой, залег между колес.

Вскоре завязался бой. Стремительно атакующих всадников

встретил град камней, изрыгаемых в упор пушками. Доскакавшие до возов рыцари своими длинными пиками перекололи немало народу. Но они сами потерпели неизмеримо больший урон. Из-под возов подкалывали их коней, а стоявшие в обороне на возах молотили всадников цепами по головам так усердно и ловко, как молотят крестьяне на гумне рожь. Крепкие крестьянские руки опускали цеп с такою силой, что под медными шлемами черепа лопались, как спелые тыквы.

Рыцарь устремляется в атаку.

Расстроенная, опешившая, откатилась назад конница Швамберга. Новая яростная атака кончилась для нее так же плачевно: груда людских и конских тел устилала подход к возам гуситов.

Рыцари съехались поодаль и стали обвинять во всем пана Швамберга: почему не атаковал он сразу, дал еретикам время расставить свои возы, — теперь до них не добраться.

Недоумевающий, смущенный и немало напуганный нежданным исходом боя, пан Швамберг решил оставить Жижку. Он бросил своих людей на более легкое дело — к Зеленой Горе.

После яростного боя Зеленая Гора пала. Николаю из Гуси, едва ускользнувшему из рук Швамберга, удалось бежать на юг. А Жижка тем временем взял Некмирж, разрушил его, уничтожил еще три замка и вернулся победителем из первого смелого рейда.

Регентство и католические паны, встревоженные неудачей Швамберга, стягивали вокруг Жижковой крепости свои отряды, намереваясь атаковать Плзень большими силами.

Жижка был занят оборонными работами, когда к нему в Плзень с южной стороны пробрался гонец. Он привез вести от Громадки, старого знакомца Жижки, литейщика колоколов, проживавшего в другом конце Чехии, в Усти над Лужкицей.

— Усти, — рассказывал гонец, — захвачены крестьянами-гуситами. Случилось это так: Громадка созвал крестьян со всей округи и упрятал их в лесах вокруг Усти. В ночь после карнавала на масленице, когда католики Усти, усталые от увеселений и выпитого вина, уснули крепким сном, крестьяне одолели стены, побили стражу и завладели городом.

Тотчас к Усти со всех сторон устремились друзья гуситов. Но Громадка, не уверенный в том, что сумеет устоять против окрестных панов, вывел часть гуситов в близкое место, в Градище над Лужницей, давно покинутый жителями опустелый городок.

— То место, — продолжал гонец, — настоящее орлиное гнездо — высокое, с трех сторон окруженное обрывом и рекою, протекающей глубоко внизу. Только узенькая перемычка связывает Градище с округой. Там можно держаться хоть одному против ста. А места столько, что впору разместиться и большому городу.

Громадка назвал эту природную крепость Табором— так ранее прозвана была близкая от Градища гора, где собиралось много народу на моления.

— Вот то, что нам нужно! — воскликнул Жижка. — Не Прага, не Плзень, а Громадкин Табор! Только бы не выпустить его из рук!

Вокруг Плзня стояли теперь лагерем войска католиков, намного превышавшие силы осажденных. Но Жижка, не колеблясь, выделил большой отряд и отдал его под начало Хвала из Маховиц.

— Пробирайся, брат Хвал, к Табору. И держи его до последнего, береги, как зеницу ока! Я скоро приду к тебе на подмогу.

Много людей увел с собою Хвал. Жижка оставил у себя всего только четыреста бойцов. А тем временем к Плзню подошел со свежими хоругвями подкоморный Вацлав из Дуба. Католики, притаившиеся в городе, сразу осмелели. По ночам предательски, из-за угла, убивали они воинов-гуситов,

Жижка ясно видел, что стоит противнику начать атаку — и его люди получат сильный удар в спину. «Да следует ли сейчас держаться за Плзень? — спрашивал он себя. — Табор — вот где

ключ к обороне против враждебных нам сил».

Когда к воротам подошли парламентеры, Жижка не прогнал их, как делал раньше, а позвал к себе на переговоры.

20 марта договорились: Жижка сдал город Вацлаву из Дуба на условии, что пан Вацлав не будет преследовать в Плзне остающихся там «подобоев» и предоставит отряду Жижки свободный проход на юг.

В тот же день Жижка покинул Плзень. В отряде, двигавшемся к Табору, шли четыреста воинов. с женами и детьми. У Жижки было двенадцать возов и девять верховых коней.

А пять тысяч прекрасно вооруженных всадников, «железных панов», двигались в это время из восточной Чехии в Плзень. В. пути они узнали, что Жижка сдал город, выпущен оттуда с отрядом и направляется к югу. Панам представился случай в открытом поле истребить несколько сотен гуситов.

Разгромив дружественный гуситам город Писек, католическое воинство пустилось наперерез Жижке. Ничего не подозревавший Жижка двигался к этому городу. Узнав, что Писек захвачен большими силами католиков, Жижка уклонился к югу, рассчитывая пройти незамеченным и переправиться через Влтаву где-нибудь возле Тына.

Отряд Жижки, напрягая последние силы, делал большие переходы. Но, вынужденный перевозить с собою женщин и детей, он никак не мог уйти от конников, рыскавших по всем дорогам в поисках еретиков.

25 марта Жижка, успевший пройти на быстром марше Штекень и переправиться бродом через Отаву у Судомержи, был обнаружен разведчиками противника. Панское воинство тотчас перешло Отаву несколько ниже, с востока.

В то же время с западной стороны, от Стракониц, на Жижку двинулись мальтийские рыцари во главе с магистром своим, паном Индржихом Градецким.

Каждый из этих отрядов втрое превышал силы Жижки. Зажатый между ними, что мог он противопоставить огромному превосходству противника?

Жижка попытался отойти в сторону холмов, но не успел этого сделать. Только и осталось у него времени расположить свой отряд у плотины вдоль одного из судомержских прудов. Впереди отряда, прикрытого с тыла плотиной, Жижка расставил двенадцать своих возов. Четыреста бойцов стали в боевой порядок за этим прикрытием, позади которого были женщины и дети.

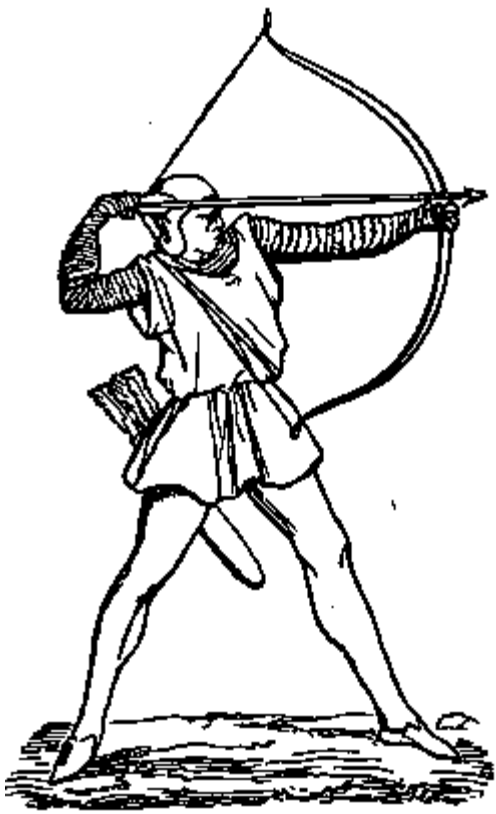
Перед возами Жижки лежало заболоченное, поросшее камышом дно спущенного пруда. Поняв, что всадники не смогут пройти по топкому месту на конях, Жижка приказал женщинам

снять с себя шарфы и покрывала и разложить их среди камыша.

Сначала католики двинулись на гуситов в тесном конном строю, рассчитывая действовать против крестьян по испытанному не раз способу: затоптать их конскими копытами. Но лошади вязли в топи. «Железные паны» спешились и пошли в атаку с мечами и самострелами,

Выло уже за полдень, когда началась эта жестокая схватка. Паны приближались. Но в камышах перед возами лежали невидимые покрывала. Шпоры цеплялись за них, нападающие валились с ног, а из-под возов их разили пики. Те, кому удавалось удержаться на ногах, падали под ударами цепов.

Но отряд Жижки нес большие потери от стрел, сыпавшихся густым железным дождем. Пал от стрелы и Брженек Швиговский.



Лучник.

Много раз кряду атаковали паны. Возы казались неодолимой преградой. Но вот удалось сломать несколько возов. Атакующие ворвались через брешь в расположение отряда.

Солнце близилось к закату, а противники все бились с неослабевающим упорством. Теснившиеся па небольшом

пространстве перед возами рыцари не могли в сумерках отличить своих от гуситов и принялись разить друг друга.

Когда настала ночь, католическое воинство, потерявшее множество своих людей, вынуждено было отойти.

Понурые, опозоренные, покидали Судомерж «железные паны». А Жижка простоял на месте до утра — так в средние века принято было поступать победителю.

Наутро, 26 марта, разместив в ближайших деревнях тяжело раненных, Жижка выступил в сторону Тына. Недалеко от этого города его ожидал вышедший навстречу отряд Хвала из Маховиц.

Не потревоженные больше противником вступили гуситы в Табор.

XI. ТАБОРИТЫ

«Если… классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени».

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

Сигизмунд рассчитывал предстоящим летом 1420 года покончить с гуситами ударом военной силы и утвердиться на чешском троне, как «молот еретиков». Желая облегчить для себя предстоящее военное дело, хитрец старался до начала крестового похода обмануть ласковыми словами настороженных панов-«подобоев» и бюргеров Праги. Он надел на себя личину великодушия к «дорогим его сердцу, хоть и заблудшим» чехам.

Но в отношении еретиков из простолюдинов Сигизмунд не считал нужным лицемерить и притворяться. Еще находясь в венгерской столице, только собирая крестоносные свои полчища, он уже подал сигнал к массовому террору против крестьян и ремесленников.

Католические паны, советники магистратов католических городов получали от императора письма-приказы: не дожидаясь его прихода, «разрушать и искоренять гуситство», очищать от него «наше королевство», «задерживать всех гуситов, священников и мирян, какие попадутся в руки, и наказывать, лишая жизни и достояния».

Богатый город Кутная Гора, заселенный немцами-католиками, возглавил с осени 1419 года расправу над чешским людом, повинным в гуситстве.

Кутногорцы поставили у себя истребление еретиков «на деловую ногу»: за каждого сданного палачу «чашника»-мирянина платили копу пражских грошей, а за священника — пять коп.

Началась азартная охота на людей. Отряды вооруженных головорезов то и дело выступали в дальние походы и, возвращаясь в город, вели на арканах еретиков. После долгих пыток, на городской площади их предавали лютой Казни: сажали на кол, четвертовали, сжигали. Если доставляемая в Кутную Гору

добыча оказывалась слишком велика, людей сбрасывали живьем в колодезь шахты, прозванной издевательски «Табором».

Летописец рассказывает, что палачи бывали порою не в силах справиться со множеством жертв, отданных им на казнь, и в изнеможении опускали руки.

Не так широко, но не менее свирепо истребляли «чашников» и в других католических городах Чехии.

Жижка впервые узнал о кутногорских казнях, находясь в осажденном Плзне. А на пути своего выступления от Плзня к Табору он в каждом селе находил следы кровавых подвигов охотившихся за гуситами католиков.

Раньше, во время боев на пражской Малой Стороне и вокруг Плзня, гуситский военачальник ограничивался только тем, что изгонял из захваченных им мест монахов, католических священников да еще упорствующих в католичестве немцев. Тех же, кто соглашался принять чашу, он отпускал под данное слово на все четыре стороны, а иногда включал их в свои ряды.

Разнузданный террор католиков помог Жижке быстро постигнуть всю глубину пропасти, которая разверзлась между народной Чехией и ее господами. Мощная, волевая натура гуситского вождя с тех пор ожесточилась. Он стал суров и беспощаден, как само правосудие.

* * *

Когда 28 марта, после битвы у Судомержи, Жижка поднимался от Усти к высокой площадке Табора, все население нового города вышло приветствовать долгожданного своего полководца. Здесь было множество крестьян, ремесленников, немало священников, несколько рыцарей.

Пройдя вдоль старых, развалённых стен Градища, Жижка оглядел своим единственным глазом подходы к Табору. Место было словно создано для возведения мощной, неприступной крепости.

— Да, брат Ян, — сказал он Громадке, — сюда не подступиться. Твоя правда — орлиное гнездо! Теперь посадить бы в опустелое это Градище людей, чтобы были под стать орлам!

К вечеру Николай из Гуси и Жижка собрали сход таборитов. Призвали и братьев, оставленных Громадкою в Усти. Речь шла о правильном устроении всей жизни Табора.

Внутренними делами общины уже занимались священники-гуситы. Николай из Пельгржимова, Ян из Ичина, Прокоп

Большой, Мартин Гуска и много других. Но иные, военные заботы тревожили сейчас Табор: надо было собрать и обучить войско, обеспечить прокормление народа, начать ковать оружие. Каждый таборит понимал, что католики не замедлят появиться в этих краях и атакуют Градище. Следовало как можно скорее прикрыть его новыми надежными стенами.

Жизнь и сила новой твердыни гуситства зависели от того, в какие руки отдано будет управление ею.

Великий сход избрал вскоре четырех гетманов: первым — Николая из Гуси, вторым — Яна Жижку, третьим — Збынка из Буховца, четвертом — Хвала из Маховиц. Все четверо были выходцами из рыцарского сословия.

На Жижку, второго по старшинству гетмана, ложилось все дело обороны.

По его указаниям стали строить двойную стену. Со стороны обрывов на ней были возведены башни, а с восточной стороны — там, где Табор соединялся узкой перемычкой, шириною в тридцать локтей, с окружающей крепость равниной, Жижка велел перекопать дорогу глубоким рвом. Позади него он поставил тройную стену. Пройти в город можно было только через трое ворот, расположенных одни за другими.

Считая, что таборитам опасно разделять свои силы между Усти и новым Табором, Жижка велел всем перебраться в Табор. Он увел жителей из Усти, сжег и снес этот городок до основания, чтобы Усти не послужил опорой для противника.

Быстро выросли стены Табора. Теперь троцновский рыцарь мог, наконец, отдаться давно задуманному делу, владевшему всеми его помыслами — построению крестьянской армии.

Таборитам предстояло вскоре померяться силами с хорошо знакомым Жижке противником — тяжело вооруженной, закованной в латы конницей панов, рыцарей и их наемников.

Крестьяне и мелкие ремесленники, собравшиеся на Таборе, не имели военного опыта рыцарей. Неоткуда было добыть им коней и латы. Они могли быть только пешим войском с неприкрытым бронею телом. Надо было, следовательно, найти средство уравновесить огромное преимущество на стороне «железных панов».

На одну из больших возможностей указали победные бои у Некмиржа и Судомержи. Прикрывая тогда своих пехотинцев возами, Жижка действовал без заранее составленного плана, руководимый инстинктом военачальника-тактика. Но сейчас для него стало ясно, какую несравненную выгоду может доставить возовое прикрытие для свободных от доспехов и потому гораздо более подвижных пеших бойцов. Деревянная крепость на колесах

прикрывает бойца надежнее, чем тяжелая медь, стесняющая грудь. Нужно только простой крестьянский воз приспособить к боевой задаче.

Когда его люди залегли у Некмиржа меж колес, им удавалось доставать копьями до брюха коней и погубить немало атакующих всадников. Но многие копейщики и сами попали тогда под удары длинных пик латников.

Жижка видел, что эту превосходную позицию между колесами можно укрепить, если под кузов пристроить продольный деревянный гребешок, доходящий почти до самой земли. Гребешок не должен мешать движению воза. В нем следует сделать прорези — бойницы.

Надо было предохранить от вражеских ударов и колеса — наиболее уязвимую часть боевого воза. Для этого Жижка надумал спустить с верхних краев воза на обе стороны его сбитые доски-щиты так, чтобы они прикрыли самый кузов и верх колес, но не заслонили нижнего гребешка, из-за которого будут действовать копейщики.

Жижка видел теперь в своем воображении колонны из сотен боевых возов — настоящие подвижные крепости, перебрасываемые из одного конца Чехии в другой.

Но у такой возовой колонны была своя слабая сторона — большая уязвимость на марше. Возы в походе, растянутые в длинную цепь или в несколько цепочек, могут сделаться легкой добычей противника при внезапной стремительной атаке конников. Возы становятся настоящей крепостью, только когда их располагают по замкнутому кругу или четырехугольником. Тогда можно укрыть внутри возового ограждения воинов, выпряженных лошадей, боевое снаряжение.

Только замкнувши наглухо возовую колонну, пешие бойцы могут оборонять ее, не боясь за свой тыл.

Жижка понимал, что очень часто успех целой операции будет зависеть от искусства возовых, от способности их слаженно и быстро поставить возы и такие замкнутые линии.

Для повышения маневренности колонны каждый отдельный воз нуждался в существенном улучшении. Надо, чтобы конная упряжка могла тянуть воз с любого из двух концов, чтобы каждую минуту можно было отцепить ее с одного конца воза и прицепить к другому. Тогда самый трудный и опасный маневр — поворот в походном строю — станет намного легче.

Жижка решил задачу остроумно и просто — боевой воз должен иметь съемное дышло. Тогда, не выпрягая лошадей, а сняв только дышла и укрепив их с другого конца, станет возможным при необходимости почти мгновенно двинуть целую

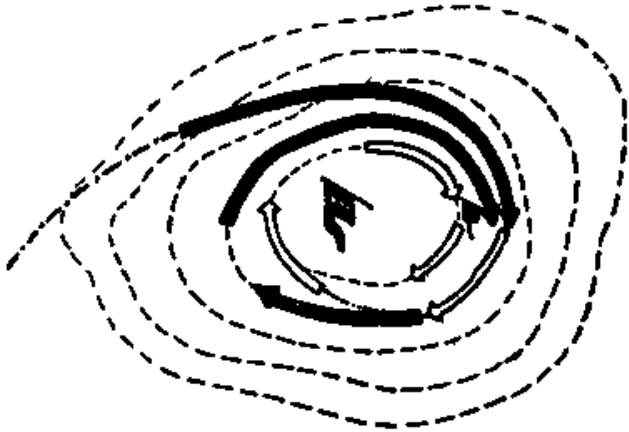
возовую колонну в обратном направлении или повернуть ее круто в нужную сторону.

В Таборе начали работать кузнецы, плотники, колесники. С лихорадочной поспешностью строили они боевые возы.

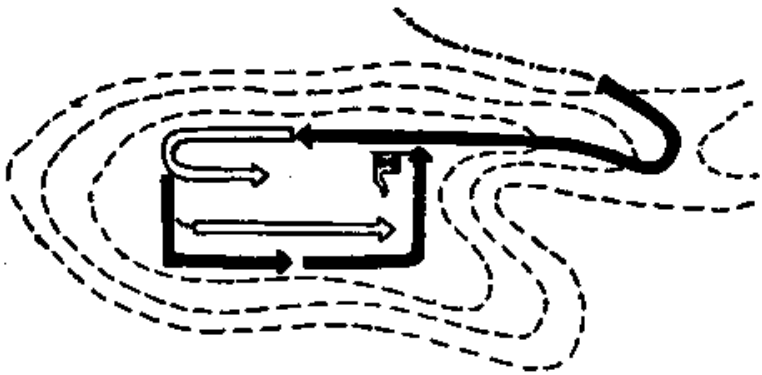
Отобрав из наиболее смышленых крестьян возовых, Жижка каждый день на равнине перед Табором производил маневры боевых возов. Возовые должны были научиться строго держать промежутки на самой быстрой рыси и по команде, дружно и слаженно производить перестроения, мгновенно выпрягать лошадей, сдвигать возы, связывать колеса цепями, окапывать возовое ограждение.

Эти учения были только началом. Возы имели и другое, не менее важное назначение — перевозить воинов с их вооружением.

Жижка прежде всего поставил на возы своих цепников. Оковав било крестьянского цепа железом, он усовершенствовал его для боя. Получилось своеобразное и в умелых руках грозное оружие.



Замыкание возового ограждения в круг.



Замыкание возового ограждения в прямоугольник.

Чтобы быстрее расправиться с закованным в броню атакующим всадником, надо было стянуть его с коня. Для этой цели Жижка вооружил своих бойцов судлицей — насаженным на длинное древко ножом с крюком сбоку. Этим оружием можно было рубить, колоть и, главное, цеплять. Жижка хорошо знал, Что далеко не всегда удается латнику прикрыть себя наглухо металлической чешуей. Часто у шеи, локтей, колен или в поясе оказываются на доспехе зазоры и складки. Жижка обучал судличников «ощупывать» доспехи всадников особым, сильным и быстрым движением судлицы. Если суд-лица зацепит своим крюком за край доспеха, всадник неминуемо свалится на землю и попадет под тяжелые удары крестьянских цепов.

Таборит судлицей стаскивает рыцаря с коня.

Мало было пока на Таборе арбалетов. Жижка поставил себе целью иметь на первых порах на каждом возу хотя бы по одному арбалетчику.

Но особое внимание отдал полководец Табора огнестрельному оружию. В ту пору пушки применялись главным образом для осады крепостей, замков и для разрушения городских стен. Полевые пушки были все еще большой редкостью, потому что трудно было в конном рыцарском бою найти им применение.

Прозорливый гетман сразу оценил преимущества, какие даст его возовой крепости подвижная полевая пушка. Он правильно оценил и огромные тактические возможности, которые несло с собой ручное огнестрельное оружие, бывшее тогда еще в младенческом состоянии.

Что ни день, из разных концов Чехии в Табор приходили толпы народу. Сюда бежали из феодальной неволи крестьяне, шли цеховые ремесленники. Жижка тщательно отбирал оружейников, особенно знающих выделку пороха, пушек и

ручного огнестрельного оружия.

Так постепенно решалась таборитским полководцем задача создания народной, крестьянской армии.

В старых феодальных ратях, основанных на независимости каждого рыцаря, на полной несвязанности в бою отдельного латника с его соседями, каждый рыцарь был обособленной тактической единицей. Этой единице феодального войска Жижка противопоставил спаянную группу цепников, судличников, арбалетчиков, причисленных к боевому возу и строго подчиненных его командиру. Эта группа должна действовать в бою как единое целое и вместе с боевым возом представлять нечто совершенно слитное — новую тактическую единицу.

На равнине перед Табором ежедневно происходили военные учения. Всякий способный носить оружие, даже женщины, проходили школу Жижки. Подростки лет четырнадцати получали пращи и обучались метать ими камни.

Жижка видел перед собой великую цель — вооружение целого народа, которому предстояло выдержать натиск феодалов всей католической Европы.

* * *

Как и в Плзне, в своей новой крепости Жижка не стал дожидаться, пока ее атакует противник. Он сам начал наносить оттуда частые и сильные удары.

Один из главных вождей католического панства, минцмистр [32] регентства Николай Дивучек, жестоко побитый Жижкой при Судомержи, не успокоившись на этом поражении, решил первым атаковать Табор. С тысячей «железных панов» расположился он в небольшом королевском городке Ожицы в непосредственной близости от Табора.

5 апреля, глубокой ночью, Жижка незаметно подошел с отрядом таборитов к Ожицам, сделал пролом в окружавшей город деревянной ограде.

— Теперь кричите что есть мочи! — приказал он ворвавшимся в брешь воинам.

Улицы погруженного в темноту города огласились пронзительными воплями, свистом, лязгом ружия. Пробудившиеся от глубокого сна католики в панике бросились из домов к крепости, поднимавшейся в центре Ожицы.

Многих католиков табориты перебили, других захватили в плен. Дивучек с остатками своего воинства все же успел

запереться в крепости. Жижка не собирался ее атаковать. Забрав богатую добычу — много коней и вооружения, он сжег городок и с пленными вернулся к себе в Табор.

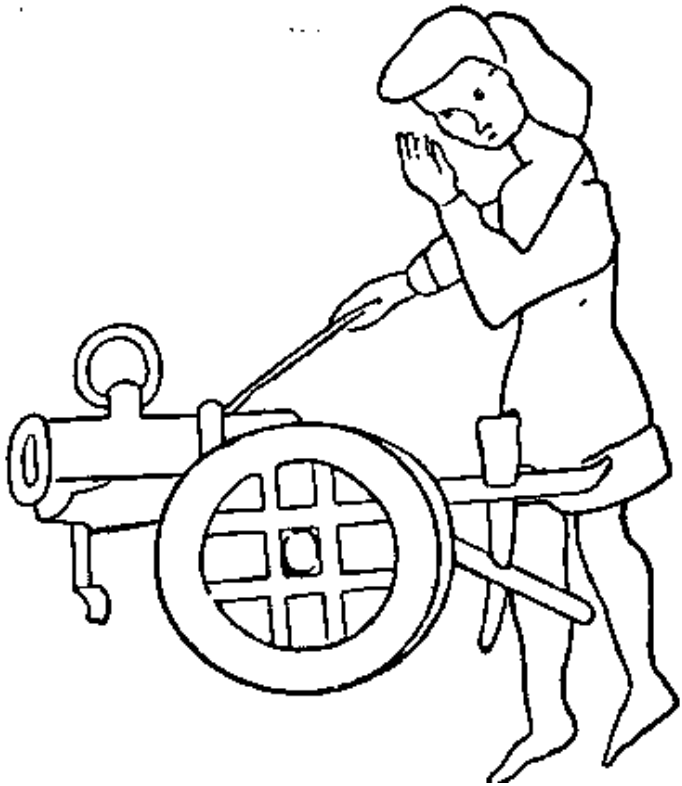
Раньше, у Судомержи, Дивучек захватил тридцать бойцов Жижки. Пленных погнали в Кутную Гору, где ждала их смерть в шахте. Теперь они могли быть спасены: Жижка передал Дивучку, что казнит всех его людей, попавших в плен к таборитам, если тот не вернет немедленно судомержских пленных. Дивучек согласился, и обмен пленными был произведен.

Захваченных в Ожицах коней и рыцарское вооружение Жижка использовал для создания своей небольшой конницы. В войске таборитов она должна была играть подчиненную роль. В соответствии с общими тактическими целями конница таборитов могла быть полезной для быстрой разведки впереди движущейся колонны боевых возов, для преследования разбитого противника или для прикрытия собственного отступления. Она, следовательно, должна была стать небольшим, но существенным придатком к основной, пешей таборитской армии.

Через несколько дней после разгрома Дивучка Жижка выступил во второй поход — против Седлеца, твердыни католического пана Ольдржиха, одного из ярых противников гуситов.

Взяв Седлец штурмом, табориты поймали и забили цепами пана Ольдржиха, перебили его приближенных, виновников гибели многих гуситов. Крепость Седлец и окружавшее ее поселение Жижка сжег и разрушил.

Незадолго до этих событий католические паны южной Чехии, напуганные размахом крестьянского движения, свезли со всей округи в Седлец, который считался неприступным, свои драгоценности — золото, серебро, самоцветы, дорогие ткани. Все это богатство попало в руки таборитского войска. «Божьи воины» сложили его в большую кучу и сожгли дотла на костре.



Гоуфница.

Этот эпизод бросает яркий свет на моральное состояние воинов Жижки: бедные крестьяне, мелкие ремесленники с презрением отбрасывали от себя и предавали уничтожению сокровища, над которыми дрожали их алчные господа.

И после Седлеца много раз повторялось такое уничтожение захваченных таборитами драгоценностей. Только значительно позже, когда народные армии сильно разрослись и трудности снабжения их оружием стали велики, табориты решили использовать захватываемое золото, алмазы и жемчуг для обмена на нужные им железо, медь, порох.

Но исключительно редки были случаи корыстного присвоения отдельным таборитским воином чего-либо из драгоценной добычи. Уличенных в таком проступке немедленно предавали смерти. И это во времена, когда грабеж был главной целью и приманкой для всех феодальных армий.

К концу апреля Табор успел принять в свои стены тысячи крестьян и множество бедняков из чешских городов. Слава народного полководца, без пощады бившего панов-католиков, проникла во все углы королевства. И всякий, кому близко было

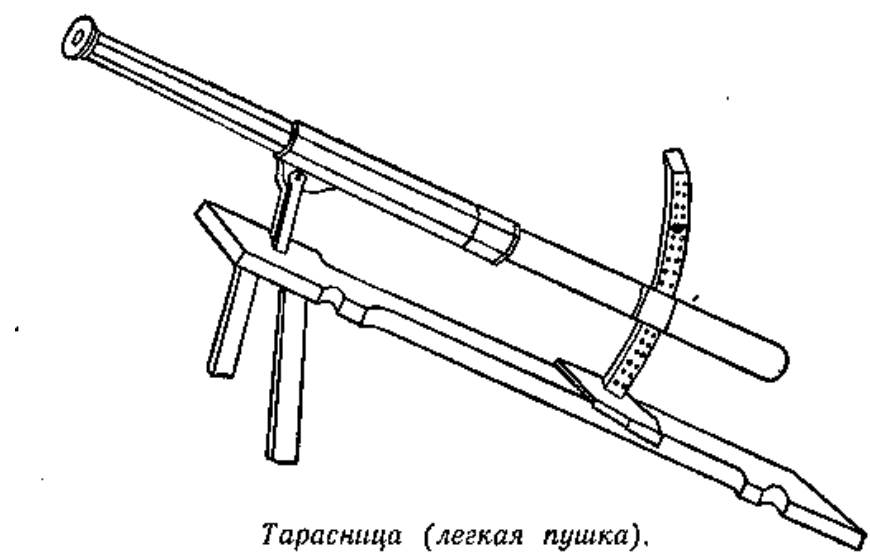
дело, за которое бился Жижка, рискуя жизнью, пробирался на юг, чтобы стать в ряды таборитов — «божьих воинов».

У Жижки было уже с полсотни добротных боевых возов, свыше тысячи обученных воинов. Можно было отважиться на большую военную операцию — рейд в западную сторону Чехии, где засело много злобных и кровожадных врагов гуситства.

23 апреля Жижка обрушился на богатый монастырь в Милевско — в двадцати километрах к западу от Табора, сжег дотла этот «вертеп разбойни ков», а затем перешел Влтаву и вступил в дружественный Табору Писек. Повернув от него к югу, подошел к Прахатицам — городу, принадлежавшему пробсту Вышеградского собора. Жижка выжег это католическое гнездо, разрушил его стены.

Снова обратившись к северо-западу, табориты прошли свыше шестидесяти километров в сторону Непомука, в Плзеньском крае. На своем пути они нещадно жгли и истребляли костелы, монастыри, замки и крепости. С налета овладев Непомуком, табориты предали огню богатейший его монастырь.

Дальнейший путь в сторону Плзня таборитам закрыл уже знакомый им пан Богуслав Швамберг. На этот раз Жижка не стал меряться с ним силами, отошел к югу, к сильно укрепленному замку Раби, принадлежавшему пану Крку.



Тарасница (легкая пушка).

Замок взяли штурмом. В руки таборитов и здесь попали золото, серебро, драгоценности, свезенные из ближайших замков. И снова, как в Седлеце, все это сожгли, оставив себе из всей богатой добычи только коней и оружие.

Разрушив Раби, Жижка повернул назад, к Табору.

* * *

Уже к маю 1420 года Табор представлял собою тот своеобразный и неповторимый военный, социальный и политический центр, которому суждено было прославить в веках героизм чешского народа и славного сына его Яна Жижку.

В те решающие дни и месяцы к народной крепости пробирались из всей Чехии крестьяне с женами и детьми. Шли сюда, подвергая жизнь свою опасности, прячась по лесам от пик панских наемников, идя ночью по путеводной звезде. Вперемежку с селянами тянулись на Табор горожане, ремесленники, обнищавшие рыцари.

Пройдя тройные ворота Табора, пришелец оказывался на большой площади, где стояла высокая кадь. Около нее — бородатый человек в крестьянском платье, таборитский священник.

— Брат мой, — обращался к новопришедшему хранитель кади, — знай: на Таборе нет моего и твоего. Все в общине владеют поровну. Никто не должен владеть чем-либо отдельно от общины. Кто возымеет желание к отдельному владению, тот совершит смертный грех!

Пришедший выворачивал заплечную суму, карманы, клал в кадь все, что принес с собою.

— Еще знай, брат мой, — продолжал хранитель кади, — что братьям, которые уйдут в поход сражаться с вратами, мы дадим их часть, словно бы они пахали и жали рядом с нами.

Пришедший складывал к ногам хранителя грабли, мотыгу, цеп, серп или другое орудие крестьянского труда, если оно у него было.

— И еще не забудь, брат мой, что в Таборе нет и быть не должно ни шутов, ни знахарей, ни кабаков, ни домов разврата. Все мы воины за правду божью, и не пристало нам играть в кости, бренчать на гуслях, услаждать свой слух звуками свирели. И тяжело согрешат те из братьев или сестер наших, кто в суровый час испытания начнут плясать, наденут на голову венок, предадутся безделью или станут петь песни. Нет для нашего дела врага злее, чем греховод и развратник. Все помыслы отдай грядущей погибели злых и торжеству правых, и дух твой без звона струн пребудет в непрестанной радости.

— И помни, брат мой, — заканчивал свое наставление хранитель кади: — на Таборе нет ни господ, ни слуг их, ни короля, ни данника его, ни прелата, ни мирянина, ни рыцаря, ни простолюдина. Здесь все равные между собою во всем братья,

божьи воины.

Аскетизм, столь характерный для всех антифеодальных крестьянских движений средних веков, борьба не только с кутежом и развратом, но и с такими невинными развлечениями, как пение и танцы, были очень сильны на Таборе. Народные вожди требовали сосредоточения всех помыслов на великом деле борьбы, а все, что не помогало этому прямо и непосредственно, они отвергали.

«Эта аскетическая строгость нравов, — пишет Энгельс, — это требование отказа от всех удовольствий и наслаждений жизни… является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества не может прийти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединить себя как класс, низший слой должен начать с отказа от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые еще делают на время выносимым его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет»[33].

Такое противопоставление своего образа жизни нравам богатых горожан и дворян, предававшихся всяким утехам, обособление в одежде, еде, питье, манере проводить свой досуг резко выделяло таборитов среди всех остальных групп чешского общества.

Если новый член таборитского братства был молод и крепок, не отягчен большой семьей, он причислялся к полевой общине воинов, проживавших в редкие между походами промежутки в самом городе Таборе или в ближайших к нему селениях. Жены воинов, старики, подростки, ремесленники чаще всего поступали в домашние общины пахарей, оружейников и умельцев иного ремесла. Эти общины множились числом по мере того, как удачные военные походы расширяли область военного и политического влияния Табора.

* * *

К весне 1420 года вожди таборитов ясно видели неизбежность решающего столкновения с грандиозными силами церкви и империи. Глава католической церкви в союзе с императором Сигизмундом готовились двинуть на Чехию несметные чужеземные полчища. В Чехии их поддерживали

многие паны и католические города.

Этим бесчисленным слугам зла, жаждущим утопить в крови гуситство, Табор мог противопоставить народную массу, сильную не столько своим воинским умением, сколько пламенной ненавистью к феодальным угнетателям и верой в правоту своего дела.

Многочисленными ссылками на священное писание и тексты евангелия таборитские священники обосновали право крестьян на вооруженную борьбу против своих угнетателей, изображая ее, как войну по приказанию самого Христа, в защиту новой правды.

Проповедники Табора своими проповедями сумели привести религиозно настроенные низы чешского народа в состояние массового экстаза, готовности без колебания пойти на муки и смерть в борьбе с силами зла и угнетения.

Очень своеобразным средством доведения народного воодушевления до высокой степени напряжения служили хилиастические проповеди[34].

После долгих часов, проведенных в поле или у наковальни, едва стряхнув с себя походную пыль, табориты из полевых и домашних общин спешили в вечерний час на большую площадь Табора послушать своих проповедников: Вацлава Коранду, пришедшего на Табор из Кралева Градца ученого бакалавра Маркольда Збраславского или магистра Яна Ичина, порвавшего со своими учеными собратьями, магистрами Пражского университета, и жившего на Таборе бедным священником.

Но среди всех выделялся юный мораванин Мартин Гуска, по прозвищу Локвис, что значит. «Красноречивый». Живое воображение и особый дар читать в сердцах темного, забитого люда, выражать ого смутные чаяния и помыслы делали Гуску сильнейшим оратором Табора, способным увлечь за собой всех слушавших его крестьян, ремесленников и городскую бедноту.

Как рассказывает летописец, Локвис «выступал с речами, опираясь не на произведения ученых мужей, а на то, что у него было своего».

На лице проповедника, едва тронутом пушком белокурой бородки, огнем загорались глаза, лишь только начинал он бросать в притихшую толпу свои грозные прорицания:

— Грядет, грядет к нам Христос! Идет восстановить на земле попранную и поруганную правду божью. И будет новое царство его не Бременем милости, а часом мщения и взыскания, часом огня и меча.

— Братья и сестры мои, в близкий час возмездия исполним божью волю в пламенности и в неистовстве и в справедливой взыскательности. Братья и сестры, проклят будь всякий, кто меча

своего не обагрит кровью противников правды божьей. Ибо всяк должен омыть руки свои в крови врагов.

— И в грядущий час отмщения мы, братья и сестры Табора, будем, яко посланцы, призванные вывести верных и чистых сердцем из городов, замков и селений. Истинно говорю вам — мы станем телом, к которому все будут сходиться, где бы кто ни был, как орлы слетаются на добычу. Мы — воинство, посланное по всему миру упразднить все соблазны.

Мы посланы извергнуть злых из среды добрых, свершить отмщение и наложить язвы на сильных мира сего — тех, кто противится закону, и для разрушения их городов, крепостей и сел.

— И кто в этот час возмездия не покинет городов, сел и замков и не придет к нам, к общинам Табора, тот совершит смертный грех и во грехе своем погибнет.

— И в час возмездия все города, села и земли будут опустошены, разрушены и сожжены нами, чтобы никто и никогда уж не вошел в них!

Сжав губы, стиснув челюсти, ловили табориты слова своего любимого проповедника. Юный Мартин Гуска читал на лицах слушавших, какие глубокие струны задевали слова его. Крестьяне вспоминали обиды, которые довелось претерпеть им от панов в крепостной неволе, ремесленным ученикам и подмастерьям вспоминались жестокие их мастера, жадные богачи городов…

А Локвис продолжал:

— Братья и сестры Табора, внемлите словам моим: перед гневом народным сгинут навеки короли и паны и все церковные прелаты. В тысячелетнем царстве Христовом не будет ни податей, ни оброков, ни сборщиков их. И будем мы, общины Табора, попирать ногами шеи царей, и все царства под небом даны будут нам!

Каждый вечер слушали такие проповеди члены таборитских общин. В туманных обещаниях черпали эти темные, обездоленные люди силу для борьбы с окружавшим миром несправедливости и гнета, веру в конечное свое торжество.

«Как раз тогда, — пишет Маркс, — когда люди, по-видимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории».

Позиции, занятые в отношении официальной церкви крестьянским плебейским гуситством, с одной стороны, и

бюргерским — с другой, были совершенно различны.

Пражские бюргеры и их вероучители, магистры университета, больше всего боялись стать в отношении Рима подлинными еретиками, иначе говоря, — последовательными отрицателями католической обрядности и порядков внутри церкви. Много раз с негодованием отвергали они обвинение в «ереси». У них никогда не угасала надежда примириться с Римом, убедить Рим пойти на небольшие уступки. Затем, добившись согласия Римской курии на учреждение национальной чешской церкви, преклонить перед «святым престолом» колена.

Постоянным стремлением таборитов было совсем иное — не соглашение с Римом, а сокрушение и уничтожение этого колосса средневековья. Для них вся иерархия церкви, все накопленные ею учения и канонические законы — «хитрости антихристовы», Рим — «вавилонская блудница», пышные храмы — «вертепы дьявола».

В первые месяцы своего существования Табор был относительно слаб. Со всех сторон ему грозила гибелью военная мощь чешских и чужеземных феодалов, намного превышающая его собственные военные силы. Город Табор и прилегающие к нему нивы, обрабатываемые домашними общинами таборитского братства, в сущности, представляли собою осажденную крепость с широким вокруг нее предпольем. В таких трудных условиях гетманам и Старшим[35]этой народной опоры гуситства постоянно приходилось думать о том, как прокормить все возрастающую массу крестьян и городских плебеев, непрерывно бегущих на Табор, добыть корм их скоту. Кроме того, новоприбывших надо было снабдить хоть самой скудной домашней утварью, каким-либо жильем. Поэтому все имеющиеся на Таборе запасы пищи и предметы обихода, произведенные домашними общинами, собранные на месте, а также взятые у врага, гетманы и Старшие братства распределяли среди всех членов братства.

Новопришедшим выделялись из военных запасов продукты питания и домашнего обзаведения до тех пор, пока пришедшие «братья» не осядут на землю в какой-либо из домашних общин.

Такая система вполне соответствовала представлению народных масс о правильном, «справедливом» порядке устройства внутренних дел братства.

Как указывает товарищ Сталин: «Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»[36].

Но необходимо помнить, что «уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»[37].

Когда таборитам удалось вскоре отбить первый, самый опасный натиск феодальных сил, крестьяне и ремесленники Табора принялись за работу на полях и в ремесленных мастерских; эта система распределения сменилась обычным индивидуальным крестьянским хозяйством в сельских местностях, контролируемых Табором, и обычным ремесленным производством и сбытом на Таборе и в городах, союзных таборитам.

Проповедники Табора провозглашали всеобщее равенство людей. Правда, эта демократическая идея облекалась ими в религиозные одежды. Но и в такой форме эта идея — важный шаг вперед на пути освобождения народного сознания от церковного учения о прирожденном человеческом неравенстве.

Требование равенства перед государством и законом всех чехов, «равных перед богом», представлялось прямым и естественным отсюда выводом, «естественной, инстинктивной реакцией против вопиющего социального неравенства, против контраста богатых и бедных, господ и рабов, обжор и голодных» [38].

Все силы, все помыслы таборитов, все внутренние порядки Табора подчинены были одной великой цели — победе над врагами народа. Крепостным крестьянам и плебеям городов Чехии удалось выковать в своей твердыне меч, долго и жестоко каравший феодальных господ всей Средней Европы.

XII. БИТВА ЗА ПРАГУ

…Разлетались
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Алчные вороны.
Разгулялись по хоромам,
Даже не помянут!
Знай, пируют да порою
Те deит затянут.
Все, мол сделали… Постойте!
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою.

Т. Шевченко, «Еретик».

17 марта 1420 года в столице Силезии Вроцлаве собралась светская и церковная знать половины Европы. В тронном зале старого замка папский легат огласил перед императором, герцогами и князьями империи, послами иностранных дворов, архиепископами и епископами папскую буллу о крестовом походе на Чешское королевство.

Многие чешские вельможи присутствовали на этом объявлении беспощадной войны чешской земле. Был здесь и королевский бургграф Ченек Вартемберкский, правая рука Сигизмунда в Чехии, со своим подопечным — Ульрихом Розенбергом.

На чешских панов-«подобоев» это провозглашение крестового похода произвело потрясающее впечатление. До последней минуты надеялись они на то, что Сигизмунд пойдет на соглашение с чехами. Теперь же сбывались наихудшие их опасения: страна стояла перед вторжением в королевство десятков тысяч фанатических крестоносцев.

Паны из гуситской лиги видели, что хитроумная политика, задуманная ими пять лет назад, после сожжения Гуса, рухнет в буре религиозной войны. Прахом пойдут приобретенные гуситским панством выгоды.

Когда Ченек вернулся из Вроцлава на Градчанский холм в Пражский королевский замок — свою постоянную резиденцию, он застал столицу в состоянии всеобщей мобилизации: у городских ворот возводили укрепления, улицы перекапывали рвами.

Цепями, натянутыми на столбы, опутали все перекрестки.

Перемирие, заключенное пражанами с регентством, заканчивалось 23 апреля. Но сейчас никто в Праге не думал об угрозе со стороны Ченка. Крестовый поход, иноземное нашествие — вот что владело всеми помыслами. Ян Желивский каждодневно рисовал перед пражским людом мрачные картины: огнедышащий дракон о семи головах, украшенных семью коронами, он же император и король Сигизмунд, идет на чешский народ, чтобы истребить новорожденную божью правду.

— Восстань, народ пражский, — заканчивал проповедник, — призови друзей со всех концов королевства и бейся с исчадием ада насмерть!

Последние остававшиеся еще в столице семьи купцов-католиков, главным образом немцев, в те дни покинули в панике свои хоромы в Старой Праге. Прихватив драгоценности, они укрылись под защиту наемников регентства, в Вышеградском и Пражском замках.

В чешской провинции по рукам ходил манифест пражан. Жители столицы призывали города и края королевства выслать представителей в Прагу, договориться о совместных действиях против крестоносцев. «Римская церковь, — писали пражане, — не мать чехам, а злая мачеха. Как разъяренная змея готова она излить на чехов свои яд. Кровавыми руками поднимает она крест во имя ненависти и убийства. Мошенническим обещанием отпущения грехов Рим натравливает на нас немцев, поднимает их на истребительную войну против нас. Кто может слышать об этом без того, чтобы его не охватило отчаяние? Кто посмотрит на это, не залившись слезами?»

Бургомистры и советники пражских общин поклялись перед народом быть верными чаше до последнего издыхания. Снова избрали военных гетманов, по четыре от Старого и Нового города. Им отдали ключи от городских ворот и ратуш. Двадцать восемь помощников гетманов получили чрезвычайные полномочия.

Пражане поклялись подчиняться им во всем беспрекословно.

Пан Ченек получал тревожные донесения от бургграфов королевских замков и королевских городов, рассеянных по всей Чехии: повсюду гуситы — горожане и крестьяне — готовятся итти на помощь Праге.

Наивысший бургграф решил, что при сложившихся обстоятельствах ему выгоднее переметнуться в лагерь противников Сигизмунда. Он «взял в плен» наиболее видных из укрывшихся на Градчанах и в Вышеграде пражских католиков. Остальных изгнал из замков, не забывши до- того отобрать все, что было у них ценного. После этого пан Ченек послал

императору письмо с отказом от дальнейшей службы, собрал панов-«подобоев» в новую, на этот раз уже противокоролевскую лигу. Затем, издав манифест, всячески поносивший Сигизмунда и его крестоносцев, заключил с пражанами военный союз.

Но такую позицию пан Ченек Вартемберкский занимал недолго, не больше двадцати дней. Когда до него дошли вести с юга Чехии о действиях отрядов Жижки, о крутых расправах крестьян с панами и монахами, панская душа его смутилась: вельможе было не по пути с восставшим народом.

Ченек стал слать к Сигизмунду гонца за гонцом, клялся в «неизменной преданности» и униженно молил о прощении. Сигизмунд «простил», но предложил Наивысшему бургграфу дать доказательства искренности своего раскаяния. Для этого Ченек должен был тайно впустить королевских наемников в Пражский замок, незадолго до того сданный им пражанам.

7 мая Ченек предательски открыл ворота замка четырем тысячам католиков.

Пражане тотчас бросили все свои силы на эту твердыню, но были отбиты и потерпели очень тяжелый, урон в людях.

Потеря только что приобретенного Пражского замка была жестоким ударом по обороне Праги. Пражане сумели отомстить за него Ченку лишь символически. Над пражской ратушей три недели гордо реял стяг Ченка Вартемберкского. Его сорвали, продрали середину, где красовался фамильный герб, и на высоком шесте на площади водрузили лохмотья, подвесив под ними раскрашенную маску Ченка.

С того дня всех, кого изгоняли из Праги или вели за измену на казнь, проводили под этим знаменем предательства и позора.

Впрочем, в те дни весны 1420 года и сами пражские советники не могли похвалиться большой твердостью духа. Весь апрель их военные силы упорно атаковали Вышеград, но неудачно, с тяжелыми потерями. Уныние сменилось у верховодов столичного бюргерства большой радостью, когда 2 мая в город пришли свежие подкрепления.

На призыв столицы о помощи первым откликнулся тогда Кралев Градец. Пан-«подобой» Гинек Крушина привел из Градца сильный, хорошо вооруженный отряд «чашников». Однако штурм Вышеграда и этими свежими силами был опять неудачен.

Вышеградский и Пражский замки — два бастиона католиков — устояли против всех атак и продолжали угрожать существованию гуситской Праги.

Под впечатлением тяжелых неудач настроение у главарей пражского бюргерства так упало, что они с отчаяния забыли и прежние клятвы «лечь костьми за веру» и свои призывы ко всем

чехам отстоять Прагу против «дракона» — католического императора.

Уже 12 мая послы пражского купечества, к великому возмущению городских низов и их вождя Яна Желивского, на коленях молили Сигизмунда о забвении прошлого, готовы были пойти на все, просили лишь оставить им причащение под обоими видами. За такое обещание советники ратуши не только распахнут перед императором-королем ворота, но, в знак вящей своей покорности, проломают брешь в городской стене для триумфального въезда императора в чешскую столицу.

Сигизмунд, опьяненный мерещившейся ему близкой и окончательной победой над чешскими еретиками, приказал валявшимся у него в ногах делегатам снять все заграждения и цепи внутри Праги, снести все оружие в Пражский и Вышеградский замки и не ставить ему никаких условий. Когда он вступит с войском в столицу, то на месте решит, быть ли пражанам с чашей или без нее, кого из еретиков ему казнить, а кого миловать.

Униженные, в полной растерянности вернулись посланцы столичного бюргерства в Прагу. Сигизмунд не оставлял заправилам столицы выбора — приходилось биться с ним хотя бы ради спасения своей жизни.

Тут пражане вспомнили о Жижке. Полетели гонцы на Табор: «Дорогие братья в истинной вере! Оставьте дела свои и спешите на помощь гибнущей Праге! Приходите все, кто только может! Послужите правому делу!»

* * *

18 мая из Табора выступило девять тысяч воинов, сто двадцать боевых возов, большой обоз. Среди воинов — полторы тысячи женщин. В обозе много детей.

Отряд вел Ян Жижка. С ним — остальные три гетмана и лучшие проповедники.

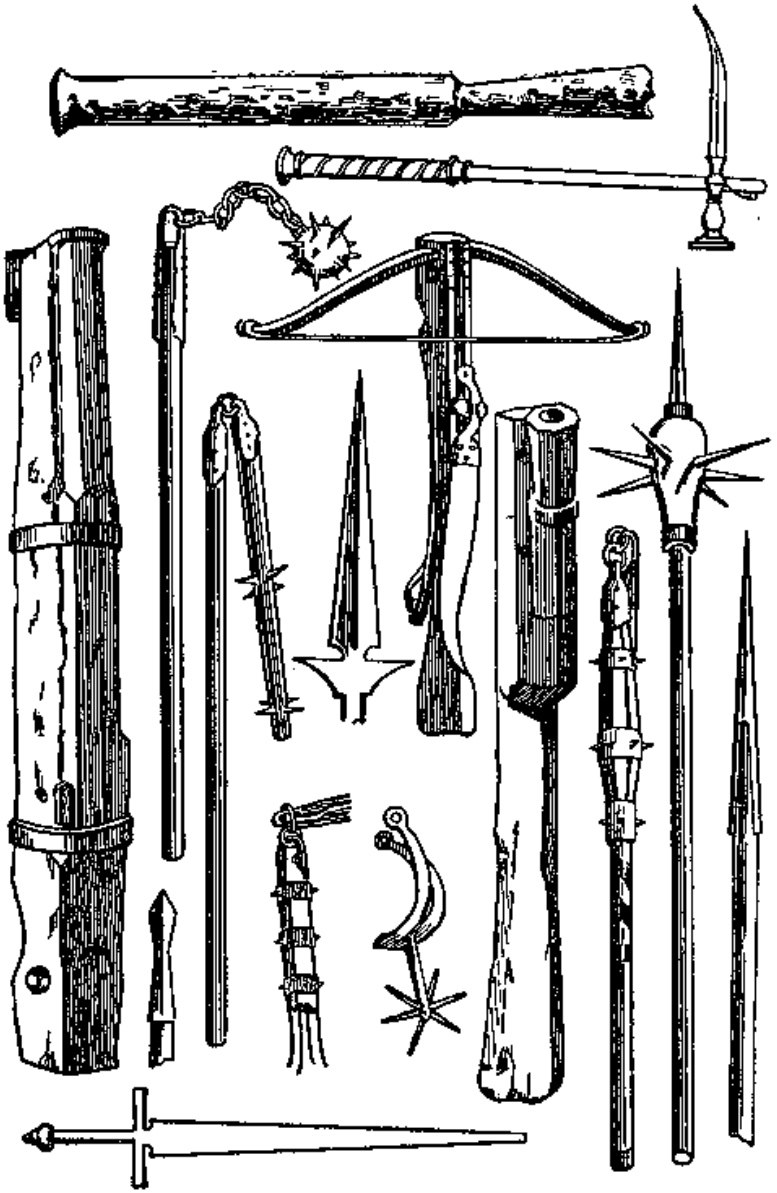
Решив итти на помощь Праге, таборитские гетманы вывели из крепости почти все свои силы, оставив в стенах Табора лишь небольшой гарнизон.

За шесть недель обучения и оснащения оружием войско Жижки стало неузнаваемо. По дороге на север, на Бенешов, двигалась стройная колонна в четыре ряда возов. Два внутренних ряда состояли из простых крестьянских телег, нагруженных кладью, на которой сидели дети. Два крайних ряда — боевые

возы. На них были сложены лопаты, кирки, топоры, цепи и много оружия: судлиц, цепов, арбалетов, пращей, щитов.

Было здесь и огнестрельное оружие: некоторое подобие ружей-пушек, рассчитанных на стрельбу с треноги, стрелявших оловянными пулями-ядрами, величиной с куриное яйцо. Стрелок из такого ружья должен был прижать одной рукой к плечу деревянное ложе, а другой поднести к отверстию ствола, к запалу, зажженный трут.

Эти ружья-пушки назывались гаковницами. Легче их были ручницы, стрелявшие небольшими, круглыми, величиною со сливу, пулями. При стрельбе стрелок мог опереть ствол ручницы на край воза или выпалить, держа ее навесу на руках, почему она и называлась ручницей.



Таборитское оружие

Главным неудобством этих ружей была сложность их заряжания. Даже если у стрелка был помощник и стрелок располагал двумя ружьями, — а в войске Жижки так и было заведено, — от одного выстрела до другого проходило восемь-десять минут. Это огнестрельное оружие еще очень уступало арбалету, несмотря на большую дальность боя и убойную силу. Стрелок из арбалета успевал выпустить две-три стрелы, пока гаковница или ручница заряжалась от выстрела к выстрелу.

Зато пушки Жижки представляли собой более совершенное оружие. Заряжать их было так же сложно, но по весу снаряда и дальности боя они не имели себе равных.

Большие, короткоствольные гоуфницы, поставленные на двуколки, посылали каменные ядра в полпуда на двести пятьдесят шагов. А легкие малокалиберные пушки, нечто среднее между гаковницей и гоуфницей, имели дальность боя в триста шагов и стреляли под прикрытием большого, поставленного на землю и опертого на кол щита, снабженного крюками и дырами, именуемого по-чешски тарасом. По имени щита-тараса и эта легкая пушка называлась тарасницей.

Тарасница была главным огневым средством подвижной возовой крепости таборитов. Жижка довел тактические приемы применения огня тарасницы до большой степени совершенства.

Ян Жижка — чешский полководец.

Вышедшая из Табора возовая колонна быстро двигалась на север, в сторону Праги. Впереди нее, в получасе езды, широким веером раскинулись конники в легких панцырях — разведчики, которых звали гонцами. Вслед за ними по дороге двигался десяток всадников — Жижка и его ближайшие помощники. За этой группой на нескольких возах— мостари и починщики дорог с топорами, досками и бревнами. Затем — сама возовая колонна.

Возы двигались на определенном расстоянии друг от друга. Передние и задние боевые возы сильно выступали из колонны. В случае боевой тревоги они должны были по команде гетмана

спешно свернуть в сторону, чтобы прикрыть собою колонну спереди и сзади, или, как это называлось у таборитов, с чела и с тыла.

Длина колонны достигала километра, ширина ее — ста метров. Но в случае боевой тревоги колонна должна была «сгрудиться в кучу». В зависимости от времени, какое оставалось для этого маневра, а также от рельефа местности и предполагаемой силы натиска на возовое укрепление, колонна перестраивалась прямо с походного строя в круг или в четырехугольник, прикрытый либо с одной, либо с двух сторон.

Найти в каждом случае наилучшую форму боевого построения колонны — исключительно важная и трудная задача. От правильного решения ее часто зависела судьба боя.

Над каждым возом Жижка поставил отдельного гетмана. Команда воза состояла из трех возовых, шести стрелков из арбалета, двух стрелков из ручниц, двух щитников, четырех цепников, четырех судличников. Каждые пять возов составляли «членение», нечто вроде отделения, во главе которого был гетман. Пять «членений» именовались «рядом» и возглавлялись гетманом «ряда».

В походе бойцы шли по бокам колонны, готовые по первой тревоге занять свои места — на возах, под возами или позади них.

* * *

Сигизмунд узнал о движении таборитов к Праге, когда он перебрался уже в Чехию для верховного руководства крестовым походом и находился в преданной ему католической Кутной Горе, где ожидал подкреплений из немецких земель. Он приказал Вацлаву из Дуба немедленно выступить навстречу Жижке с десятью тысячами отборных всадников, которыми командовали виднейшие паны: католики Петр Штернбергский, Янек Швидницкий и прославленный итальянский кондотьер Пипо ди Оцора.

Зная, с каким противником придется иметь дело, Сигизмунд приказал бросить навстречу Жижке еще тысячу шестьсот всадников из Пражского замка и прикрыть город Бенешов, лежащий на пол-пути между Табором и Прагой, четырьмя стами конных всадников под началом рыцаря Гануша Поленского.

Когда колонна таборитов подходила к Бенешову, ей навстречу из городских ворот вышли сильные конные и пешие

отряды. Как бы уклоняясь от боя, Жижка стал в большой поспешности обходить город. Затем, внезапно круто повернув назад, ворвался в Бенешов с другой стороны и поджег его.

Табориты успели разгромить это вражеское гнездо до подхода главных сил противника и двинулись к Сазаве. Перейдя реку вброд, они собирались уже остановиться и заночевать на ее северном, равнинном берегу, когда высланные вперед гонцы сообщили, что на лагерь движутся с трех сторон большие массы всадников.

Трем отрядам католиков было бы весьма с руки провести согласованную атаку на речной низине. Жижка не пожелал предоставить им это преимущество, спешно снялся и ушел в холмистую местность, лежавшую к северу.

К вечеру возовая колонна вышла на горную дорогу и двигалась быстро в тесном боевом строю, готовая каждую минуту отразить вражеский натиск.

Королевские конники настигли таборитов ночью. Колонна тотчас сомкнулась. Выпрягли лошадей, связали колеса цепями, в промежутки меж возов выдвинули тарасницы.

Католики атаковали несколько раз кряду, но неизменно встречали дружный и крепкий отпор. В ночной темноте гулко молотили по рыцарским латам окованные железом цепы, и непривычный звук, отражаемый скалистыми обрывами, тревожил коней и вселял немалый страх в сердца всадников. Бессильные одолеть таборитов, после короткого боя католики отступили, оставив у возовой крепости с полсотни убитых.

Здесь табориты впервые подобрали брошенные на поле боя копья с крестами на флажках — знаком рыцарей-крестоносцев.

Жижка движется на помощь Праге.

* * *

Воины Жижки вступили в Прагу вскоре после полудня 20 мая.

Торжественно, с колокольным звоном, фанфарами и пением встречали пражане пришедших. Столичные жители, совсем было упавшие духом, при виде мужественных, хорошо вооруженных таборитов снова приободрились. Полководца пришедшей в столицу крестьянской рати здесь хорошо знали. Еще свежо было в памяти всех взятие Вышеграда и бои на Малой Стороне. Правда, тогда вышла неприятная размолвка, но ни пражские советники, ни табориты не хотели вспоминать о прежнем в этот решительный час.

Пока над гуситами занесен был меч иностранного вторжения и кровавой католической реакции, бюргерско-рыцарский лагерь «чашников» чувствовал свою тесную связь с крестьянско-плебейским революционно-демократическим лагерем таборитов. Национальная общность и сознание великой военной опасности объединили две во многом противоположные части чешского народа со столь различными общественными и политическими интересами и устремлениями.

Все дело обороны Жижка тотчас взял в свои руки. Руководимые им гетманы Праги принялись укреплять подступы к столице.

23 мая в Прагу вступило еще несколько тысяч воинов, направленных в помощь столице из городов Жатец, Лоуны и Сланы.

Оборона города крепла.

Жижка опасался сильных и одновременных вылазок противника из Вышеграда и Пражского замка,

Чтобы ослабить эту угрозу, он занял, как и полгода назад, предмостье на Малой Стороне, а со стороны Вышеграда решил отгородиться глубоким рвом, на рытье которого направил женщин-пражанок и табориток.

С того самого дня, как крестьяне и ремесленники Табора оказались в столице, они не переставали возмущаться порядками, заведенными в Праге, и выказывали глубокое свое отвращение к легкому житью и еще более легким нравам богачей столицы.

Когда крестьянину-табориту доводилось проходить по пражскому рынку, он с удивлением глядел на лабазы, полные миндаля, инжира, риса, изюма, перца, имбиря, муската, шафрана. Эти чужеземные товары и пряности стоили бешеных денег. К чему они? Сдабривать пищу такими приправами нужно богатым бездельникам, не знающим вкуса ломтя черного хлеба после дня работы в поле.

Проведшие жизнь в тяжких лишениях, бедняки пришли в столицу сражаться за народное дело. Они никак не могли, да и не хотели примириться с вызывающим довольством и чревоугодием столичных богатеев.

Но больше всего ненавистны были им богатые пражские щеголи и щеголихи. В воскресный день бюргеры Старой Праги, купцы и старосты ремесленных цехов важно прогуливались по улицам столицы. Толстые, лоснящиеся от жира, налитые кровью лица, выпученные от одышки глаза, тройные подбородки…

Мужчины выступали в бархатных кафтанах. На груди, по тогдашней моде, наложены были горы ваты, а живот стянут так, что франт едва был в состоянии дышать. На макушке красовалась крохотная шапочка-клобучок, а шею обхватывал золотой или серебряный обруч в пять пальцев шириной, подпиравший подбородок.

— Наш пан надевал такие ошейники своим псам, чтобы волки не загрызли, — саркастически бросал задорный молодой табор ит,

— А ты погляди на сапоги! — подхватывал другой. Столичные щеголи носили мягкие сапожки с носами трубочкой в

две ступни длиною.

Но мужские эти наряды были сама простота и скромность в сравнении с нарядами жен и дочерей столичных купцов. Шелковые, разноцветные плащи, подбитые голубой лисицей, золотые пояса, унизанные крохотными колокольчиками, на головах затейливые высокие венцы, разукрашенные жемчугом, на руках перчатки, поверх которых пальцы унизаны кольцами с самоцветами, множество золотых застежек, пряжек с рубинами, ладанки из хрусталя, коралловые четки…

Ненавидящими глазами глядели табориты на все эти затеи. В столице, которая лихорадочно готовилась к осаде, все множились случаи столкновений таборитов с богатыми горожанами.

Женщины из Табора ревностно преследовали распущенность столичных купчих. Пражанок легкого поведения' окунали в реку, срывали с плеч и рвали в клочья драгоценные меховые плащи модниц.

Положение стало серьезным, когда воины-табориты начали выпускать вино из бочек в корчмах, громить игорные заведения, уничтожать на Тыну — торговой площади — разложенные торговцами дорогие заморские ткани.

Пражские плебеи — чернорабочие, грузчики, ремесленные ученики — были едины с таборитами в их стихийной враждебности к «неправедной жизни» богатых бюргеров.

Жижка прекрасно понимал чувства своих воинов и разделял их, но он был прежде всего военачальником и видел опасность внутренних раздоров.

Поэтому он потребовал от советников обоих городов Праги энергичных действий, которые способны были бы успокоить расходившиеся страсти.

Как рассказывает летописец Лаврентий, табориты настояли на том, «чтобы положен был конец преступлениям против нравственности, чтобы прекратили попойки в корчмах, тщеславие и роскошь одежд с разными вырезами и украшениями и всякие непорядки и измышления, противные богу».

Негодуя в душе на «мужичьи причуды», советники пражских городов вынуждены были все же склониться перед волей аскетического Табора.

Согласились они и с таким важным требованием Николая из Гуси и Жижки, как изгнание из столицы ненадежных людей.

Об этом Лаврентий пишет: «Из числа жителей Праги и из людей, пришедших к ней на помощь, избрали доверенных, которые должны были тщательно следить за тем, нет ли среди пражского населения таких, кто враждебен чаше. Всех этих людей, независимо от их положения и пола, надлежало выселять

из столицы».

«Доверенные лица эти собирались ежедневно в ратуше, вызывали к себе пражан, подозреваемых или уличенных показаниями свидетелей. Тех, кто отвергал чашу, выселяли из Праги с. глашатаями, проводя их под знаменем пана Ченка, выставленным в средине города».

В покинутые бежавшими из города патрициями и бюргерами-немцами дома временно вселились табориты и другие пришлые воины.

* * *

Пока Жижка готовил Прагу к предстоящей осаде, Сигизмунд занял сильную позицию в двух милях к югу от столицы в Збраславе, при впадении Мжи во Влтаву. Свой лагерь, хорошо прикрытый водными рубежами, император укрепил еще земляными и деревянными заграждениями. Отсюда он несколько раз пытался приблизиться к Праге. Но как только навстречу ему из стен города выступали воины Жижки, Сигизмунд отходил назад, не принимая боя.

Император решил подождать с атакой на столицу до подхода отрядов крестоносцев, массами двигавшихся к его стану со всех концов католической Европы.

В это время внутри Чешского королевства всякий, кто не хотел отречься от гуситства и чаши, уходил в Прагу или на Табор, спасаясь там от террора католических банд. Паны и бюргеры, приверженные гуситству, тяготели больше к столице, а крестьяне устремлялись в таборитскую крепость.

Сигизмунд, томившийся в ожидании крестоносных полчищ в Збраславе, решил воспользоваться уходом Жижки из Табора и напасть на него. Руководить нападением на Табор император приказал молодому Ульриху Розенбергу.

Пан Ульрих, подобно опекуну своему Ченку Вартемберкскому, числил себя в «подобоях», пока можно было захватывать монастырские и церковные земли.

Но стоило Сигизмунду пострашать молодого магната карами, ожидающими еретиков, и Розен берг отрекся от гуситства и прогнал из своих замков, местечек, а также из своих наемных отрядов всех «чашников».

Но Сигизмунд потребовал от пана Ульриха большего — захвата Табора:

— Пока медведь гуляет на воле, разори его берлогу!

23 июня многочисленное воинство молодого Розенберга, конное и пешее, с приданным ему гарнизоном Будейовиц, осадило Табор.

— Хромой пан Ульрих захромал и душой! — воскликнул Жижка, узнав, с какой легкостью сын его давнего врага изменил чаше.

Как ни трудно было выделить людей из числа защитников Праги, гетманы Табора тотчас послали на помощь своей осажденной крепости отряд в триста пятьдесят всадников под командованием первого гетмана — Николая из Гуси.

Гетману Николаю удалось дать знать осажденным в Таборе о своем приближении и договориться с ними о совместных действиях.

На рассвете 30 июня табориты, внезапно выступив, из ворот Табора, с оглушительными криками ринулись на палатки осаждающих. Опешившие от неожиданности наемники Розенберга стали отходить.

Тут с тылу на них ударили конники Николая из Гуси.

Розенберг потерпел полное поражение. Потеряв множество людей убитыми и пленными, он с остатками своего воинства едва ушел от преследования, оставив таборитам много провианта и снаряжения, бросив все свои осадные пушки.

* * *

За два дня до этого, 28 июня, Сигизмунд покинул, наконец, збраславский лагерь, ведя за собой огромное, никогда дотоле не виданное в Чехии войско, — по сообщению летописца, сто пятьдесят тысяч крестоносцев.

«В этом войске, — рассказывает Лаврентий, — были архиепископы, епископы, патриарх Аквилейский, разные доктора и духовные прелаты, светские герцоги и князья, числом около сорока, маркграфы, графы, бароны и много знатных господ, рыцарей, вассалов, горожан разных городов и крестьян. Все они расположились в поле, на открытой равнине и поставили на ней палатки или пышные шатры, образовав как бы три огромных города».

Как видно из дальнейшего повествования летописца, в этом крестоносном воинстве больше всего было немцев: пруссаков, тюрингцев, штирийцев, мейссенцев, баварцев, саксонцев, австрийцев, рейнландцев, вестфальцев.

Было здесь много рыцарей из Франции, Италийских земель,

Нидерландов, Швейцарии, Испании.

Пришли громить Прагу и далекие предки Черчиллей и Иденов — английские рыцари.

Среди всего этого чужеземного дворянского сброда блистали представители чешского и моравского католического панства, готовые пролить кровь своих соплеменников ради щедрых наград золотом и землями, которые им посулил император-прохвост.

«Крестоносцы каждый день, — продолжает свое повествование Лаврентий, — поднимались на вершину горы над рекою, стояли там и лаяли на город, как собаки: «Ха, ха, Гус, Гус, ересь, ересь!..»

«Когда случалось, что в их руки попадал какой-нибудь чех и, если его не освобождал кто-нибудь из чешских панов, то крестоносцы тут же сжигали его без всякого милосердия, как еретика».

Три обширных военных лагеря охватили Прагу полукругом по западной и северной стороне. Самый большой раскинулся непосредственно за Градчанским холмом на берегу речки Брусницы. Здесь находились французы, англичане, голландцы, поляки, отряды чешских и моравских католических панов. Слева от них, в том месте, где Влтава круто поворачивает к востоку, омывая с севера Старый гор. од, расположился второй, центральный лагерь. Еще ниже по течению Влтавы, у пригородной деревин Овенца, вырос третий «город», из палаток и шатров. Тут, на левом фланге всего расположения, главной силой были многочисленные хоругви мейссенских и австрийских рыцарей.

Сигизмунду предстояло выбрать между двумя военными планами: прямым штурмом пражских стен и Карлова моста, с тем чтобы пробиться затем с боем к центрам Старой и Новой Праги, и длительной осадой чешской столицы, принуждением ее к сдаче измором.

Сигизмунд созвал своих военачальников на военный совет. Между ними возникли острые споры. Немецкие князья требовали штурма после обстрела «гнезда еретиков» из тяжелых пушек. Особенно ратовали за это австрийский герцог Альбрехт и немец — маркграф Мейссенский. Против такого плана восстали чешские и моравские вельможи. «Если император намерен стать королем чехов, — говорили они Сигизмунду, — пусть поостережется разгрома пушками будущей своей столицы».

Вероятно, прирожденная трусость склонила императора ко второму решению — не обстреливать Праги, а запереть все пути подвоза к ней продовольствия.

— К чему рискованные атаки? — говорил он. — Через месяц-

полтора город и так вынужден будет сдаться на милость осаждающих.

Для полного окружения Праги надо было перерезать дороги, ведущие к ней с восточной стороны. Над восточными подступами к столице господствовала невысокая Виткова гора. Сигизмунд приказал мейссенцам переправиться через Влтаву, по обширному лугу — Шпитальскому полю — пройти к этим восточным подступам и занять крупными силами Виткову гору. Сигизмунд рассчитывал, что, зажатая между Вышеградом, Пражским замком и Витковой горой, обложенная несметными католическими ратями гуситская Прага не сможет больше получить извне ни мешка муки, ни туши мяса.

Но Жижка раньше Сигизмунда оценил значение позиции на Витковой горе и действовал быстрее него. Прежде чем мейссенцы успели двинуться, он выступил с сильным отрядом таборитов из стен города и занял Виткову гору.

Две дороги, ведшие к столице из восточной Чехии, пролегали вдоль северного и южного склонов холма. До тех пор, пока он будет в руках Жижки, подвоз продовольствия к Праге не прекратится.

Смущенный быстротою действий противника, Сигизмунд изменил только что принятый им план кампании и, вняв совету немцев, начал готовиться к штурму чешской столицы. Но и от первоначального намерения занять Виткову гору он не отказался.

Тревожа пражан мелкими стычками, отбивая их дерзкие вылазки, император стал готовить сильный удар по Витковой горе. Он считал теперь, что прежде непосредственного действия против самой Праги необходимо прогнать Жижку с Витковой горы, вынудить все силы противника запереться в стенах города; в тот же день подвергнуть город обстрелу из осадных башен и тяжелых пушек, пробить брешь в стенах и ворваться на улицы.

Накануне дня, назначенного для штурма, император надумал «прощупать» стойкость и боевое умение пражан. Он перебросил через Влтаву на Шпитальское поле отряд мейссенских рыцарей с осадными орудиями. Всадники двинулись к городской — стене, словно бы готовясь к обстрелу ее.

Загудел колокол на ратуше Новой Праги, раскрылись ворота, навстречу мейссенцам высыпала толпа вооруженных пражан. Не дожидаясь подхода товарищей, не слушая приказов своих начальников, возбужденные люди ринулись на тяжело вооруженных всадников.

После короткого боя пражане в панике побежали к воротам, преследуемые пиками рыцарей, оставляя за собой убитых и пленных.

Из ворот выступил тогда на помощь разбитым пражанам большой отряд таборитов. Уклонившись от боя, немцы поспешно отошли назад за Влтаву. Сигизмунду они донесли: пражане дерутся горячо, но неумело, и завтра их ждет неизбежное и великое поражение.

* * *

Назавтра, 14 июля, Сигизмунд с легким сердцем направил снова за Влтаву очень большие силы — не менее четверти всего войска. На этот раз крестоносцы должны были сбросить Жижку с Витковой горы.

Виткова гора представляла собою продолговатую возвышенность-горб, спадавшую, круто на три стороны. Только к востоку спускалась она полого узким своим краем, сливаясь постепенно с окружающей равниной. Долго и заботливо укрепляя подходы с этой опасной стороны, Жижка поставил в два ряда по нескольку рубленых деревянных башен, соединив их глинобитными, крепленными камнем стенами. Две линии обороны он еще усилил вырытыми впереди них рвами.

На Виткову гору двинулось двадцать пять тысяч всадников мейссенцев и австрийцев. На них возлагалась задача смять оборону горы, а затем подойти к стенам Праги с востока. С противоположной стороны, у Саксонского дома и дворца архиепископа, стали шестнадцать тысяч наемников — чешских и моравских католических панов. Они должны были ворваться в Старую Прагу через Карлов мост. В то же время отряды крестоносцев, выйдя из Вышеграда, с юга пробьются в Новую Прагу. Основная масса крестоносцев во главе с императором останется в резерве и двинется туда, где удастся пробить в обороне наибольшую брешь.

Огромное крестоносное воинство, заняв исходные позиции для штурма, ждало только сигнала. Условленным моментом общей атаки должна была стать победа над горсткой таборитов, закрепившихся на высоте вне стен Праги.

Было четыре часа пополудни. Медленно поднимались по северному пологому склону Витковой горы тысячи и тысячи тяжелых, крытых кольчугами коней. Стальные шлемы и медные доспехи всадников сверкали под лучами июльского солнца.

На катившую вверх, закованную в медь и железо лавину глядели с деревянных своих башенок и глинобитных стен несколько сотен бойцов-таборитов. Жижки среди них не было: он

находился поодаль, у задней линии, подготовляя ее к обороне.

У многих бывалых воинов упало сердце: «Не лучше ли отступить?» Один, другой, оробев, стали спускаться со стены вниз…

А мейссенцы тем временем спешились и пошли вперед, прикрываясь щитами. Преодолев первый ров, они вышли к передней стене. С ними не было лестниц, и у стены они замешкались.

Наверху на постах осталось только двадцать девять человек, среди них три женщины, яростно швырявшие вниз на атакующих камни.

В эту опасную минуту на передней стене появился Жижка. Он увлек за собой дрогнувших бойцов. Таборитский вождь бил наотмашь мечом по головам крестоносцев, которые с трудом взбирались наверх, становясь на плечи своих товарищей. В ту же минуту Жижка запел песню, сочиненную им в походе. Ее подхватили все его люди;

Помните твердо завет,
Что каждому воину дан:
Гетманам все повинуйтесь,
На помощь друг другу спешите,
Ряд свой в военном строю
Ненарушимо держите!
Кликните клич боевой:
«На них! Вперед! На них!»
Оружие крепко держите!
«Бог наш владыка!» — кричите.
Бейте их, убивайте!
Ни одного не щадите!

Один из мейссенцев изловчился, подпрыгнул, поймал Жижку за ноту и, повиснув на ней, всей своей тяжестью потянул гетмана вниз. Еще минута — и вождь таборитов упал бы на копья врагов. Но подоспевшие цепники удержали Жижку.

Табориты, окрыленные присутствием Жижки, дрались теперь с невиданным ожесточением.

— Кто смеет отступить перед антихристом! — вскричала ринувшаяся вперед женщина, молотя цепом по шлемам. Через мгновенье она свалилась вниз головой, пронзенная копьем.

Жижка увидел, что его люди смогут продержаться на передней стене, он здесь сейчас не нужен. Увидел он и другое: спешенные рыцари не в состоянии взобраться на эту стену. Позади них их соратники, ничего не видя и не понимая, что

происходит, напирали все сильнее. А те, кто стоял под самой стеной, отчаявшись одолеть ее, садились наземь и прикрывали голову щитом от града летевших сверху камней. Двадцать пять тысяч рыцарей, находившихся позади, на узкой дороге между обрывами, напирали все сильнее, проклиная замешкавшихся впереди.

«Как раз время ударить по ним сбоку!» — решил Жижка.

Он повел за собой несколько сот людей — всех, кто не бился на передней стене. Цепляясь за кустарник, которым поросли обрывы, табориты пробрались, незамеченные противником, далеко вперед по склону и поднялись на дорогу. Там в тесном конном строю стояли мейссенцы.

И без того встревоженные непонятной задержкой, рыцари страшно всполошились, когда на них накинулись табориты, неизвестно откуда взявшиеся, словно извергнутые преисподней дьяволы.

Табориты гикали, свистели и кричали, молотили по латам цепами:

— На них! Вперед! На них!..

Как и рассчитывал Жижка, через минуту рыцарские кони совершенно ошалели. Взвиваясь на дыбы, они сбрасывали и топтали седоков.

Лишенные возможности развернуться на узкой дороге для боя, в невообразимой сумятице рыцари в отчаянии пытались уйти от побоища, бросались к обрывам. Кто мог, поворачивал назад и во всю прыть скакал к Влтаве.

Двадцать пять тысяч рыцарей, рассыпавшись по полю, галопом мчались прочь от места своего позорного поражения, преследуемые с тыла защитниками Витковой горы, теснимые сбоку таборитами и пражанами, конными и пешими, высыпавшими им наперерез из восточных и северных ворот столицы.

Не прошло и часу от начала боя, а по обрывам и на равнине Шпитальского поля валялось больше пятисот убитых мейссенцев, и среди них Генрих Изенбург, их полководец.

Император Сигизмунд глядел с Градчанских высот на побоище, онемев от ужаса, злобы и изумления. Ему не раз приходилось быть битым на поле брани, но и он еще не знавал такого позора! Пятьдесят отборнейших рыцарей на одного мужика Жижки — и полное, неслыханное поражение!..

Войска, расставленные вокруг Праги, так и не дождавшись сигнала общей атаки, вернулись в свои палатки.

— Во всем виноваты чехи! — вопили разъяренные немецкие феодалы. — Император слушал их, а не нас!

«Немцы и другие пришельцы, — писал Лаврентий, — видя, как позорно были они разбиты крестьянским народом, взвалили всю вину на примкнувших к ним чехов. Немцы заявляли, что были обмануты и преданы чехами. Если бы в этот спор не вмешался сам венгерский король, они в тот самый день, еще до захода солнца, стали бы биться и убивать друг друга».

Однако до этого не дошло: под руками были чешские мирные жители, на которых крестоносцы срывали свою злобу.

«Чтобы отомстить за своих убитых, — рассказывает летописец, — пришельцы на другой день выжгли все села в окрестности. Кого только могли захватить там, даже женщин и малых детей, они бесчеловечно, словно язычники, бросали в огонь».

Пражский народ по случаю великой победы предался бурному ликованию. Не переставая звонили колокола. С наступлением ночи перед полутысячей домов зажгли «костры радости». Бургомистры и советники обеих ратуш верхом, в парадных, тканных золотом кафтанах объезжали улицы под переливы серебряных труб.

— Да здравствует Жижка! — выкрикивали пляшущие на перекрестках. — Спаситель Праги Жижка!

Жижка стал народным героем. Гору, на которой одержана была эта чудесная победа, чешский народ с тех пор прозвал Жижковой горой[39].

А таборитский вождь, равнодушный к славословию, трезво оценил положение: враг ошеломлен поражением, но силы его еще не подорваны, и можно ожидать скорой, более слаженной и опасной атаки.

Не мешкая, принялся Жижка укреплять гору. На ней работали теперь тысячи пражан и таборитов, мужчин и женщин. Нужно было много досок — Коранда забрал из пражских церквей скамьи.

На Жижковой горе выросла вскоре крепость, способная противостоять даже пушечным ядрам. Крестоносцев ожидали нацеленные на дорогу тяжелые таборитские гоуфницы.

В лагере Сигизмунда не было единения, нужного для возобновления военных действий. Чешские паны, обозленные оскорблениями и жестоким разбоем чужеземных рыцарей, грабивших без разбора и разорявших даже усадьбы панов-католиков, требовали от императора немедленных мирных переговоров с Прагой. Сигизмунд, напуганный непрестанными угрозами немцев покинуть лагерь, ужом извивался между двумя партиями, умоляя австрийцев и мейссенцев не сниматься с места хотя бы еще две недели, до конца июля.

Чешские католические паны, стоявшие в лагере крестоносцев,

подослали тогда, не без молчаливого согласия императора, тайных парламентеров к советникам Праги. Паны инстинктивно чувствовали, что союз бюргеров-пражан и крестьян-таборитов не может быть прочным. Они рассчитывали вогнать в него клин.

На этот раз, однако, вельможные паны ошиблись. Пражские бюргеры, только что спасенные Жижкой от великого погрома, не решились вести переговоры о перемирии за спиною своих союзников. Вместо перемирия магистры университета и городские советники предложили католикам… религиозный диспут. Война разгорелась, мол, из-за несогласия по вопросам веры. Пусть же стороны выставят сильнейших своих богословов и попытаются убедить друг друга.

В другое время такая затея «чашников» только насмешила бы католических прелатов. Католичество располагало куда более сильными средствами приведения в покорность строптивых, нежели диспуты. Но сейчас под Прагой расползалось по швам величайшее военное предприятие Рима…

Папский легат и император дали согласие на диспут.

* * *

20 июля из Пражского замка вышли император Сигизмунд, легат его святейшества патриарх Аквилейский и множество прелатов, докторов богословия, светских князей — немцев и чехов. Их встретили на полпути, за Карловым мостом, на выжженной Малой Стороне пражские гуситы, магистры университета и священники.

Здесь же находились три нотариуса, обязанные протоколировать все подробности словесного боя.

Гуситская сторона начала с того, что огласила важный документ — четыре пражские статьи, которым суждено было много лет служить основой программы рыцарско-бюргерского лагеря гуситов.

Из четырех пражских статей самое большое значение имела третья статья, в которой обосновывалась необходимость секуляризации церковно-монастырского имущества и лишения духовенства светской власти:

«Пусть отнимется и упразднится у духовенства право собственности на мирские богатства и блага, которыми оно обладает вопреки наставлению Христа…

Пусть само духовенство возвратится к той апостольской жизни по евангелию, которой жил Христос со своими

апостолами».

Эта статья выражала интересы не только чешских бюргеров, заинтересованных в ликвидации богатой католической церкви, но и интересы дворянства. Она должна была юридически закрепить уже проведенные в предшествующее время захваты движимого и недвижимою имущества у монастырей и церкви.

Статья четвертая, говорящая о наказании за «смертные грехи», также в основном была направлена против католического духовенства. Она отвергала права духовенства на взимание денежных платежей за многочисленные церковные службы, объявила эти платежи в пользу церкви «смертным грехом», достойным наказания вплоть до смертной казни. Продажа церковных должностей, индульгенций, сутяжничество духовенства с простыми людьми, выколачивание феодальных платежей, вымогание пожертвований — все это также было объявлено «смертным грехом».

Четвертая статья, как и третья, наносила удар по католической церкви. Это вполне соответствовало интересам умеренною рыцарско-бюргерского лагеря. Взамен старой католической церкви бюргеры стремились создать церковь дешевую, устраняя из богослужения все то, что стоило дорого.

Первая и вторая статьи пражан имели меньшее значение, чем третья и четвертая. В них обосновывалось право на свободу проповеди на любом языке и причащение под обоими видами. Требование причащения не только хлебом, но и вином из чаши как бы символизировало уравнение мирян с духовенством.

Чаша стала религиозным знаменем умеренных гуситов, свидетельством отличия чешской церкви от «испорченной», продажной церкви католиков.

Крестьянско-плебейский лагерь гуситов поддержал четыре статьи пражан, включил их в свою программу. Но табориты шли гораздо дальше своих пражских союзников, делая из этих статей более радикальные выводы.

Гуситы потребовали от Сигизмунда, чтобы им дали возможность огласить перед строем крестоносцев четыре пражские статьи на чешском, немецком, венгерском и латинском языках. Они, видимо, рассчитывали воздействовать кое на кого из дворянской голытьбы, слетевшейся к стенам Праги со всех концов Европы, на тех, кто не был еще вконец развращен погромом и резней.

Сигизмунд и его окружение наотрез отказали в этом пражанам: ведь битому воинству римского папы и впрямь опасно было слушать эту декларацию победителя.

Пражские статьи не встретили, разумеется, у князей

католической церкви никакого сочувствия. Епископ Симон Рагузский, багровый, толстый, задыхающийся от жира старик, принялся поносить третью статью.

Что?! — гнусавил он. — Отобрать церковные владения?! У меня не хватит пальцев на руках, да что пальцев — волос у меня на голове меньше, чем есть у римской церкви святых, владевших при земной своей жизни поместьями! Что же прикажете? Лишить их святости? Вычеркнуть из памяти и почитания христиан?

Тощий патриарх Аквилейский, смиренно сложив руки на груди, промолвил елейным голоском:

— Кто из нас может судить, велик ли грех или мал? Это знает один лишь господь! Говорите, священнослужители наши сладко едят и пьют, прелюбодействуют. А о покаянии вы забыли? У самою закоренелою грешника всегда есть время для покаяния. Вспомните, что покаявшийся грешник милее господу любого праведника…

В конце концов весь этот средневековый диспут свелся к спору о том, где заключена последняя, неопровержимая, для всех обязательная истина. Гуситская сторона утверждала — в евангелии. А католики настаивали — в церкви и главе ее, папе.

* * *

Идеологи пражских бюргеров, магистры университета — Пржибрам, Кардинал, Младеновиц — увлекались тонкостями богословских выкладок. Во власти совсем иных чувств и страстей были низы пражского населения и собравшиеся в стенах столицы чешские крестьяне. Народ, видя, как крестоносцы, побитые под Прагой, расползаются по сельским местностям Чехии, грабят, жгут, насилуют, жаждал отомстить чужеземным разбойникам за безмерные страдания чешского населения.

22 июля толпы пражского люда и таборитов выволокли за стены города шестнадцать пойманных под Прагой насильников — немецких рыцарей — и на виду у противника бросили их в огонь.

— Эй вы, семя антихристово! — кричали крестоносцам табориты. — Кто пришел к нам незваный, да злодействует, да насильничает — всем дорога, как этим, в пучину огненную!

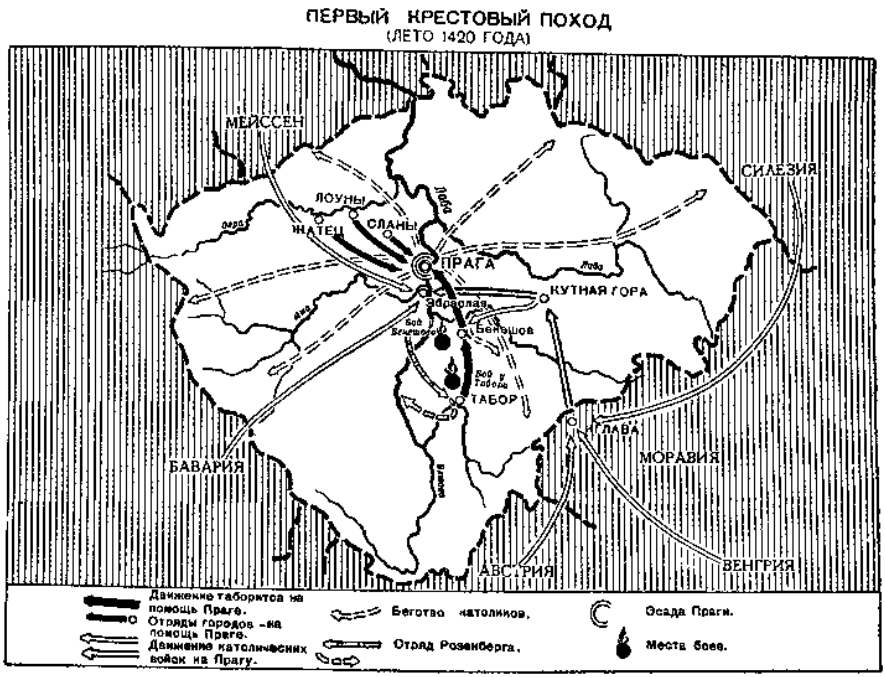
А крестоносцы, как прожорливая саранча, успели за месяц истребить запасы продовольствия половины Чехии. В их лагерях под Прагой началось недоедание, палатки кишели паразитами, завелись заразные болезни. Порядок и подчинение, и до того слабые в крестоносных отрядах, теперь совсем исчезли.

Отдельные рыцарские хоругви стали самовольно сниматься с постов и отходить от Праги.

Сигизмунд видел теперь неминуемый провал похода. Не сбылись его надежды привести чешский народ к покорности железным кулаком иностранной интервенции.

Крестоносцы, в тылу которых начались крестьянские восстания, панически бежали из Чехии, предавая все на своем пути огню и разрушению.

Так окончилась полным, позорным провалом большая затея Рима — первый крестовый поход на чешских еретиков. Маленькая Чехия выдержала натиск стотысячной армии католических интервентов.



Незадолго до снятия осады осмелевшие под впечатлением одержанной Жижкою победы советники пражских ратуш издали закон о конфискации имущества бежавших из чешской столицы католиков и приверженцев Сигизмунда.

В числе бежавших были богатейшие люди, патриции Праги, почти поголовно немцы. От них к столичным бюргерам-чехам переходили огромные состояния: не только набитые товарами лавки и склады, не только пышные хоромы, вызывавшие восхищение и зависть бывавших в Праге чужеземных купцов, но и сотни обширных феодальных поместий, раскинутых на большом пространстве вокруг чешской столицы.

* * *

Радужные настроения пражского мещанства, осуществившего оружием таборитов свои заветные желания, нарушали, однако, сами табориты. С новой силой принялись простолюдины Табора досаждать пражским толстосумам своими суровыми требованиями, настойчивой проповедью воздержанной жизни. Рыхтарж[40], бургомистры, советники, пражские гетманы не знали, как им быть: бюргеры очень боялись в это время ссоры с таборитами, за которыми шла вся пражская беднота, возглавляемая Желивским.

Николай из Гуси, Жижка, Коранда порывались вернуться как можно скорее к себе на Табор, где их ждало большое народное дело. Пражане старались удержать их подольше у себя: ведь, неровен час, крестоносцы, которым помогает половина Европы, могут оправиться от поражения и вернуться под стены столицы. А Вышеград и Пражская крепость все еще продолжали быть двумя католическими копьями, приставленными к груди гуситской Праги.

Но после одержанной победы над общим врагом между двумя лагерями гуситского движения с каждым днем росло взаимное отчуждение. Поддерживаемая плебеями столицы народная, крестьянская ветвь гуситства — табориты — жаждала глубоких социальных перемен и прежде всего решительной борьбы с феодалами до полного уничтожения феодального гнета. А другая, бюргерская ветвь, готова была довольствоваться чуть реформированным католичеством — чашей. Бюргеров больше всего прельщало окончательное закрепление за ними приобретенных богатств. Интересы были непримиримы. Однако именно табориты сделали в те дни попытку, полную наивной искренности, «убедить» пражских бюргеров в том, что приверженцам чаши можно не враждовать и договориться меж собою на основе удовлетворения самых скромных требований «божьих воинов». Уже на четвертый день после снятая осады, 5 августа, табориты предъявили пражской общине свои требования в виде двенадцати статей.

Община таборитов предлагала общине пражан:

1. Чтобы принятые взаимно положения и предписания строго выполнялись обеими сторонами.

2. Чтобы договоренные ранее положения и предписания, на которые дали свое согласие пражские советники, гетманы и общины, строго выполнялись под страхом наказания за нарушение.

3. Чтобы не терпеть и не оставлять без наказания прелюбодеев, распутников и соблазнителей как явных, так и тайных, бездельников, разбойников, богохульников и «умалителей какого бы то ни было сословия».

4. Чтобы не допускались попойки в харчевнях.

5. Чтобы не носили драгоценных одежд — пурпурных, расшитых, разрисованных, тканных серебром, тисненых, вырезанных и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордыне.

6. Чтобы ни в мастерских ремесленников, ни на рынке не было обмана, кражи материалов, чрезмерной наживы, хитрости, надувательства, выделки бесполезных, суетных вещей.

7. Чтобы устранено было немецкое и иное чужеземное право, а суд и управление производились сообразно со справедливостью.

8. Чтобы священники в образе жизни подражали «первоначальным христианам».

9. Чтобы имущие власть сообразовали свои действия с требованиями совести.

10. Чтобы имущество священников обращено было на общее благо, а священники содержались «по усердию верующих».

11. Чтобы пражане изгнали из Праги всех противников чаши, а изгнанных ранее обратно к себе не принимали.

12. Чтобы упразднили и разрушили все монастыри, лишние церкви и алтари, иконы, сохраненные явно и тайно, драгоценные украшения на них, золотые и серебряные чаши, представляющие собой идолопоклонство и заблуждение.

Эту программу табориты заканчивали словами: «Потому, дорогие братья, выставляем мы такие требования, что хотим душой и телом исполнить волю божью, так как уже многие братья наши за изложенные здесь истины пролили свою кровь и отдали свою жизнь».

Табориты требовали, чтобы общины столицы согласились с этими статьями, «взяли их под свою руку». В противном случае табориты отказывались оставаться дольше в Праге.

В этих статьях наряду с характерной устремленностью в сторону воображаемой «евангельской» и «древнехристианской» аскетической жизни нетрудно увидеть и отчетливое отражение социальных и политических требований таборитов к городу. Так, например, они ратуют против обмана лавочниками и ремесленниками своих клиентов. В ту пору обычной жертвой жульнических махинаций городского мещанства были крестьяне.

Табориты восстают против немецкою права[41], этого бастиона чужеземных купцов и ремесленников, позволявшею им уходить от ответа перед чешским судом за свои проделки.

Табориты требуют, чтобы в торговле и ремесле, в суде и администрации вернулись к народному обычному чешскому праву.

Возмущенные частыми поблажками и неуместною «сердобольностью» в отношении врагов чешского народа, табориты настаивают на более строгих мерах против бежавших из Праги и других городов эмигрантов. Наконец их негодование вызывает и то, что в Праге все еще сохранились нетронутые очаги католичества — монастыри и богатые, разукрашенные церкви.

Новая Прага, где сильны были ведомые Желивским городские низы, тотчас приняла требования таборитов. Советники Старой Праги этим требованиям воспротивились.

Но табориты не хотели ограничиться одним провозглашением своих пожеланий и ждать соизволения городских советников. 6 августа они разрушили один из богатейших доминиканских монастырей столицы. Через несколько дней в Збраславе таборитами и пражскими бедняками под водительством Коранды был разрушен монастырь-усыпальница с пышными королевскими гробницами.

А в пражских церквах женщины-таборитки ломали и жгли иконы, уничтожали священнические облачения, драгоценные сосуды.

Пражская беднота жаждала прочных дружественных отношений с таборитами. Но для этого нужно было прежде всего усадить в ратушах Старой и Новой Праги других советников. Ян Желивский, идя против воли столичных богачей, настоял на сходе великой общины трех городов столицы.

Сход, руководимый Желивским, избрал новых. советников — более решительных сторонников тесного военного союза с таборитами. Хотя табориты и были удовлетворены этими переменами, все же они решили как можно скорее вернуться к себе на Табор. Ведь именно теперь, после провала крестового похода следовало, не мешкая, использовать слабость чешских католиков и расширить во все стороны владения Табора, обратив его в то мощное средоточие крестьянскою противофеодального движения, о котором давно мечтали и Жижка и Николай из Гуси.

* * *

До возвращения на Табор надо было договориться с пражанами о будущем чешском короле.

Никто из пражских купцов и мастеров ремесленных цехов не

поддерживал более претензий Сигизмунда. Бюргеры, зная о намерении императора отнять у них все, что успели они захватить у патрициев городов и у церкви, ненавидели его яростно.

После осады Праги бюргеры столицы полностью поддерживали таборитов, по крайней мере, в одном — надо силой оружия воспрепятствовать всякому новому притязанию Сигизмунда на чешский трон.

Со дня смерти короля Вацлава, уже почти год, Чехия была фактически республикой. Однако у пражских мещан не возникало и зародыша мысли о возможности республиканского устройства чешского государства.

В отличие от монархического мещанства табориты желали бескоролевского управления. Правда, это свое программное республиканство табориты облекали в довольно туманные религиозные символы. В проповедях идеологов Табора речь шла о предстоящем «тысячелетнем царстве» самого Христа, что практически исключало возможность какого-либо «параллельного» земного владыки.

Обычным ярко республиканским положением хилиастических проповедей было предсказание будущего, когда народы станут попирать ногами «шеи царей».

Однако, несмотря на это, политические вожди Табора — Николай из Гуси и Жижка — сходились на том, что на ближайшее время Чехии нужен король. Он нужен прежде всего для успешного завершения борьбы с Сигизмунд ом и Римом: если противопоставить Сигизмунду другого короля, избранного чехами и дружественного гуситству, станет возможным в борьбе с чужеземными интервентами объединить народные массы Чехии с силой бюргерства городов, рыцарства и даже гуситского панства. Именно необходимость национального единения в переживаемую страной тяжелую годину диктовала вождям Табора их политику в отношении чешского трона.

Вопрос о том, кого позвать на чешский престол, вызвал серьезную размолвку между Жижкой и Николаем из Гуси. Николай требовал, чтобы поскорей избрали и короновали кого-либо из чехов.

Намерения Жижки были совсем иные. Он видел, что Чехия вступает на путь долгой вооруженной борьбы с империей и папством. Когда Жижка спрашивал себя, кто же может быть союзником Чехии в этой тяжелой борьбе, его взоры с надеждой обращались на восток, в сторону братских славянских народов и прежде всего к близкой, во многом родственной Чехии Польше.

Жижке казалось, что польский король Ягайло может

согласиться принять чешскую корону, оставив чехам их «подобойство» и свободу устройства внутренних дел. Союз двух славянских стран представит собой неодолимую преграду для военных замыслов Сигизмунда и Рима.

Жижка сражался в польских рядах против Тевтонского ордена. Он инстинктивно чувствовал, что крестовый поход Мартина V на Чехию — это все тот же немецкий натиск на славянский восток, только перенесенный с берегов Балтики на верховья Лабы.

Пражские верховоды еще в апреле 1420 года направили тайное посольство в Краков с вопросом к королю Ягайле, не пожелает ли он принять чешскую корону. Вразумительною ответа Ягайло тогда не дал. Наступившие вскоре после этого бурные события осады столицы заставили пражан на время забыть о польском короле. Вернувшись в августе вновь к этому замыслу, они решили возобновить прежнее предложение Ягайле.

Николай из Гуси, большинство гетманов и священников Табора отнеслись к плану пражан неодобрительно. Однако Жижка собственной волей привесил печать Табора к изготовленной тогда новой грамоте польскому королю.

22 августа множество пражского люда глядело с сожалением и немалым беспокойством, как через Свиные вороты воз за возом уходила из юрода колонна «божьих воинов». Табориты возвращались на Табор.

XIII. НА РОЗЕНБЕРГА!

Левым берегом Влтавы медленно двигалась к югу колонна таборитов. Перед воинами развертывались картины одна другой мрачнее: черные пепелища спаленных деревень, придорожные дубы, увешанные исклеванными вороньем телами крестьян…

Села, пощаженные факелом крестоносцев, стояли пустые. Крестьяне ушли в лесные трущобы, ютились по шалашам, припрятав в ямы убогий свой достаток — снедь, одежду.

Уже давно не было видно нигде латников с крестом на копье. И все же не верилось, что убрались, наконец, восвояси чужеземные громилы.

Но вот стук колес сотен возов известил о приближении таборитов. И вся округа — из долины в долину, от перелеска к перелеску — перекликалась именем, звучавшим приветом и надеждой:

— Жижка идет!

Крестьянки выбегали на дорогу, прижимая к груди измученных голодом детей, ковыляли дряхлые старики, чтоб поглядеть на спасителя Праги — того, кто скоро воздаст по заслугам и своим и чужеземным обидчикам за народные страдания, за невинно пролитую крестьянскую кровь.

Жижка приказывал раздавать с возов хлеб, солонину, пиво. Крестьяне обступали таборитского вождя, целовали в плечо, норовили приложиться к руке. Жижка досадливо отмахивался.

— Не пан я вам, седлаки, и не священник. Я брат ваш, и все мои воины — вам братья. Целоваться нам положено, как братьям, в уста!

Сильной рукой привлекал он к себе самого убогого и неказистого и крепко сжимал в объятиях.

— Здравствуй вовек, наш Жижка! — кричала в восторге толпа.

— А у вас, вижу я, немало молодых и крепких телом! — подмигивал Жижка своим глазом из-под медного островерхого шлема.

— Найдутся и такие, — смеялись крестьяне.

— Вы как же порешили, седлаки? Здесь будете дожидаться чужаков с крестами на пиках или как?

Толпа гудела:

— Разве придут?! Ой, горе! Тогда конец всем. Спаси нас от них, отец родной! Помоги! Отбей!

— Кто хочет помощи, — отвечал Жижка, — себе и женам, и

детям своим, и телу, и душе своей, пусть идет к нам в братство таборское! Там сообща всем людом и отобьемся. А потом ударим оттуда и раздавим насмерть гадину!

— Чтоб больше не жалила! — подхватили из толпы.

— Так как? — спрашивал Жижка, — Пойдет кто?

— Я пойду! Я! — кричали со всех сторон.

— Добро! Значит, скоро увидимся. Ждем вас, седлаки, у себя на Таборе!

Колонна двинулась дальше. И снова, село за селом, открывалась взорам «божьих воинов» погромленная чешская земля.

Молодой Ян Рогач, из обнищавшей ветви панов Дубских, весь поход неразлучен с Жижкой. Таборитский полководец, успев оценить горячую преданность Рогача народному делу, полюбил его, как сына.

Когда какой-нибудь выходец из дворянства приходил к таборитам, Жижка долго был настороже, присматривался испытующим оком, прежде чем поверить народолюбивым чувствам новоприбывшего, особенно если то был кто-либо из панов. Яну Рогачу Жижка поверил. «Этот, — говорил он себе, — пойдет за наше дело хоть на плаху».

Гетман обернулся к ехавшему с ним рядом Рогачу.

— Что пан Розенберг открыто отрекся от чаши— чистая наша удача! Измена у Розенбергов в крови, и, видно, давно таил он ее в сердце. А так лучше — пан Ульрих развязал нам руки. Я смогу отплатить ему ответным посещением за осаду Табора, навестить и его города, замки, поместья… Пан Ульрих висит у Табора вот здесь, — Жижка подергал ворот своего кафтана.

— Ты посуди сам: на западной стороне, прямо под нашими стенами, башни Пржибениц да Пржибенички. А Хустник? Собеслав? Миличин? Посчитай: десять городов да десять замков, и от каждого до Табора — рукой подать. Сед-лаки Розенберга душой с нами, но им и шевельнуться страшно — наемники пана стерегут двери каждой хаты, сосчитали каждый сноп в поле, каждую овцу. Весной приходили от них на Табор тайные гонцы: «Мы все ваши, — говорят, — только войди к нам силой». Вот, брат Ян, как раз и подоспело к тому время! Я сравняю с землей укрепления Розенберга, стены его городов! Его седлаки останутся по-прежнему жить у себя по селам, да только будут они уже с Табором, с нашими домашними общинами! Нам надо кормить большое войско — они помогут. И воинов наберем там немало.

— Да, сокрушить Розенберга сейчас всего нужней, — ответил Рогач задумчиво. — У короля венгерского теперь вся надежда на таких панов, как Розенберг. Слыхал я, австрийцы, мейссенцы, все

пришлые покинули Кутногорский стан. Значит, его надежда и опора сейчас — наши паны-католики. В Праге говорили, будто из Кутной Горы он шлет приказы Вацлаву из Дуба, Богуславу Швамбергу— итти немедля на Прагу и на Табор.

— Ну, на Табор им ходу не будет! — живо перебил Жижка. — А с Розенбергом покончу еще до зимы. У меня он на уме, он торчит под самым носом! После Розенберга поищем врагов подальше.

* * *

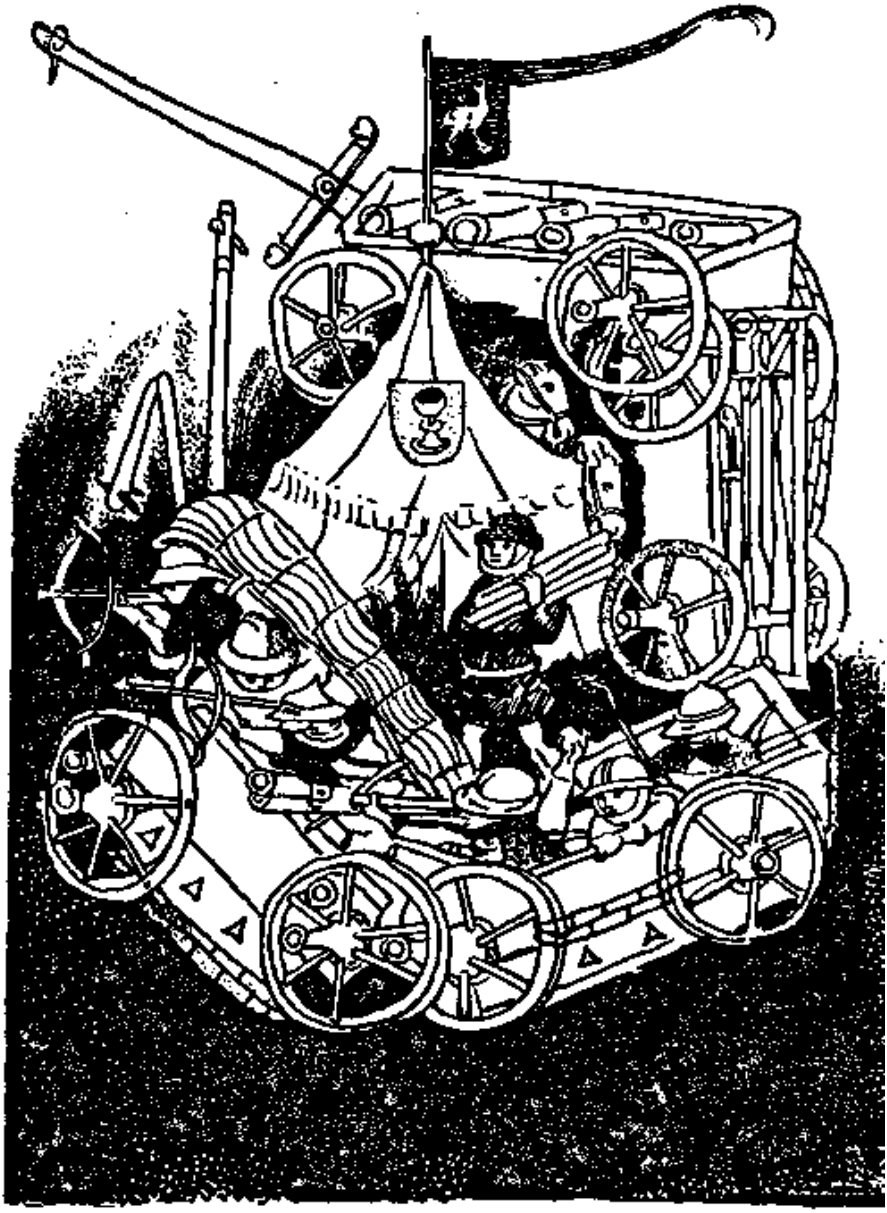
28 августа таборитская колонна стала близ союзного таборитам города Писка. Пополнив здесь свое войско крестьянами из окрестных сел, Жижка направился дальше к югу, к королевскому городу Воднянам, только недавно пожалованному Сигизмундом Розенбергу «за усердие в истреблении еретиков».

Пан Ульрих, заслышав о приближении Жижки к его владениям, укрылся в самом отдаленном своем замке, в Крумлове. Немногие уцелевшие в городе тайные «чашники» помогли Жижке изнутри города, и табориты легко завладели Воднянами. Отсюда они двинулись по розенберговским владениям в сторону Крумлова. Повсюду на пути «божьих воинов» разбросаны были панские амбары, склады, скотные дворы; на полях в снопах и скирдах лежал только что скошенный хлеб. Жижка раздавал крестьянам панское добро, а что оставалось, предавал огню.

В это время Розенберг лихорадочно стягивал к Крумлову тысячи своих наемников.

Предпринимая марш в направлении Крумлова, Жижка отчетливо видел наиболее выгодную тактику борьбы с могущественным феодалом. При общем горячем сочувствии крестьянского населения табориты могли не ввязываться в борьбу с главными силами Розенберга, которые пан держал собранными в мощный кулак. «Божьи воины» разоряли поместья некоронованного короля южной Чехии, совершая быстрые рейды и разрушая внезапными ударами укрепления.

Узнав, что пан Ульрих выставил перед Крумловом большое войско, Жижка повернул в сторону. Таборитская колонна выдержала несколько сильных атак конных отрядов, всякий раз нанося им жестокое поражение из-за возового заграждения.



Возовое укрепление таборитов (рисунок XV века).

Нещадно громя на пути своем поместья Розенберга и других панов-католиков, обходя сильно укрепленные города и замки, предавая огню те из них, которые удавалось взять неожиданным нападением или с помощью единомышленников изнутри, Жижка постепенно отходил к своей крепости.

* * *

В начале сентября Жижка далеким кружным путем достиг Табора? За три с лишним месяца, со времени выступления на помощь Праге, Табор успел сильно разрастись. Стены его не могли вместить непрестанно прибывавших сюда людей. Сотни палаток раскинулись внизу, на равнине, в непосредственной близости от городских ворот.

Уходя весною в Прагу, Жижка велел мастерам Табора неустанно ковать оружие. Теперь он нашел в народной крепости много изготовленных боевых возов, запасы холодного и огнестрельного оружия.

В середине сентября табориты осадили королевский город и замок Ломницу, к югу от Табора. После трехдневной осады город сдался.

Вопреки обычной своей тактике Жижка не разрушил Ломницы. Видимо, высоко оценив преимущества обладания вторым сильно укрепленным городом на Лужнице, он оставил здесь большой таборитский гарнизон во главе с гетманом Яном Рогачом. Это был первый вне Табора центр обороны и распространения идей крестьянско-плебейского таборитского движения.

От Ломницы табориты выступили на юго-восток, к замку и городу Быстржице, лежавшим недалеко от австрийской границы.

Разрушив Быстржицу, Жижка снова принялся громить Розенберга. Теперь под удар таборитов попали западные имения феодала, раскинутые между Требонью и Свинами. Свины сдались без боя и были пощажены, а город Собеслав, упорно оборонявшийся, табориты разрушили.

Розенберг изнемогал в борьбе.

* * *

В конце сентября Жижка вернулся в Табор. Здесь появились первые признаки внутренних несогласий.

Народная крепость стянула в свои стены очень много крестьян. Были среди таборитов крестьяне-бедняки, никогда не имевшие клочка своей земли, весь свой век гнувшие спину над панским или монастырским наделом. Но были здесь и зажиточные крестьяне, издавна владевшие своими наделами. Они слабо зависели от своего пана и бежали на Табор из-за

чрезмерных поборов или разорения в результате военных действий.

Крестьянская масса, составлявшая костяк таборитских общин, была представлена различными в социальном отношении слоями чешского крестьянства.

Табориты из бедных крепостных крестьян вместе с плебейской ремесленной частью населения Табора стремились придать таборитскому движению черты коренного, ниспровергающего весь старый гнет социального переворота. Но чтобы сделать такие крайние выводы в отношении общественного устройства, средневековому человеку надо было прежде всего найти подтверждение своим взглядам в вероучении.

Именно в этом лежали корни возникновения на Таборе различных религиозных сект, исповедовавших крайние религиозные взгляды.

Пламенный Мартин Гуска, идеолог таборитской бедноты, и его друзья-единомышленники стремились развить религиозные идеи таборитов дальше и глубже. Они ставили под сомнение святость единственного оставшегося у таборитов обряда — «причащения». Гуска утверждал, что никакого «пресуществления» хлеба и вина в тело и кровь Христову не происходит, что остаются они простым хлебом и вином, а весь обряд может иметь только символический смысл. Гуска ратовал за упразднение этого обряда.

Так далеко табориты из зажиточных и средних крестьян, составлявшие на Таборе большинство, не желали итти. Чтобы покончить в собственной среде с вольными и чересчур смелыми толкованиями вопросов веры, священники Табора избрали из своей среды епископа. Им стал священник Николай из Пельгржимова, прозванный Бискупцем — маленьким епископом. С тех пор никто не смел на Таборе и от имени Табора проповедовать без его разрешения.

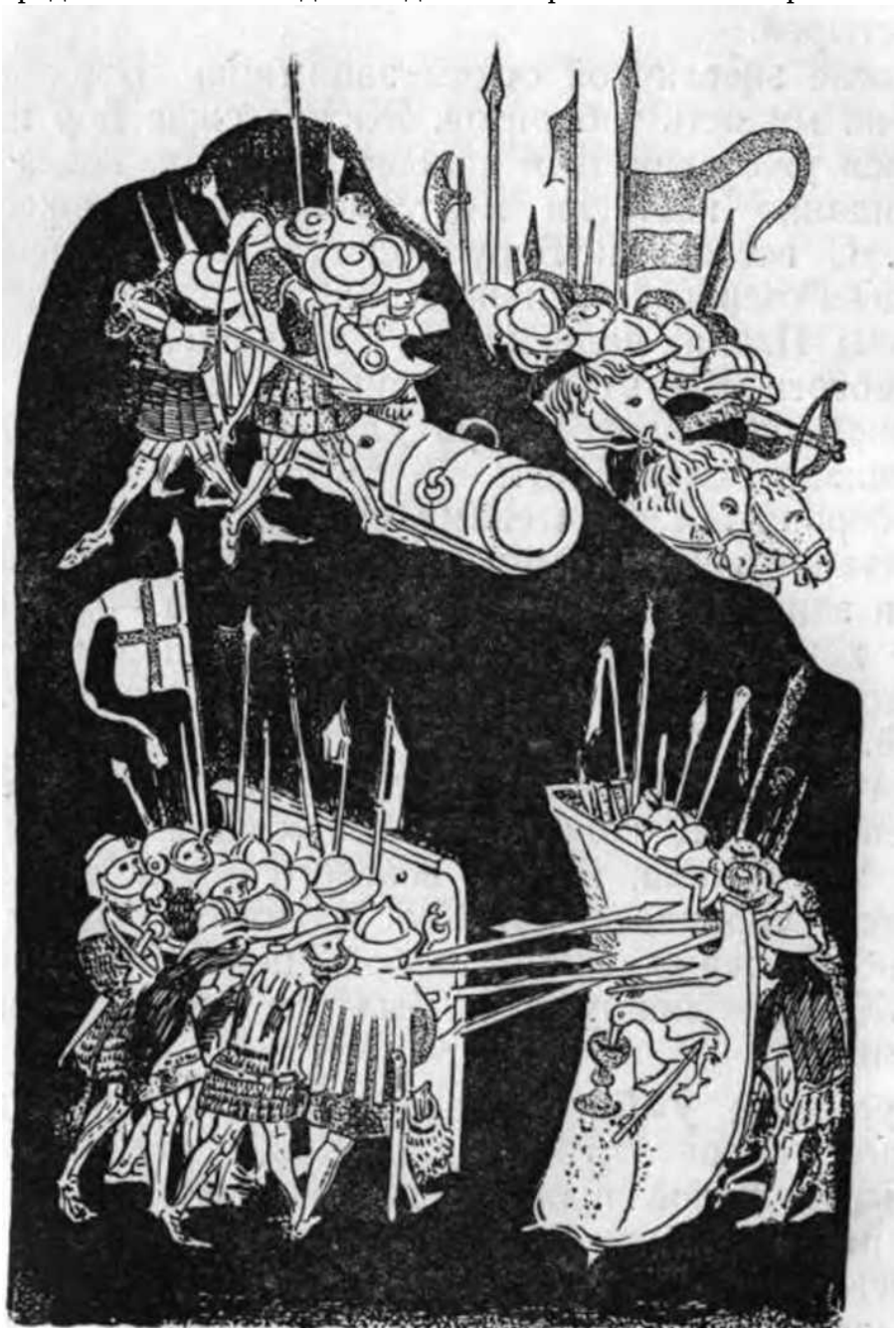
В религиозных спорах Бискупец занял примирительную позицию между крайними партиями.

Видимо, немалую роль в установлении таких ограничений сыграл Жижка, второй гетман Табора, не раз выступавший и позже противником чересчур смелых, крайних выводов из гуситства.

* * *

В начале октября Жижка выступил в новый поход, на запад от

Влтавы. На полпути от Писка к Плзню, в Прахеньском крае, высился сильный замок — Великий Бор, окруженный небольшим городом. Это было владение одного из пражских монастырей.



Табориты ведут бой.

После энергичной осады защитники Бора сдались на милость

таборитов. Жижка сжег Бор и готовился уже двинуться дальше на запад, когда его неожиданно настигли многочисленные вражеские силы. С востока к Бору подступили соединенные отряды Розенберга и пана Краиржа, а с запада, со стороны Плзня, надвинулась конница Богуслава Швамберга. Все это были паны, битые уже не раз Жижкой, искавшие теперь случая отомстить крестьянскому полководцу.

Обороняться за стенами сожженного замка не представлялось возможным. Жижка покинул Бор и занял излюбленную им позицию — на вершине холма. Вскоре паны оказались перед таборитской возовой крепостью — уже хорошо им знакомой.

Католики атаковывали беспрестанно, с крайней свирепостью. К концу дня 12 октября потери их были так велики, внутри возового ограждения таборитов скопилось столько пленных, что даже Розенберг, жаждавший любой ценою добраться до Жижки, принужден был в конце концов отойти.

Сражение у Бора, завершившееся блестящей победой таборитов, было для Жижки все же только вынужденной пробой сил. Изменив «на ходу» свои планы, таборитский вождь отказался от дальнейшего похода в сторону Плзня и начал рейды в землях западнее Влтавы. Поместья феодалов-католиков в районе между Бором, Сушицами и Воднянами испытали тогда на себе всю силу удара вооруженного крестьянского движения.

* * *

История не донесла до нашего времени документов и летописей друзей Табора. Когда после гуситских войн восторжествовала католическая реакция, монахи и иезуиты обшарили буквально все городские и церковные хранилища рукописей. Они уничтожали каждую страницу, написанную о таборитах доброжелательно или хотя бы беспристрастно. Поэтому в наше время о великом противофеодальном и противокатолическом движении чешского крестьянства и городских низов приходится судить по летописям заклятых его врагов, католических священников и монахов, вычитывать истину между строк.

Любимой темой католических летописцев была измышленная ими дьявольская жестокость таборитов и их военного вождя. Но сами католические документы ясно говорят всякому непредубежденному человеку совсем об ином: жестокие расправы таборитов всегда бывали возмездием феодалам и их

приспешникам за зверства над крестьянами и городской беднотой.

Очень характерны в этом отношении события у Прахатиц, небольшого городка в Прахеньском крае, на юге Чехии.

В конце апреля 1420 года Жижка сжег этот городок, разрушил городские стены. Суровое наказание, надеялись табориты, отучит прахатицких католиков от сжигания «чашников» на кострах.

Однако вскоре после ухода таборитов, католики, забыв данный им урок, принялись с прежним усердием преследовать «чашников». В городке вновь запылали «костры веры»: жгли тех, кто уничтожал иконы, кто был повинен в причащении чашей.

В середине ноября к Прахатицам подошел Жижка. Парламентеры предложили городским советникам открыть перед таборитами ворота, обещая, что в ответе будут только причастные к злодействам. С городских стен посыпались на таборитское войско плевки, камни, нечистоты.

Жижка выехал вперед и громовым голосом крикнул:

— Клянусь, если мне удастся добраться до вас, я не оставлю в живых ни одного, сколько бы вас там ни было!

Табориты ринулись к стенам. Приставив лестницы, они вскоре были уже на гребне и молотили цепами по сражавшимся с ними наемникам. Оборона города была легко сломлена.

Как ни велико было ожесточение таборитов, все же ни одна женщина, ни один ребенок не погибли. Из мужчин в живых остались только «чашники».

С тех пор Прахатицы, в которых табориты поселили вскоре своих ремесленников, стали городом, союзным Табору.

* * *

В то время как Жижка боролся с феодалами на юге Чехии, на севере ее, у Праги, произошли важные события.

В середине сентября пражане начали решительные действия против Вышеградского замка. Снова на помощь столице пришли рати из Жатца, Лоун, Кралева Градца. Откликнулись на призыв Праги и табориты, пославшие к Вышеграду большой отряд своих всадников во главе с первым гетманом Николаем из Гуси. Пражане обложили Вышеград сплошным кольцом своих войск. Гарнизону замка угрожали голод и скорая сдача, если только вовремя не подойдет помощь извне.

Сигизмунд, все еще находившийся в городе Кутная Гора, решил попытать счастья. Он подошел к Вышеграду 1 ноября с

двадцатью тысячами всадников и начал атаку на окопы и заграждения, устроенные пражанами вокруг замка. В последовавшем сражении погибло свыше пятисот католиков из чешского и моравского панства. Пражане потеряли только тридцать человек. Дело закончилось полным поражением и паническим бегством католических рыцарей. Гарнизон Вышеграда сдал замок пражанам.

Характерно поведение Сигизмунда после этой позорнейшей военной неудачи. Как рассказывает летописец, «желая скрыть свое поражение, император распространил слух, что убитых больше на стороне пражан, нежели в его войске. В тот день и в следующий он сам и его королева возложили на головы зеленые венки в знак радости по поводу избиения врагов, чего на самом деле в сердце их не было».

Но в Чехии быстро распространилась правда о вышеградской битве. И в той мере, в какой падал поенный престиж Сигизмунда, росла популярность гуситской Праги.

После вышеградской победы бюргеры Праги заняли положение естественных руководителей купечества и ремесленников всех чешских городов.

Если не считать католического панства и католического бюргерства немногих оставшихся верными Риму чешских городов, во всей стране идейному и политическому руководству Праги противостоял теперь один только центр — Табор, средоточие иных общественных сил и идеалов.

Правда, и в самой Праге все сильнее нарастало движение городских низов, тяготевших к тесному союзу с Табором.

Жижка прекрасно сознавал несовместимость устремлений пражского бюргерства и крестьянско-плебейского Табора, но он был последовательным сторонником объединенных военных усилий обоих лагерей. Необходимо было возможно скорей и как можно глубже расшатать корни все еще угрожавшей стране католической реакции. Читая сообщения Николая из Гуси о поражении императора под Вышеградом, таборитский полководец радовался открывшейся возможности скорого, совместно с Прагой, выступления против главных сил Сигизмунда.

Неудача императора под Вышеградом произвела на Розенберга удручающее впечатление: вельможный пан сопротивлялся натиску таборитов из последних сил. Он все еще надеялся на военную помощь Сигизмунда. После Вышеграда рассчитывать на нее больше не приходилось.

* * *

К бедам Розенберга прибавилась еще одна, окончательно его доконавшая. Он потерял два лучших своих замка — Пржибеницы и Пржибенички. Они попали в руки таборитов при весьма любопытных обстоятельствах.

Вацлав Коранда шел из Табора в Бехинь, городок южной Чехии. Путь проповедника лежал мимо Пржибениц. Наемники Розенберга схватили его и бросили в подземелье замка.

Когда связанного и закованного в колодки Коранду перевели в замковую башню, он стал искать возможности бегства. С помощью других заключенных таборитов Коранде как-то удалось освободиться от пут и расковать колодки еще у нескольких товарищей.

Мигом созрел в его голове отчаянный план — завладеть мощным и укрепленным замком. Стража находилась на вершине башни. Надо было прежде всего добраться до нее. Втыкая в щели стен доски и палки, Коранда и его друзья добрались по внутренней стене до площадки, где стояла стража. Внезапное нападение — и стражу перевязали.

Заполучив ключи, Коранда освободил остальных заключенных и завладел всей башней. В его руки попал и помощник бургграфа замка, по имени Одолен. Трусливый тюремщик валялся в ногах Коранды, молил о пощаде, обещая сделать все, чего бы тот ни потребовал.

Тут Коранда стал его наставлять:

— Беги на Табор, сообщи братьям, что Коранда завладел замковой башней. Пусть немедля идут сюда! Если выполнишь — вознаградим. Но горе тебе, если вздумаешь изменить!

В тог же день Одолен явился к бургграфу.

— Мои заключенные просят позволения отведать перед смертью рыбы. Позволь мне выйти из замка, купить ее у рыбаков.

— Ну что ж, изжарь им рыбы, скоро я их самих зажарю!

Уже через несколько часов к стенам Пржибениц подступил сильный отряд таборитов под началом гетмана Збынка из Буховца. Завидев с верхушки башни своих, табориты подняли неистовый крик:

— Табор! Ура! Табор!

Бургграф и его наемники от неожиданности растерялись. Бросились к башне — все входы в нее завалены. А Збынек сразу пошел приступом прямо на ворота под башней. Розенберговцы кинулись защищать ворота. На них посыпался с башни град увесистых камней. Защитникам замка подступа к воротам не было.

Тем временем несколько человек из нападающих взобрались

на стену замка, завладели воротами изнутри и впустили весь отряд.

Так Пржибеницы оказались в руках таборитов.

Панический страх перекинулся на другой берег Лужницы, где стоял второй замок, поменьше, Пржибенички.

В этих двух замках собраны были несчетные богатства Розенберга и феодалов всей округи.

Хвал из Маховиц не позволил жечь добычу:

— Обменяем панскую суету на железо и порох!

К вечеру на Табор катили возы, груженные драгоценной посудой, золотыми и серебряными браслетами и поясами, жемчужными ожерельями, собольими и куньими мехами.

Розенберг запросил перемирия. Мало стоило соглашение с человеком, у которого, по слову Коранды, душа раздвоена, как язык у змеи. Однако Жижка настоял на договоре с погромленным феодалом: таборитам предстояли более важные, дела, и хорошо было хоть на время обеспечить спокойствие вокруг самого Табора.

В середине ноября табориты заключили с Розенбергом кратковременное перемирие — до февраля 1421 года. Розенберг обязался признать во всех своих владениях четыре пражские статьи. Пржибеницы и приписанные к ним земли, а также некоторые другие поместья переходили к общине таборитских братьев.

XIV. ПРАЖСКИЕ СПОРЫ

Жижка был сильно раздосадован, когда узнал, что Николай из Гуси, оставшийся после вышеградской битвы с таборитским отрядом в столице, вконец рассорился с пражскими советниками.

Как и гетман Николай, Жижка видел неизбежную в будущем борьбу Табора с бюргерами Праги. Несогласие, и притом коренное, начиналось меж ними с того, когда такую борьбу начать.

Жижка считал, что сейчас совсем не время выдвигать то, что разделяет Табор и столичное купечество. Сейчас, настаивал он, необходимо прямо противоположное — договориться с бюргерами столицы и сообща обратить оружие против католической и феодальной реакции, против грозящего стране нового натиска чужеземцев.

Гетман Николай, поддерживаемый левыми элементами Табора, стремился к другой цели: он хотел, опершись на плебейские массы столицы, произвести в ней переворот, обратив бюргеров Праги в вынужденных помощников Табора. Такая задача, думал Жижка, невыполнима. Это грозит завести Табор в тупик, вызвать тяжелую борьбу между двумя лагерями гуситов, в которой «третьим радующимся» станут Сигизмунд и католическая церковь.

Жижка пристально следил из Табора за событиями в столице. Там пражское купечество и верхушка ремесленников, опьяненные вышеградской победой, созвали 14 ноября новый сход пражских общин. Бюргеры Праги жаждали поскорее освободиться от обязательств, данных в тяжелую минуту таборитам.

На этот раз сход покорно пошел за купцами и заправилами ремесленных цехов, восстановив католическую пышность богослужений с золотыми сосудами и драгоценными облачениями и запретив в Праге свободную проповедь.

Это был открытый вызов Табору, брошенный в присутствии первого гетмана Табора. Николай из Гуси протестовал, грозил, но тщетно.

Тогда гетман вместе со своим войском покинул Прагу.

Поводом для этого послужило соглашение, заключенное Николаем незадолго до того с советниками столицы о совместной осаде оставшихся неподалеку от Праги укреплений и замков католических панов.

Гетман Николай замыслил стянуть в свой лагерь в окрестностях Праги недовольную новыми порядками пражскую

бедноту, вооружить ее, включить в свои отряды, а затем вернуться внезапно в столицу и продиктовать бюргерам свою волю.

Пока Николай из Гуси осаждал католическое укрепление Ржичаны, нетерпеливые бюргеры произвели 19 ноября в Праге переворот. Они сместили советников, назначенных при таборитах, и усадили на их место новых. Это был тяжелый удар, нанесенный влиянию таборитов в столице, удар по плебейским массам Праги.

Когда затем к Ржичанам на помощь таборитам подошли отряды пражских наемников, между таборитами и пражанами начались стихийные столкновения. С трудом удалось кое-как успокоить обе стороны. Но угроза большого междоусобного побоища нависла над гуситским войском.

Узнав о случившемся, Жижка бросил все дела и поспешил в Прагу. С ним отправились гетман Хвал из Маховиц, Ян Рогач, Бискупец, Мартин Руска, Жижка пригласил с собою дружественных таборитам панов Петра Змерзлика и Ольдржиха Вавака. Он просил их выступить посредниками между Табором и Прагой, помочь договориться о прочном мире и совместном военном походе на Сигизмунда.

* * *

На пути в Прагу таборитский полководец побывал в войске, стоявшем у Ржичан. В палатке застал он сумрачного гетмана Николая.

— Я приехал, брат Николай, договориться с пражскими советниками…

— Моего согласия, брат Ян, на то не будет! — прервал его Николай.

— Ты, слыхал я, снова противишься посольству к польскому королю?

— Да, и на посольство это моего согласия не даю!

Жижка развел руками:

— Вот что, брат Николай: новые советники скорей всего предложат нам диспут. Тогда прими их предложение — прошу от себя и от всей нашей, общины. Иначе что же? Вцепиться друг другу в горло?

— Да, с ними сейчас надо биться! До чего договоришься с врагами? А они — лютые враги! И зачем ты здесь, брат Ян?! Они звали тебя? Если Сигизмунд придет снова под стены Праги, вот тогда-то они позовут к себе Табор!

— Присмотрись лучше, — запротестовал Жижка. — Прага сейчас куда сильнее, чем была летом! Под нею двенадцать городов! Этими распрями мы только губим наше дело. Прошу тебя согласиться на обсуждение споров с их советниками и магистрами!

— Твое дело, брат Ян. Меня на этом диспуте не будет! Когда возьму Ржичаны, зайду на денек-другой в Прагу.

— Это зачем же? Для новых ссор?

— Зачем, спрашиваешь? Может, вместе с Яном Желивским подниму пражский народ.

Удрученный покинул Жижка лагерь.

Надо думать, что гениальный народный полководец тут оказался не на высоте политических событий. Все действия Жижки диктовались военной необходимостью. Но если бы Николай из Гуси добился перехода власти в Праге в руки народных масс, руководимых Желивским, Табор получил бы надежного и верного союзника во всей дальнейшей борьбе и все народное движение пошло бы, возможно, по иному пути.

Как политик, Николай из Гуси был дальновиднее своего друга.

* * *

Ржичаны сдались 4 декабря.

Вернувшийся в Прагу Николай из Гуси делал все, что было в его силах, чтобы помешать устройству диспута. Но не только новые пражские верховоды желали изложить свои претензии к Табору. Табориты сами жаждали атаковать магистров Праги. Запретить этого не мог и первый гетман.

10 декабря, когда Жижка, Хвал из Маховиц и священники Табора готовились отправиться на диспут, разгневанный Николай из Гуси вскочил на коня и с несколькими друзьями поскакал к городским воротам.

— Ноги моей не будет больше в Праге! — бросил он на прощание Жижке.

Покои в доме пана Змерзлика, где должен был состояться словесный бой, наполнились чопорными, чванными магистрами университета. Был здесь ректор Прокоп Плзеньский в алой шелковой тоге и алом берете. Темные шелковые тоги были на магистрах богословия, среди которых выделялись Петр Младеновиц и Якубек из Стржибра, автор трактата о причащении чашей. Рядом с этими важными учеными мужами более чем

скромно выглядели бородатые, в крестьянской одежде проповедники Табора: Мартин Гуска, Маркольд Збраславский, Николай из Пельгржимова.

Жижка, Хвал из Маховиц, Ян Рогач уселись рядом со Змерзликом и Ваваком, готовясь не проронить ни слова в предстоящем важном споре.

Первый поднялся Прокоп Плзеньский. Он заявил, что прежде всего надо огласить по пунктам составленный университетом документ о заблуждениях таборитов. Прокоп Плзеньский протянул увесистый свиток магистру Младеновицу; он приказал ему прочесть громко семьдесят две статьи, в которые сведены были воедино все, по мнению университета, еретические и ошибочные их учения.

Младеновиц читал бесконечный обвинительный акт:

— «…И еще учат они, что в это время не будет больше на земле ни короля, ни владыки, ни подданного, что все налоги и повинности прекратятся, никто не сможет никого ни к чему принуждать, потому что все будут равными братьями и сестрами.

…И еще учат они, что, подобно тому, как на их Таборе нет ничего моего и твоего, а все принадлежит всем, так и повсюду и всегда все должно быть общим и никто не должен иметь отдельной собственности, а кто имеет ее, тот совершает смертный грех.

…И еще учат они, что все паны, дворяне и рыцари, подобно вредной поросли в лесу, должны быть вырублены и уничтожены, что все княжеские, панские, земские и городские привилегии, как измышленные людьми, а не установленные богом, должны потерять силу и что даже многие из законов божьих, как, например, терпение и повиновение королям и панам и уплата им податей, должны быть признаны недействительными, так как каждый должен написать закон божий в своем сердце».

Затем Младеновиц начал перечислять бесконечные прегрешения таборитов в делах церковных. Все они сводились к тому, что табориты отвергают церковную обрядность.

Поднялся Ян Рогач:

— Это что же? В Констанце чехам предъявили обвинение из сорока пунктов. А здесь, в Праге, чешские богословы ухитрились их выдумать семьдесят…

Мартин Гуска сказал:

— Если изъять из того, что прочел здесь магистр Петр, ядовитый, враждебный Табору тон, тогда все, что останется, изложено верно.

Диспут закончился так, как кончались обычно такие споры, — каждая из партий осталась при своем убеждении.

Однако, как и рассчитывал Жижка, напряженность отношений все же заметно ослабела. Это открывало путь к переговорам о совместном военном выступлении, ради чего Жижка и приехал в Прагу.

Покидая дом пана Змерзлика, табориты получили горестную весть: выехавший из Праги Николай из Гуси, желая разминуться на дороге с телегой, в сумерках неосторожно повернул коня. Конь споткнулся, гетман Николай свалился наземь, сломал ногу и повредил грудь. В тяжелом состоянии привезли его обратно в Прагу.

Навещая раненого друга, Жижка никак не мог ожидать рокового исхода болезни. Но, как писал летописец, «болезнь перекинулась на сердце», и 24 декабря Николай из Гуси скончался.

Это был тяжелый удар для всего таборитского движения и его военного вождя: Жижка высоко ценил ум и политическую прозорливость Николая из Гуси. И хоть во многом они не были между собою согласны, Жижка испытал большое горе от этой утраты.

На место покойного гетмана таборитская община выбрала гетманом Яна Рогача.

Первым гетманом Табора стал отныне Ян Жижка.

XV. ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

Битый Жижкою под стенами Праги, погромленный у Вышеграда, император Сигизмунд пытался уверить католическую Европу, что только случайные помехи не дали ему до сих пор возможности одним ударом усмирить Чехию.

Находясь в столь щекотливом положении, Сигизмунд мог рассчитывать пока только на феодалов-католиков Чехии. Рьяные слуги императора Богуслав Швамберг и Николай Дивучек вызвали к жизни большой, сильно разветвленный противогуситский союз панов-католиков — Плзеньский Ландфрид.

Этот очаг вражеской силы и намеревался атаковать Жижка. В Праге он договорился о совместных действиях с пражанами. Однако они не могли еще предпринять далекого похода на запад страны. В непосредственной близости от столицы упорно держались два бастиона католиков — Пражский и Кунратицкий замки. Не выдернув этой занозы из своего тела, Прага подверглась бы смертельной опасности, если бы услала свои рати к Плзню.

Жижка не стал дожидаться исхода осады Пражского замка и Кунратиц, двинул таборитов в западную сторону.

Народная армия Жижки была теперь первоклассной военной силой, пригодной для того, чтобы в открытом поле меряться с противником ратным уменьем. Однако случаи для полевых боев пока представлялись редко. Католики, потерпевшие в таких боях ряд сокрушительных поражений, предпочитали отсиживаться за стенами. Жижка атаковал укрепления своих противников либо сам отбивал атаки на захваченные им замки и города.

Большие полевые бои были еще впереди.

* * *

В начале января 1421 года возовые колонны таборитов быстро прошли Прахеньский край.

В пятнадцати милях от Табора, в непосредственной близости от Плзня, находился город и укрепленный монастырь Хотешов. Взяв его с налета, табориты завладели вскоре и Кладрубами. Оставив в этих городах небольшие временные гарнизоны, продвинулись дальше, к Стржибру, большому торговому городу к

западу от Плзня.

Табориты принялись уже разбивать стены Стржибра, когда узнали, что в свой родовой замок Красиков, лежащий поблизости, прибыл с горсткой наемников сам пан Швамберг.

Жижка тотчас снял осаду Стржибра. Он перебросил своих людей к Красикову, наглухо обложил его.

— Лисица в капкане! — весело сказал Жижка Хвалу из Маховиц. — Постараемся захватить ее живьем!

Ян Жижка во главе таборитского отряда (рисунок XV века).

Быстро завладели замковым мостом, угловой башней. Пану Богуславу ничего не оставалось, как вступить в переговоры.

Сдавшегося пана заставили выйти из замка и положить на землю к ногам Жижки рыцарский меч и копье. Затем Богуслава Швамберга увезли на Табор и заточили в Пржибеницах.

Не возобновляя осады Стржибра, табориты прошли к верховьям Мжи. Там, у самой баварской границы, лежал заселенный немцами город Тахов.

Появление таборитов у границы напугало не только баварских феодалов. Австрийские, саксонские, мейссенские графы и бароны стали с той минуты со страхом ждать вторжения в их земли «чешских мужиков», как называли они таборитов. «Значит, они очень сильны?! Они не думают об обороне, они наступают!»

Застрочили перья в канцеляриях герцогов и эрцгерцогов, маркграфов, князей и владетельных епископов. Слали гонцов друг к другу, в Рим, к императору.

Однако страхи католической Европы были пока преждевременны. Еще не пришла пора таборитам перейти в наступление на окружающих гуситскую Чехию врагов.

Трусливого Сигизмунда эти события подтолкнули, наконец, на то, чтобы выйти из бездействия, выступить в поле и снова попытать военного счастья.

Император звал в поход воинские отряды оставшихся верными ему королевских городов Чехии и Моравии, войска католических панов. Он слал приказ за приказом баварским князьям немедленно выдвинуть крупные силы к чешской границе: «Собирайте весь свой народ, всадников, пеших, горожан, крестьян, всех, кто способен носить оружие».

Рассеянные по всем углам Чехии друзья Табора сообщали Жижке об этих усилиях Сигизмунда.

Жижка мог с удовлетворением сказать себе, что стратегический его замысел — перенести борьбу в западную Чехию и вызвать в поле главные силы противника — полностью удался. Теперь надо было двинуть навстречу Сигизмунду все, что только возможно.

В это время пражане, овладев, наконец, Кунратицами, получили возможность выполнить свои обязательства перед Табором. Они направили на подмогу Жижке большой отряд.

В середине февраля Жижка повел сводное пражско-таборитское войско к Плзню.

Ровно год назад он оборонял этот большой город от натиска феодалов-католиков. Как разительно изменилось с тех пор соотношение сил обоих лагерей! Выросло и окрепло народное движение, отбит страшный крестовый поход, восставшие крестьяне обладают опорой всей борьбы — мощной крепостью, о какой нельзя было тогда и мечтать! Феодалы юга разбиты, очередь теперь за феодалами запада.

Плзень был сильно укреплен. В нем заперлись с семьями и движимым своим богатством паны всего края. Город должны были оборонять большие панские наемные рати.

Когда к гуситам подоспели отряды из городов Клатовы и

Жатец, Плзень оказался окруженным со всех сторон.

Четыре недели кряду упорно и без передышки громил Жижка из пушек укрепления, пробил во многих местах стены. Осажденные знали, какая участь ждет укрывшихся в городе католических панов, если Плзень будет взят штурмом. А его можно было ждать со дня на день.

Осажденные выслали парламентеров.

С плзеньскими феодалами было заключено перемирие до нового года. Паны Ландфрида обязались подписями и печатями своими признать четыре пражские статьи во всех своих владениях.

* * *

Еще в то время, когда гуситы осаждали Плзень, к ним явились из дружественного Жатца послы, просившие помощи против Хомутова, города в Жатецком крае. Хомутов, заселенный немцами, ярыми католиками, был центром второго, северного Ландфрида. Из Хомутова паны-католики терроризовали весь Жатецкий край.

Жижка повел гуситские отряды на север, к Хомутову. В походе его нагнали гонцы, принесшие войску с востока Чехии страшные вести.

Ночью, на привале, сгрудившись у костра, в глубоком молчании, слушали воины рассказ старика, прибывшего с Табора:

— Только что выступили вы тогда в эту сторону… Громадка пошел по полевым общинам, собрал народ, человек с тысячу, наполовину женщин с детьми, пошел на восток, к Хотеборжу, что за Чаславом. А за ним вышел в поле и Валентин, наш проповедник, повел человек с двести к верховьям Лабы, на Пржелауг. Взяли они и Хотеборж и Пржелауг, прогнали панских наемников, завели в тех городах наши порядки.

А потом пан Опоченский с кутногорскими напал на Пржелауг, перебили они всех, кого захватили в домах и на улице. А полтораста наших братьев с Валентином повели на Кутную Гору и побросали в шахту.

А потом пан Дивучек с паном Опоченским и многими другими панами и великой силой кутногорских и хрудимских обложили Хотеборж. Брат Громадка бился с ними насмерть. Они подослали к нему тогда посредников. Брат Ян и говорит им: «У меня много женщин и с ними дети. Жалеючи их, я соглашусь… Если пан Дивучек и пан Опоченский присягнут, что выпустят всех

наших, я сдам им Хотеборж». Назавтра паны вышли к воротам и присягнули Христом и евангелием. А потом брат Ян раскрыл ворота и вывел через них братьев наших.

Тут пан Дивучек и крикнул своим: «Они все еретики и собаки и нет моего слова для них. Всех их истреблю до единого — вот мое слово!» Потом побрали они наших 'братьев. Триста душ сожгли, а семьсот побросали на Кутной Горе в шахту. А потом брата Громадку погнали в Хрудим, поломали кости на колесе, вырвали язык, обрубили ноги и руки, а туловище повесили. Вот она, какая панская клятва, — закончил старик со слезами.

Когда 15 марта бойцы Жижки окружили Хомутов и пошли на приступ, люди под градом камней и стрел подбадривали друг друга криками:

— Отплатим за Хотеборж!

В Хомутове был монастырь тевтонских монахов-рыцарей, весьма умелых в ратном деле. Первый приступ гуситов хомутовцы отбили с великим уроном для атакующих. Назавтра на стены вышли мужчины и женщины, стар и млад.

Разъяренные вчерашней неудачей, воины Жижки, табориты и пражские, пошли на приступ с двух сторон. На головы осаждающих лились потоки кипящей смолы и воды. Но теперь ничто не могло уж удержать их порыва. Хомутов пал.

Суровый урок, преподанный католикам в Хомутове, был хорошо усвоен по всему северу Чехии. Когда войско Жижки выступило весной из района Хомутова в сторону дружественного Жатца, на его пути спешили открыть свои ворота укрепления, замки и города. Большие торговые центры Лоуны и Сланы выслали навстречу Жижке послов с дарами и изъявлением покорности. То же и дальше, до самой Праги, торжественно встретившей победоносное гуситское войско и его вождя.

Военные усилия крестьян-таборитов, сражавшихся то отдельно от Праги, то в союзе с нею, уже весной 1421 года привели к сильному ослаблению позиции феодалов-католиков и Сигизмунда. Главные гнезда сопротивления — большие города, монастыри и замки на юге и западе Чехии — лежали в развалинах либо сдались без боя.

Однако к западу от Праги, и притом в непосредственной близости от нее, в руках католиков все еще оставался сильно укрепленный город Бероун и мощный королевский замок Карлштейн, перехватившие пути подвоза к столице. Пражане требовали немедленного выступления против этих вражеских твердынь. Вняв их настоянию, Жижка решил оставаться в столице с победоносным своим войском лишь несколько дней.

* * *

Выступление против Бероуна назначено было на 26 марта. А накануне на площади Старой Праги прибывший с Табора священник Антох страстно призывал таборитов немедленно покинуть «новый Вавилон» — Прагу — и вернуться прямо домой, на Табор:

— …Ибо истинно сказано в Апокалипсисе о двух рогах зверя. И один из тех рогов — ложные вероучители, доктора университета Пражского. А второй рог — советники Старого города пражского. Это они, выученики дьявола, противятся нашей истине, сохраняют в своих церквах золотые чаши, иконы, самоцветы. Их служба — поклонение идолам, такая же богомерзкая ложь, как утверждение, что свинья может летать! Довольно, братья, помогали мы пражанам! Не оставайтесь больше с ними ни дня, ни часу! Идите отсюда немедля, за мною!

Жижка узнал об этом, когда часть его людей, следуя призыву Антоха, уже покинула Прагу. Вскочив на коня, он нагнал беглецов в поле:

— Стой! Во имя самого господа — остановитесь!

Понурые, остановились табориты, не смея взглянуть на своего гетмана. А он был страшен: единственный глаз метал молнии, лицо налилось кровью, огромные кулаки полосовали воздух над головой.

— Безумцы! Вы чего хотите? Короля Сигизмунда? Соскучились по старой барщине? Вы ее получите, если вот так, по прихоти, станете приходить, уходить, Вам не по нраву Прага? А мне она нравится? Так сейчас нужно! Слышите — нужно! Братья, не губите нашего дела, поворачивайте назад!

— Дальше за мной! — закричал Антох.

И, к великому изумлению Жижки, его бойцы двинулись за Антохом.

Жижка вернулся в Прагу один, в тяжелом раздумье.

Во всех немалых числом походах «божьи воины» преданы были своему вождю. По знаку его бросались в бой один на десять, лезли на неприступные стены, шли на смерть. «Наш Жижка», — так звали его в войске. «Что же случилось? Неужели прав был Николай из Гуси? Порвать с Прагой? Или, может, попытаться сейчас захватить город?»

«Нет, нет! — говорил он себе, после долгих, мучительных раздумий. — Придет время и для Праги!»

Как было условлено, Жижка повел своих воинов вместе с пражанами на Бероун. 1 апреля пошли на приступ, преодолели

стены. Начался кровопролитный бой на улицах…

Не возвращаясь в Прагу, Жижка повел таборитов от покоренного Бероуна в южную сторону, на Табор.

XVI. ПИКАРТЫ

Полное истребление католиками документов о жизни и внутреннем устройстве таборитских общин затрудняет, к сожалению, возможность разобраться в подробностях споров, возникших на Таборе в начале 1421 года. Если поверить свидетельству католических летописцев, там образовались «крайние» секты, проповедовавшие хождение нагишом, общность жен и другие подобные учения, противные здравому смыслу и человеческому естеству. Все это, конечно, лишь ядовитая клевета на Табор ненавистников его, желание любыми средствами очернить революционное народное движение.

Из разбросанных по католическим памятникам намеков можно, однако, заключить, что религиозный кризис на Таборе вырос из страстного желания некоторой части таборитских священников и проповедников пойти быстрее навстречу хилиастическом у «царству божию на земле», ускорить его приход. Такие идеологи, как Мартин Гуска, Петр Каниш, Вацлав Коранда, выражая интересы беднейшего крестьянства и городской бедноты, стремились усилить и отстоять на Таборе элементы примитивного потребительского «коммунизма», распространить систему уравнительного потребления на все приобретенные таборитами города и округа.

До тех пор, пока непосредственная военная опасность со стороны внешних и внутренних врагов была слишком большой, все социальные группы, примкнувшие к Табору, мирились с введенной там хилиастической общностью имущества. Она рассматривалась как временная, вынужденная мера, порожденная сложностью условий, в которых оказался крестьянско-плебейский лагерь в первые месяцы национально-чешской крестьянской войны. Табор тогда выступал единым фронтом как против реакционного феодально-католического лагеря, возглавленного императором Сигизмундом, так и против рыцарско-бюргерского лагеря пражан и их идеологов — магистров Пражского университета.

К началу 1421 года положение существенно изменилось. Смертельная опасность, нависшая над гуситской Чехией, ослабела. Район победоносного крестьянского движения расширился, военные силы Табора окрепли и закалились в борьбе против ненавистных панов и рыцарей реакционного лагеря. Теперь основная масса крестьянско-плебейского лагеря таборитов — крестьяне, ремесленники мелких городов с примкнувшим к

ним бедным рыцарством — вовсе не хотела вводить повсеместно примитивную хилиастическую общность, какая существовала на Таборе в момент его возникновения. Внутри крестьянско-плебейского лагеря ускорилась кристаллизация «левого» крыла таборитского движения. Громче стали звучать голоса восторженных хилиастов, требовавших глубокого, коренного преобразования социального устройства и государственного управления не только во владениях Табора и во всей Чехии, но и во всем свете. Это было так называемое движение «пикартов», к которому примкнули самые талантливые проповедники Табора.

Большинство священников и Старших таборитского братства и все четыре гетмана были против «пикартов». Озабоченные главным образом наилучшим приспособлением новых обширных владений к военным задачам, они не желали ломать там привычного уклада крестьянского хозяйства. Города и села, поставленные под контроль Табора в результате его военных побед, освобождались от бесчисленных тяжелых феодальных повинностей. Однако Старшие и гетманы Табора налагали на них подати, правда, значительно меньшие, чем те, что платили они королю, пану или монастырю, притом подати братские и временные, ради помощи общему делу борьбы, — но все же подати.

В этом и было одно из коренных разногласий между «левым» крылом — «пикартами» — и основной массой участников движения таборитов.

«Пикарты» не желали и слышать о каком-либо короле для Чехии. Они были сторонниками республиканизма, прикрытого теократической оболочкой. Никаких монархов, кроме Христа, они не признавали и выступали против Жижки и тех, кто соглашался на признание короля, призванного из Польши или избранного из среды гуситов.

К этим столь разным устремлениям примешивались еще и разногласия по чисто религиозным вопросам: ожесточенные споры относительно пределов свободного толкования евангелия, о «пресуществлении» хлеба и вина.

Жижка понимал, какими опасностями грозит народному делу внутренний разлад. Но так как его симпатиям ближе были учения политически менее радикальной части таборитов, он взял сторону противников хилиастов.

* * *

Пока Жижка, будучи в походах, находился вне Табора, раздоры зашли там очень далеко. Несколько сот таборитов-«пикартов», изгнанных из Табора вместе с женами и детьми, создали на стороне свое обособленное братство. С ними ушли Петр Каниш, Ян Быдлинский и несколько других священников. Мартина Гуски среди них не было: на пути к себе на родину, в Моравию, он был пойман паном Ваваком и брошен в темницу, где ждал казни.

Изгнанные из Табора «пикарты» поселились сначала в замке Пржибеницы и начали оттуда яростно проповедовать против порядков Табора, сзывая народ к себе. Ежедневные диспуты приводили к тому, что к Петру Канишу уходили все новые и новые «обращенные». По настоянию епископа Табора Николая из Пельгржимова «пикартов» прогнали и из Пржибениц. Тогда они поселились в лесу около Дражницы,

Налаженный Жижкой строгий распорядок работ на полях и в оружейных кузницах, военные приготовления и обучение ратному делу подвергались опасному испытанию.

Каждый из «пикартов» представлялся Жижке возможным Антохом, способным внести разброд в умы его воинов, склонить их на неповиновение, ослабить военную мощь Табора.

Первый гетман собрал вооруженный отряд, пошел к Дражницам. Взяв в плен «пикартов», он привел их в деревню Клокоты, где находились остальные гетманы, Старшие и священники.

— Братья, — обратился к «пикартам» Жижка, — как добрый отец прощает блудного сына, так и община таборская простит вас. Покайтесь только в злом своем умысле, вернитесь сердцем к нам, божьим воинам… Ты, брат Жаниш, лучший наш учитель, согласен ты вернуться?

Петр Каниш протянул руку и ткнул пальцем в ладонь:

— Когда вырастут здесь волосы, тогда вернется Петр Каниш в забытое богом место.

— Грешишь ты смертельно, Каниш! Клеветой и гордыней грешишь! — крикнул Жижка. — А кому ж лучше тебя знать, что смертный грех на Таборе карают смертью!

— Не грози, гетман! Я, как и ты, смерти не страшусь! — бросил надменно Каниш.

Жижка подошел ближе к Канишу, положил ему на плечо свою тяжелую руку:

— Погляди вокруг, заблудший брат: вон там, на востоке, с наемной ратью выжидает наших раздоров антихрист, король венгерский. А там, на юге, другой грозный враг, Альбрехт Австрийский.

И там… и там… и там! — Жижка указывал на все стороны. — Кругом враги! Не будем же мы, воины Табора, на радость им губить друг друга. Опомнись, брат Петр, именем бога прошу тебя, опомнись!

— А наибольший враг кто?! — гневно воскликнул Каниш. — Тот, кто преступил учение и отрекся от истины!

Рука проповедника угрожающе протянулась в сторону гетманов, епископа, священников Табора.

Жижка оттолкнул от себя Каниша, подошел к толпе пленных «пикартов», находившихся в тесном кольце стражи: -

— Вы слышали все? Кто ищет смерти заодно с этим слугою сатаны — отойди вправо!

Половина пленных отошла вправо.

— Еще раз говорю — покайтесь! — загремел Жижка.

Угрюмое молчание было ответом.

Забушевало пламя костра.

Каниш крикнул своим, не глядя на Жижку:

— Сегодня, братья, мы будем в раю за вечернею трапезой, рядом с Христом! Вот оно, блаженство! Вот радость! Споемте же песню радости!

С песней бросился в пучину огненную Каниш, а за ним — один за другим — его «пикарты».

XVII. РАЗГРОМ ПРОТИВНИКОВ ЧАШИ

Поздней весною 1421 года две большие гуситские рати выступили в поле, чтобы довершить разгром чешских католиков в их последних бастионах — городах и замках восточной Чехии. Одно войско вышло из Праги. Его вел пан Гинек Крушина вместе с Яном Желивским. Второе, под началом Яна Жижки, шло из Табора.

Пражское войско включало многих наемников и платных союзников столичного купечества, панов и рыцарей, продавших свой меч крепнущей, побеждающей Праге. Союзные столице бывшие королевские города Жатец, Лоуны, Сланы также выставили своих ратных людей.

Здесь были и горевшие воодушевлением, ведомые Яном Желивским, вооруженные отряды плебеев столицы.

Верный своему постоянному стремлению собирать воедино все силы народа на борьбу с императором, Жижка и теперь действовал в тесном союзе с Прагой.

Крестьяне из полевых общин братства шли в далекий восточный поход с ремесленниками, оружейниками и пушкарями. Никто в таборитском войске не мог требовать себе преимущества. В походе все воины, начиная от цепника и до первого гетмана, жили в одинаковых палатках, ели одну пищу.

Выступив из столицы, пражское войско пошло вначале на север, к большому городу на Лабе, Мельнику.

Напуганный недавним разорением Бероуна, Мельник сдался без боя.

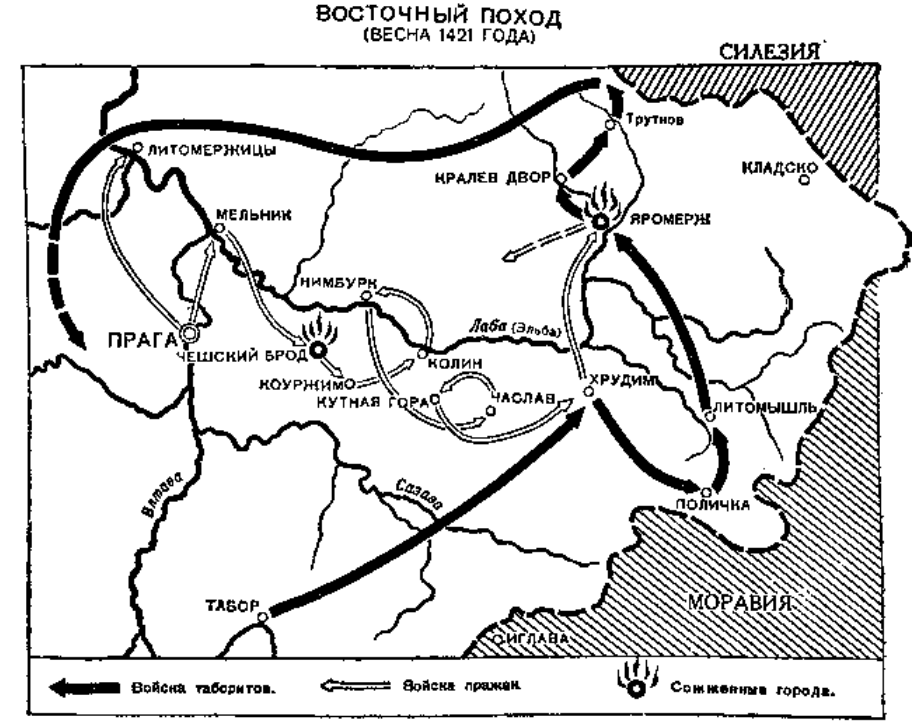
Бюргеры города обязались договором «блюсти и защищать четыре пражские статьи против всякого их противника, хотя бы ценою жизни и достояния», не признавать больше своим королем Сигизмунда, строго повиноваться суду и управлению Праги, принять гетмана и служилых людей, каких поставит Прага.

Этот договор многократно затем повторялся в капитуляциях других городов. Подчиняя себе города, зависевшие прежде от короны, выговаривая уплату в свою казну вносимых ранее королю податей, бюргерство столицы шаг за шагом приближалось к положению хозяйственного, военного и политического гегемона Чехии.

Пражане прошли от Мельника вдоль Лабы к Чешскому Броду. Город пытался защищаться, но неудачно. 17 апреля пражское

войско, завладев им с бою, предало его мечу и разорению.

Панический страх охватил все соседние города и замки. В течение четырех дней пражане вошли с триумфом в раскрытые перед ними ворота богатейших королевских городов — Коуржима, Колина, Нимбурка, Часлава.



Настал черед Кутной Горы, старинной соперницы Праги, города, снабжавшего Чехию серебром, делавшего страну обладательницей самых полноценных серебряных денег во всей Европе.

Немецкие бюргеры и купцы-патриции Кутной Горы, ярые католики, за годы гуситского движения погубили тысячи гуситов, сбрасывая их в заброшенную шахту. Теперь они трепетали при мысли о близкой расплате. Хотели было' сопротивляться, но Николай Дивучек, королевский казначей, сидевший коронным гетманом на Кутной Горе, заявил, что его войско от страха неспособно к бою: «Вся надежда теперь на милость врага!»

25 апреля население Кутной Горы вышло из ворот далеко в поле. Когда подошли пражские войска, все кутногорцы пали на колени, и один из священников стал громко молить о пощаде городу и его жителям: «Примем чашу, любой договор — только забудьте старое и простите кутногорцев!..»

Ян Желивский, обманутый лицемерным покаянием, простил

кутногорцам их злодеяния.

Тем временем по всему краю пронесся слух, что в восточную Чехию идет Жижка. Монастыри, панские и королевские замки, местечки и города спешили изъявить покорность Праге, рассчитывая уйти от тяжелой руки гетмана Табора.

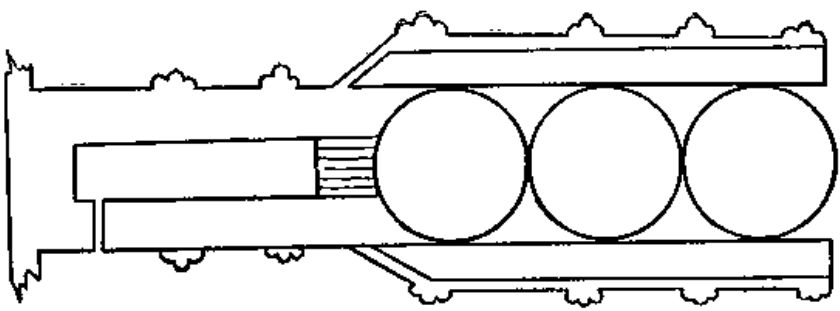
Табориты, двигавшиеся на северо-восток, нещадно громили поместья и замки феодалов-католиков, жгли монастыри и церкви. Повсюду крестьяне встречали их, как братьев-освободителей, а паны, повинные в преследовании гуситов, не могли и помыслить о том, чтобы отделаться за все свои преступления лицемерным коленопреклонением перед «божьими воинами». Вместе с монахами и католическими священниками спешно покидали они свои владения и уходили на восток, подальше от Жижки.

Император Сигизмунд, давно укрывшийся в Моравии, засыпал оттуда Розенберга приказами ударить таборитам в тыл.

Но Розенберг махнул рукою на своего коронованного владыку — не до него было! Таяли последние силы католиков. Растерявшийся вельможа ничего не придумал лучше, как обратиться к панам, рыцарям, горожанам Чехии «и прочему люду» с манифестом: Сигизмунд, мол, решил согласиться на четыре пражские статьи!

Это была плохая выдумка. Но она хорошо отражала состояние духа всего вельможного чешского дворянства, ошалевшего в те дни от страха и растерянности.

В конце апреля таборитское войско соединилось с пражским у стен Хрудима. Здесь королевским гетманом был пан Опоченский, повинный вместе с паном Дивучком в предательском истреблении отряда Громадки.



Крупная пушка времен гуситских войн.

Опоченский повторил перед пражанами комедию кутногорцев. Обещая стать приверженцем чаши, он на коленях молил простить его в том, что был «противником правды», губил гуситов.

Пражане снова «простили». Но воины-табориты были так возмущены, что Жижке с трудом удалось сдержать их.

Тогда гетман Табора решил действовать дальше отдельно, соединяясь с пражанами только для сильных совместных ударов.

Табориты, начав рейды по Хрудимскому краю, вошли в город Поличку, близ моравской границы, затем в Литомышль.

Пражан соблазняла возможность вторжения в Моравию. Но Жижка требовал удара по католикам Градецкого края, сильно теснившим дружественное Табору крестьянское Оребитское братство.

Оба войска направились на север, в Градецкий край. 6 мая пражане и табориты, подойдя д Яромержу, осадили его. Город, заселенный немецкими бюргерами, зверски преследовал гуситов. В стенах его было много войска.

В дни осады на поле перед Яромержем появился с несколькими стами всадников Ченек Вартемберкский, бывший Наивысший бургграф королевства, а затем глава панской гуситской лиги, ставший для гуситов символом предательства.

Пан Ченек явился теперь к гуситскому войску с повинной.

Следовавшие одна за другой военные удачи настроили пражан благодушно — они решили простить и Ченка. «Кающийся» изменник преклонил колена перед чашей.

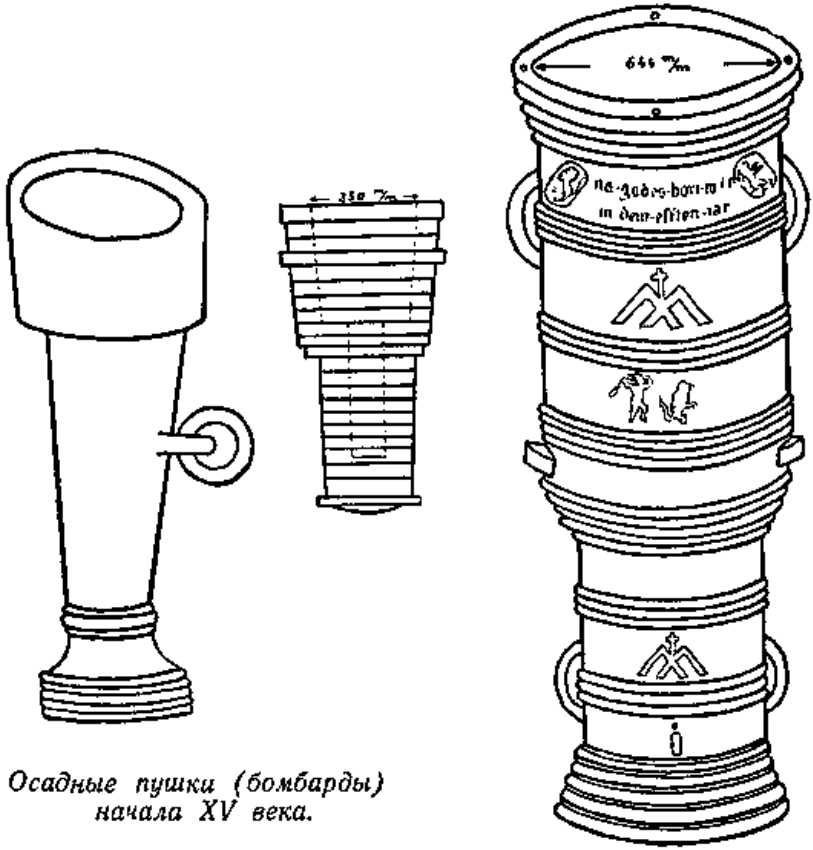
— Пан Ченек, признаешь ли ты, что согрешил перед пражской общиной, когда передал Пражский замок королю венгерскому?

— Признаю, — ответил Ченек.

— Просишь ли ты о прощении?

— Да, я прошу.

Все эти «покаяния» и «помилования» кончились вскоре очень печально, словно бы для того, чтобы показать чешскому народу, насколько был прав непреклонный Жижка, без пощады каравший изменников.



Осадные пушки (бомбарды) начала XV века.

15 мая осаждающие покончили с Яромержем. Многие укрепления Градецкого края поспешили открыть перед гуситским войском свои ворота.

Сопротивление католиков Чехии слабело. Четыре пражские статьи признал теперь даже глава чешской католической церкви архиепископ Конрад. Ватикан метал громы, император грозился утопить во Влтаве архиепиекопа-еретика, «когда доберется до его шкуры». Но все это теперь не имело значения — побеждали гуситы!

* * *

После победы у Яромержа табориты снова отделились от пражан. Жижка, двинувшись на север, взял Кралев Двор, сжег Трутнов, вышел к границе Силезии. Здесь табориты расположились лагерем.

Жижка, Збынек из Буховца, Хвал из Маховиц осматривали

боевые возы, оружие, запасы стрел, пороху, ядер. Потери в людях были невелики, дух войска бодрый.

— Славно бы проучить отсюда силезских, — говорил гетман Хвал. — До Братиславы [42] три перехода. А люди — будто сегодня из Табора. С налету взяли бы! Как думаешь, брат Ян? Не пойти ли? Напомнить только нашим воинам, — сколько чешского народу пожгли и побили их рыцари…

— Они и так помнят, — отвечал Жижка. — Да пойдем-то мы в другую сторону — на Литомержицы.

— На Литомержицы? — удивился гетман Збынек. — До них вдвое дальше…

— Зато они в Чехии, — ответил Жижка.

— Так что ж? Силезцам к нам столбовая дорога. А нам к ним?

Жижка поглядел на второго гетмана, сощурил свой глаз в улыбке:

— Плохо, брат Збынек, ратному человеку недоглядеть, прозевать, а хуже того — не уметь выждать. У меня и у самого не рыбья кровь, горячая…

К таборитам подошли воины дружественного Табору крестьянского Оребитского братства, основанного священником Маркольдом в верховьях Лабы, у Кралева Градца. Жижка повел обе рати на запад, к богатому городу Литомержицам.

Через две недели католики Литомержиц, увидев под своими стенами таборитов, тотчас отправили послов в Прагу, предлагая немедленно и без боя сдаться пражанам. Здесь повторилось положение, обычное в этой кампании: подойди к Литомержицам сами пражане — город защищался бы против них упорно. Но Жижки здесь панически боялись. Чтобы укрыться от его карающей руки, бюргеры-католики искали защиты у бюргеров-гуситов.

Пражане просили первого гетмана Табора отвести свое войско от Литомержиц. Жижка не стал спорить, и Литомержицы отдались в руки Праги.

Не прошло и года с того дня, как городские советники Праги на коленях молили императора о снисхождении, готовы были проломить стены столицы для триумфального его въезда. Теперь император укрылся в отдаленном углу Моравии, а двадцать богатейших городов Чехии покорились пражским бюргерам. Их власть над собою признала добрая сотня замков, виднейшие паны.

Огромной долей этих военных успехов пражане обязаны были союзу с таборитами. Теперь происходило и некоторое подведение итогов старой тяжбы между крепнущим бюргерством и чешскими феодалами, претендовавшими на управление страною без всякого

вмешательства городов.

Спор шел между замком и денежным мешком. Прага уже давно стала средоточием большой хозяйственной мощи, и отстранение ее от управления страной становилось пережитком. Как говорит Ф. Энгельс, «еще задолго до того», как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег».

Однако, громя полчища панов-католиков, пражские бюргеры и не помышляли о покушении на устои феодального общества. Их стремления были иные — занять в этом обществе подобающее им место, приобрести в нем должные бюргерству права и привилегии. В частности, в цели бюргеров не входило изменять отношения феодалов с крестьянами. Пражские купцы сами владели поместьями. Они столь же беспощадно взыскивали с крестьян все феодальные повинности, оброки и барщину.

Бюргеров Праги отделяла от таборитского крестьянского движения целая пропасть. Но до тех пор, пока надо было бороться с общим врагом — нашествием чужеземцев и императором, они оставались союзниками. Союз этот не был ни постоянным, ни прочным: прошло немного лет, и обе стороны начали решительную борьбу между собою.

XVIII. ЧАСЛАВСКИЙ СЕЙМ

К середине 1421 года влияние таборитского братства в южной Чехии еще более укрепилось. Обширная область вокруг крепости Табора контролировалась братством. Захваченные военной силой города Быстржицы, Ломница, отнятые у Розенберга замки и поместья, обширные монастырские владения и земли католических панов, взятые с бою или уступленные Табору по договору, получали от братства управителей, гетманов, городских советников. Только добровольные союзники — Писек, Прахатицы, Сушицы, Домажлицы, Клатовы — могли сами выбирать своих управителей.

Опираясь на эти широко разбросанные города и сельские местности, табориты стали осуществлять политическую власть на юге Чехии. Источник мощи Табора лежал в неудержимом тяготении к нему крестьянских масс и городских низов всей страны.

Пражские бюргеры, поднявшиеся к осени 1421 года на вершину могущества, завладевшие севером и востоком Чехии, с тревогой поглядывали в южную сторону, чувствуя в Таборе опасного соперника, еще только расправляющего свои широкие крестьянские плечи.

Все, что не было под контролем Праги или Табора, продолжало служить императору, католичеству и надеялось на новый крестовый поход и истребление гуситов.

Много оставалось в Чехии непокоренных королевских городов и замков, неразрушенных монастырей. В непосредственной близости от Табора держались Будейовицы, богатый, чрезвычайно сильно укрепленный королевский город, прибежище королевской партии на юге страны. Плзень стал тайным средоточием сил католической реакции на западе Чехии. В Будейовицы и Плзень стекались католики — паны, рыцари, монахи, прелаты. Они шпионили, вели деятельную переписку с Сигизмундом, обещая ему восстать, ударить на гуситов с тыла, если появится он с чужеземным воинством на границах Чехии.

Очень опасны были и такие паны, как Ульрих Розенберг и Ченек Вартемберкский, лицемерно разыгрывавшие — в который уже раз! — роль «новообращенных» гуситов, врагов короля венгерского, но втайне не оставлявшие надежды на победу королевской и католической партии.

При таких обстоятельствах пражане надумали созвать общий чешско-моравский сейм, который смог бы окончательно и «на

законном основании» лишить королевскую партию всяких надежд, но вместе с тем и ослабить влияние беспокойных соперников слева — таборитов.

Пражане пригласили на сейм представителей всех чешских групп и партий; пражан и таборитов, панов-«подобоев», католиков и даже посланников Сигизмунда. По мысли бюргеров столицы, все эти группы, тянувшие в разные стороны, под впечатлением решающих побед лета 1421 года вынуждены будут занять примирительную позицию.

Какую же политическую программу мог принять такой сейм? Пражане рассчитывали, что он примет их «среднюю» программу.

Сейм открылся в Чаславе 3 июня 1421 года. Сюда приехали архиепископ Конрад, обрядившийся в гусита, Ченек Вартемберкский, Розенберг, множество феодалов — ярых католиков. Рядом с ними — паны-«подобои», магистры Пражского университета, бюргеры столицы и крупнейших городов. Были здесь и все четыре гетмана Табора. Почему сочли нужным Жижка и его товарищи присутствовать на этом заранее обреченном на неудачу сейме? Несомненно, ими руководило стремление выиграть время, пока Табор окрепнет настолько, чтобы освободиться от союза с бюргерской Драгой или же пока в самой Праге не возобладают народные силы.

Чаславский сейм решил:

1. «Охранять и защищать четыре пражские статьи». При этом в основу клалось узкое, ограничительное толкование, какое стали давать этим пресловутым статьям университетские магистры. Табориты толковали эти статьи совсем по-иному. Пражские бюргеры рассчитывали связать «общечешским» решением бурную деятельность священников Табора. Это был наивный расчет!

2. «Собравшиеся на сейме, все как один и один как все, решили не признавать венгерского короля Сигизмунда королем и наследником чешской короны, которой он стал недостоин. Ибо этот король есть смертельный враг чести Чехии и её жителей».

До принятия этого второго пункта посланники Сигизмунда с великим трудом, при общих протестах, огласили сейму заявление императора и короля венгерского. «Если кто-либо думает, — писал Сигизмунд, — что мы несем вину за разруху в Чехии, с чем мы не согласны, мы готовы исправить зло и внять указаниям, чтобы исправить содеянное». Коронованный прохвост писал эти строки в дни, когда при его деятельном участии собирались крестоносные орды для нового вторжения в Чехию.

Сигизмунд, надеявшийся, видно, обмануть чехов, получил тут достойную отповедь! Его послам было заявлено: он украл и увез из Чехии корону и королевские регалии, похитил дворовые доски

— документы на владение недвижимостью. До тех пор, пока он не вернет все это и не перестанет натравливать на Чехию соседние страны, не может быть и речи о его правах на чешский престол.

3. Сейм избрал двадцать регентов-справцев для управления Чехией до избрания нового короля. Пять — от панов, и среди них Ченка Вартемберкского и Розенберга. Пять — от рыцарского сословия, по четыре — от пражской общины и остальных городов и два — от Табора.

Такое представительство могущественного таборитского братства, конечно, никак не отражало ни его влияния в стране, ни его военной силы. Но Жижка принял и это. Справцами от Табора стали Ян Жижка и Збынек из Буховца.

4. Чтобы покончить с религиозными распрями, сейм постановил срочно созвать синод, который и должен был установить нужный порядок. «И если какой-либо священник отойдет от установленных правил, тогда пусть не терпят его ни господа, ни общины. Пусть такого священника передадут в руки представителей архиепископа». В этом решении заключалась очевидная угроза Табору.

5. «Всякий, кто не присоединится к постановлениям сейма, должен почитаться врагом, и по решению справцев будет силой понужден к принятию и выполнению этих постановлений».

Помимо того, Чаславский сейм от имени всех сословий Чехии одобрил решение выслать новое посольство к польскому королю Ягайле и литовскому великому князю Витовту, чтобы просить кого-либо из них занять чешский трон.

Чаславские решения были попыткой пражского бюргерства пожать и в политической области плоды недавних военных побед.

Уже во время заседаний сейма стало ясно, что римский папа и германский император скоро бросят на Чехию новые массы крестоносцев и что снова на карту ставится судьба гуситства.

Со времени поражения Сигизмунда под стенами Праги Римская курия не переставала требовать от него новых военных усилий. Папа Мартин V обвинял императора в недостатке католического усердия, в трусости. Напрасно распинался Сигизмунд, клянясь, что «не знает он на свете ничего более важного, славного и святого, нежели полное изничтожение и искоренение безбожья и еретической ярости чехов…» «Однако, — оправдывался далее император-крестоносец, — после стольких чувствительных неудач нужно время, чтобы восстановить силы, ибо мужество подданных пало низко, а государственная казна пуста».

Но Мартин V требовал не оправданий, а военных приготовлений.

13 апреля 1421 года открылся имперский съезд в Нюренберге. Коронованные коршуны, успевшие забыть урок, преподанный им Жижкою под стенами Праги, снова слетелись в предвкушении добычи. Здесь собрались четыре рейнских курфюрста, четыре баварских князя, ландграф Гессенский, граф Нассау, маркграф Баденский, послы герцогов Савойи, Брабанта, Голландии. Среди князей церкви блистали папский легат, архиепископ Миланский, патриарх Аквилейский.

Все эти светские и церковные хищники собрались со всех концов католической Европы ради того, чтобы попытаться поднять новые полчища против непокорной Чехии.

Легат папы кардинал Бранда стал колесить по Германской империи, договаривался, проверял, сыпал деньгами, раздавал отпущения грехов.

Долго колебались столь жестоко битые Жижкой ближайшие соседи Чехии маркграфы Мейссенские и герцог Силезский. Но и они пошли вслед за другими.

К середине 1421 года Бранде удалось снова собрать огромные крестоносные орды — примерно полтораста тысяч пеших и всадников.

XIX. СЛЕПОЙ ПОЛКОВОДЕЦ

В начале июля 1421 года из Табора в западную сторону, в Прахеньский край, выступила возовая колонна.

Два ранее разрушенных Жижкою замка, Раби и Бор, успели за год поднять из развалин свои стены. Пан Рикиберкский, их владелец, присягнувший Жижке быть Табору «вечным другом», держит теперь связь с Сигизмундом. Его, видимо, подзадорило близкое вторжение крестоносцев. В предвкушении перемен Рикиберкский открыто грозит союзным Табору городам — Сушицам, Клатовам, Писку. Города эти просят у таборитов управы над католиками.

Жижка едет впереди колонны, за гонцами. Он мрачен.

— Говорят, я суров с врагами, — обращается Жижка к Матвею Лауде, табориту из рыцарей, едущему рядом. — А сколько раз приходилось мне жалеть, что поверил панскому слову, отпустил врага на волю. Вот и Рикиберкского напрасно помиловал прошлой осенью. Не один десяток наших ляжет сейчас под Раби и Бором…

— Всего чертополоха не изведешь, — замечает Лауда.

— А надо! — раздраженно перебивает Жижка. — Надо! А то в Чехии житья не будет! Паны Ченек и Опоченский клялись на коленях, а сейчас перехвачены их письма королю венгерскому. Ну, а Розенберг — мало я громил его? И снова Розенберг вкупе с паном Краиржем в Будейовицах точит нож на нас.

— Этого давно пора выжить из его Крумлова.

— Дай срок! Он нищим уйдет отсюда, если унесет голову. Да только, брат Матвей, не годится одно дело переделывать по три раза!

Жижка помолчал. Потом гневно, повысив голос:

— Ну, а что до Рикиберкского… Ворону негде будет свить гнезда в Раби, богом клянусь! Камня на камне не оставлю!..

По зеленым лощинам, по холмам Прахеныцины движется боевая таборитская колонна.

За год непрестанных походов крестьяне обратились в закаленных бойцов. Это цепники, арбалетчики, судличники, воины с ручницами, приставленные к тарасницам. Весь сложный военный механизм работает слаженно, дружно.

Жижка часто оглядывается назад. Строгий его глаз, сверкающий из-под шлема, примечает и немного нарушенное расстояние между возами и не совсем стройное движение людей по сторонам возов.

Глядя на созданное им войско, полководец забывает тревоги. «С такой ратью, — говорит он себе, — многого можно добиться и все поправить».

Подошли к Раби. На крутом холме — стройные башни замка. Высокая стена уставлена дозорными вышками, изрезана бойницами. Вокруг замка по склону лепятся дома ремесленников, лавки торговцев. Посад опоясан второй стеною пониже, перед нею наполненный водою ров.

По знаку Жижки с возов снимают тяжелые гоуфницы; метательные снаряды. К пушкам становятся пушкари. Июльский вечер гремит раскатами орудийной пальбы.

Каменные ядра, пущенные опытной рукой, долбят посадскую стену. На защиту ее вышли наемники пана. Сверху на таборитов дождем сыплются стрелы. Но слабая внешняя стена подается быстро. Через час в ней уж зияет большая брешь. Преодолев ров, в нее проникают табориты. Сверху на них низвергается поток камней, горячей смолы, воды. У бреши закипает рукопашный бой. Наступает решительная минута… Слышится боевая таборитская песня:

На сонмы врагов не глядите!
Мужество в сердце храните!
Блажен, кто за правду падет!

Пробравшись по телам товарищей внутрь посада, воины открывают ворота изнутри, — и вот лавина атакующих с победным криком уже катится по кривым, узким улочкам Раби.

Жижка преследует панских, отступающих к замку. Главное, не дать противнику опомниться, на его плечах ворваться в замок.

— Вперед!

Жижка взмахивает мечом. За ним бегут с длинными, связанными одна с другою лестницами. Ими можно достать до гребня замкового обвода.

Жижка подбегает к стене.

— За мной! Наверх! — Он взбирается на первую перекладину.

Страшный удар в лицо сбрасывает его наземь…

Через полчаса Жижка очнулся в своей походной палатке от боли.

Раскаленным железом жжет лоб. Кругом черная ночь… Рука потянулась к лицу, наткнулась на что-то, и в тот же миг хлестнуло по голове нестерпимой болью, затопившей сознание…

Вокоре раненый снова приходит в себя. Черная-черная ночь… Слышится знакомый голос… Это Матвей Лауда.

— Стрела, брат Ян… В глазу стрела!.. Позволь костоправу

вынуть…

«Ослеп!..»

Ужас, потрясший его, на мгновенье совсем прояснил голову. Раненый тяжко застонал, задвигался на ложе. Но в охваченном пламенем мозгу мелькнуло: «Может, глаз все-таки цел?..»

У Жижки стало сил прохрипеть:

— Не трогать!.. Вези в Прагу так… со стрелой…

Тяжело больного, в бреду, со стрелою в глазу везут Жижку в далекую Прагу.

уже не вернуть, его нет!.. Не стало, значит, и полководца!.. Это сейчас-то, когда полчища крестоносцев вновь подступают со всех сторон к чешским границам!.. Кто же защитит теперь?..

В унынии и страхе живет в эти дни пражский народ.

Крепкий организм первого гетмана Табора долго борется со страшной раной, грозящей смертью. У постели больного день и ночь тетка, сестра и дочь Анешка. Здесь же младший брат его Ярослав, верный спутник во многих походах, простой таборитский цепник.

Постепенно спадает жар, проясняется голова. Раненый совладал с болезнью! Но эта ночь, темная ночь без конца и края!.. Это горше смерти! Стоит ли жить?.. Слепцом?..

Жижке пятьдесят один год. Нагрянувшая беда в несколько дней выбелила его длинные усы, посеребрила голову.

По пустым глазницам легла белая повязка…

Постепенно Жижка научается ощупью есть, пить, ходить по комнате, выставляя впереди себя палку.

Удивительным образом обострился у него слух. Загрубелое в походах лицо стало чувствовать дыхание собеседника, легчайшее дуновение ветерка, приносимое в окно.

Сильная воля и мощная натура ослепшего вождя Табора совладали с несчастьем. Они ищут теперь не смерти, а жизни. Они требуют деятельности. Может ли человек, полный воли, выбыть из деятельной жизни потому только, что перестал видеть?

Жижка снова думает не о сабе, а о Чехии. «Что-то будет с ней?.. Кто отобьет теперь волков с кре-стами на пиках, что рыщут вокруг нее? Збынек из Буховца? Ян Рогач?»

Старый гетман полон тревоги и сомнения:

«Нет, надо самому. Как-нибудь, да самому!»

* * *

Гетмана Яна навещают пражские друзья. От них он узнает,

что пражское войско, сражающееся с католиками на севере Чехии, осадило город Мост в Литомержицком «рае. Войском командует Ян Желивский.

— Желивский? Один? — изумляется слепец. — Как же так?! Я всем сердцем за брата Яна, да только не ратный он человек! Без помощи что ему делать? Тут не миновать беды!..

Вначале кажется, что опасения Жижки как будто напрасны. Мост должен вот-вот пасть. Прага уже приготовилась к торжественной встрече победителей.

Но на выручку осажденным католикам спешит большая рать — немецкие рыцари из Мейссена и чешские паны Северного католического союза. 5 августа пражане ©ступают с ними в бой и терпят страшное поражение. В смятении и беспорядке разбегаются войска. Богатейший обоз, множество пушек достаются неприятелю. В Прагу текут остатки разбитых отрядов.

К Жижке прибегают послы столицы, потерявшие голову бургомистры, городские советники:

— Посоветуй, Жижка, как быть сейчас… как спасти Прагу? Ведь вот движутся антихристы сюда, а у нас и войска не осталось!

Жижка поднимается со скамьи, опирается грузным телом на палку.

— Бейте в колокола, — говорит он властно, — собирайте немедля всех, кто способен носить оружие!

— Тревогу мы поднимем сейчас же! — отвечают пражане. — Да только некому повести народ. Дай нам, Жижка, твоего гетмана Збынка, или Яна Рогача, или кого найдешь нужным. Вопомни, мы ведь с Табором союзники!

— Збынка? Рогача? Нет! Я сам поведу!

Все молчат, пораженные.

— Ты?! — спрашивает, наконец, бургомистр Новой Праги. — Я, может, ослышался? Ты поведешь!? Слыхано ли…

— Говорю, я поведу! — кричит раздраженно слепец.

Он ударяет палкой по полу с такою силой, что все вокруг вздрагивают.

— Ярослав! Готовь воз! Чтоб полегче, коней добрых!

В радостном недоумении Ярослав выбегает во двор.

— А вы чего ждете?! — гремит слепой вождь Табора. — Не оказал я разве — звонить, скликать народ?! Я здесь сейчас гетман! А нерадивые ответят головой!

Жижка оставил для охраны Праги четверть собранного народу, а с остальными выступил навстречу неприятелю.

В походе впереди войска катил легкий возок, в нем — слепой полководец. Вокруг возка — десяток всадников.

— Впереди? — спрашивал Жижка.

— Лес на холмах…

— Как далеко?

— В получасе…

— А там? — Жижка показывал влево.

— Речка, четверть часа от дороги.

— Берег какой?

— Обрывистый…

— Солнце там? До закату сколько?

— Чуть поменьше часу.

Скоро окружавшие Жижку уже твердо знали: первая их обязанность — не дожидаясь вопросов, непрестанно доносить о мельчайших подробностях местности:

— Влево, на осьмую круга, в пяти минутах, три ветряка на холмах… Ручей отходит от дороги, на нем запруда, пруд небольшой, в десяти минутах… Справа на полкруга болото, за ним большой лес…

И так все время. Постепенно у некоторых выработалось мастерское уменье скупыми словами точно рисовать то, что нужно полководцу. Этих помощников — свои «глаза» — Жижка особенно ценил. Выслушивая описание местности, Жижка удивительно точно запечатлевал в мозгу своем все нужное ему как полководцу. Он развил в себе удивительную способность — слушать такие донесения (ему все реже приходилось спрашивать) и одновременно думать иногда совсем о другом.

Доведя пражских воинов до Лоун, Жижка остановился.

Вся округа загремела его именем:

— Жижка идет!

— Слепой Жижка пришел выгнать из Чехии мейссенцев!

Люди из развалившегося пражского войска, бродившие по лесам, потянулись теперь к Лоунам.

Вера в полководца Табора, подобно магниту, влекла их под его знамена.

А мейссенские рыцари совсем пали духом, заслышав, что на них идет Жижка.

— Да это тот самый, что дрался прошлым летом на горе под Прагой! Я был там и того дня вовек не забуду!..

— Как же так? — кричали другие. — Он ведь ослеп. Разве слепой может вести в бой рати? Здесь колдовство, не иначе. Он в союзе с дьяволом!

— Это не честный рыцарский бой! Слыхали? Всех его людей заговорили от стрел и пуль! Пусть чорт, если ему охота, сражается со слепцом!

Не дожидаясь подхода Жижки, мейссенские дворяне в великой поспешности покинули Чехию.

XX. ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Над Чехией снова нависли черные тучи.

В последние дни августа 1421 года сильные отряды немецких феодалов, баварцев и мейссенцев вторглись в Чехию с западной стороны, прошли через Хлеб, овладели городами Жлутицы и Хомутов, замком Маштов, подступили к большому, укрепленному городу Жатцу.

Многие паны, видя слабость обороны пражан, поспешили тогда порвать с «чашниками». Правители страны — справцы, недавно избранные гуситским сеймом в Чаславе: Индржих Дубский, Ченек Вартемберкский, Ульрих Розенберг, — вновь изменили туситам, стянув в свои поместья вооруженные отряды католиков. В решительную минуту готовились они ударить в тыл гуситским войскам и открыть дорогу крестоносцам.

Но Жатец оказался для католических интервентов твердым орехом. Город стойко отражал многократные атаки, и первый сильный натиск крестоносцев на Чехию замер у его стен.

Немецкие князья — маркграфы мейссенские, герцог пфальцский — требовали от Сигизмунда вспомогательного, отвлекающего удара по гуситам с востока. Об этом они договорились с ним еще во время нюренбергского съезда. Но Сигизмунд не спешил: неудача мейссенцев и баварцев под стенами Жатца отбила у него охоту спешить: пускай выпутываются сами.

Жатецкое стояние окончилось тем, что крестоносцы, обозленные вероломством верховного главы, сняли осаду города и ушли из Чехии.

То был начальный эпизод большой драмы. Папа римский подготовил для разгрома гуситской Чехии слишком крупные силы, чтобы неудачные действия передового отряда могли сказаться на судьбах всей кампании.

Вскоре с северо-востока в Чехию вторглись сильные отряды силезских феодалов. А Сигизмунд с венграми и австрийцами стал лагерем в Моравии, угрожая юго-восточным пределам страны.

— И то добро! Ученья производите? Каждый день, как наказывал? А сколько тарасниц, сколько ручниц наготовили?

Ему докладывали.

— Да, вот что: засыпьте в закрома под башнями хлеба побольше. Запасайте зерно и солонину — надвигается большая война! Я собирался оставаться на Таборе эту зиму, да, видно, не придется!.. Где брат Николай из Пельгржимова?

К Жижке подошел епископ Табора.

— Прошу, брат Николай, созови на завтра великий сход. Пока император сидит в Моравии, надо ударить на плзеньских панов. Они снова теснят и убивают дружественны» нам чехов. Давно пора напомнить плзеньским, что слово, данное Табору, не может быть брошено «а ветер. Да и наш гарнизон в Красикове ждет помощи. Я возьму отсюда пять сотен бойцов, не больше, полсотни возов. Полевые общины почти целиком останутся дома — будут ждать, пока в Чехию втянутся главные силы антихриста. Тогда и выступим всем народом, — видней станет, в какую сторону…

Через два дня на запад тронулась небольшая возовая колонна. Она шла в обход Плзня на помощь своим — к замку Красикову. Узнав в пути, что замок в осаде, воины стремительно ударили по осаждавшим и обратили их в бегство. Жижка стал преследовать, настиг противника у Планов, возле баварской границы, и разгромил его.

Тут неожиданно для Жижки табориты натолкнулись на многотысячные, сильно вооруженные отряды плзеньского католического союза панов. Нельзя было и помышлять сразиться с ними в открытом поле — слишком неравны были силы.

Дорогу назад закрывала теперь сильная вражеская колонна, двигавшаяся со стороны Плзня и отрезавшая таборитский отряд от его базы — Табора.

Жижка решил отходить к северо-востоку, в сторону дружественного Жатца. Предвкушая легкую победу, десять тысяч католиков пустились за ним вдогонку.

Погода стояла в те дни ненастная: пронзительный ноябрьский холод, ветер, дождь. По размокшим, непроезжим дорогам возовая колонна таборитов отступала медленно, в замкнутом, боевом построении.

Наседавшие с тылу конники вынуждали к непрерывным арьергардным стычкам.

— Вперед не заходят? — спрашивал Жижка.

— Нет, все позади…

— Трусы… Им все, чтобы полегче, — ворчал слепой гетман.

Прекратив на время преследование, католики стали на отдых. Табориты же двигались без остановки вперед и дошли до Жлутиц.

Жижка приказал товарищам глядеть во все глаза — нет ли где холма крутого, безлесного.

Ему вскоре донесли:

— К востоку от городка, в пяти гонах, обрывистая гора с плоской вершиной.

— Держать на эту тору! — приказал Жижка.

С великим трудом подняли возы на гору. На самой ее

вершине построили их по кругу, связали цепями, выставили в промежутках тарасницы, окопались рвом.

Уверенность в неминуемой гибели таборитского отряда распалила боевой азарт налетевшего вновь противника:

— На этот раз слепцу уж никак не уйти!

Яростно и упорно три дня кряду лезли католики на гору, верхом и спешенные. Но на таборитские возы так и не смог взобраться ни один из них.

Таборитские тарасницы, стрелявшие сверху, беспощадно косили нападавших. А кому удавалось добраться до возового заграждения, попадал под цепы и судлицы.

Феодалам казалось непостижимым, как может горстка людей противостоять натиску в двадцать раз большего войска противника, атакующего со всех сторон.

На четвертый день Жижка спросил:

— Как атакуют?

— Вяло…

— Подходят стоя?

— Больше на четвереньках.

— А назад?

— Кто ползет, а чаще скатываются вниз кубарем.

Гетман отдал приказ:

— Как сядет солнце — строиться в походную колонну!

Мглистой ноябрьской ночью возовые сняли цепи с колес, впрягли лошадей. В кромешной тьме стали спускать возы с горы.

Затянули гимн:

Кликните клич боевой:

«На них! Вперед! На них!»

Измотанные вконец католики, ошеломленные дерзостью таборитов, дали Жижке пробиться сквозь кольцо окружения. Преследовать во тьме они не решились.

Не встречая больше помехи, табориты устремились в сторону Жатца. Там уже знали о ловушке у Жлутиц. Никто не сомневался в том, что таборитский отряд и вождь его погибли.

Велико было изумление и радость жатчан, когда дозорные с городских башен возвестили о приближении таборитской колонны. Все население высыпало навстречу героям.

Но Жижка недолго отдыхал в гостеприимном Жатце. Полководца ждали ратные труды, самые тяжелые и наиболее славные в его жизни, до краев наполненной походами и битвами.

* * *

К концу ноября император германский и король венгерский Сигизмунд, двинул на Чехию главные силы крестоносцев. У Моравской Иглавы он перешел чешскую границу с шестьюдесятью тысячами отборных рыцарей. То была главная ударная сила второго крестового похода.

Выступившие навстречу Сигизмунду пражские отряды, ведомые другом Желивского Яном Гвездой, вынуждены были вскоре повернуть назад, — им было не под силу состязаться в открытом поле с численно превосходящим войском крестоносцев.

25 ноября отряды вернулись в столицу. Желивский и Гвезда решили обороняться в самой Праге, под прикрытием ее мощных стен и двух неприступных замков.

В те осенние дни 1421 года крестьяне чешских деревень, ремесленники городов и местечек, заслышав о вторжении крестоносцев, заметались по дорогам, лесам и горам, ища укрытия для своих жен, детей, стариков. Еще свежо было в памяти народа прошлогоднее нашествие чужеземных господ. Второй приход крестоносного «воинства нес чешскому народу новое разорение, смерть тысяч и тысяч, массовые насилия…

В малой своими размерами Чехии куда только не дохлестнут волны кровавого потока, хлынувшего ото всех границ!..

Невыразимое отчаяние охватило чешские города и деревни.

И в эту тяжкую годину чехи обратили свои взоры к человеку, в котором воплощалась надежда целого народа — к полководцу-слепцу.

Жижка откликнулся на зов.

В ясный морозный день 1 декабря он подошел со своим отрядом к воротам столицы. Пражане вышли навстречу. Трубили рога, с пражских холмов растекался приветственный колокольный звон, на башнях и площадях зажигались праздничные огни.

— Ждать прихода антихриста за пражскими стенами?! — возмутился Жижка. — Да это смерти подобно! Крестоносцы в месяц обратят всю Чехию в кладбище. В ближайшие же дни надо выступать в поле навстречу полчищам Сигизмунда! Шлите гонцов во все края Чехии, скликайте друзей, людей из Жатца, Лоун, Сланов, Мельника, Колина. А я позову сюда братьев из Табора, братьев Оребитов. Нас не мало, — я поведу на врага все общины, любящие чешскую землю!

Неделю шли лихорадочные приготовления. Городские советники столицы разослали призывы во все дружественные и подчиненные Праге города. В самой столице восемь четвертей [43] Старого и Нового городов дали войску тысячи свежих людей. Каждый день прибывали в Прагу отряды.

Жижка нетерпеливо ждал своих из Табора. Когда подошли, наконец, «божьи воины», первый гетман отдал приказ выступать немедленно.

— Я пойду к Кутйой Горе со своими, — оказал он Яну Гвезде, — а ты назавтра выступишь мне вослед с пражскими.

8 декабря Жижка повел на восток восемь тысяч таборитов, у которых было три копы таборитских боевых возов, до сотни тарасниц.

* * *

В руках полководца, создавшего это войско, был сейчас превосходный инструмент войны, гибкий, способный к стремительным ударам, быстрым перестроениям и, что всего 'важней, послушный единой воле. Не восемь тысяч отдельных единиц, а восемь тысяч частиц слаженной боевой машины. Это было ново. «Феодальная система, — говорит Энгельс, — будучи по самому своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу своему была враждебна всякой дисциплине».

Таборитам предстояло сразиться с тучей рыцарей. Каждый рыцарь был самоволен и своевластен. Ни воевода, ни сюзерен, ни даже папа римский не могли отнять у рыцаря его дворянской привилегии действовать на поле брани по собственному усмотрению. Рыцаря можно было уговорить, даже воодушевить, но не заставить подчиниться чужой воле. Поэтому так часты бывали в истории феодальных войн внезапные отходы рыцарей от осажденных ими городов и замков, самовольное оставление поля битвы. И не раз из-за отсутствия дисциплины наметившийся военный успех обращался в мгновенье ока в полное поражение.

В состязании военного начала Жижки — строгой дисциплины — со старым рыцарским своеволием преимущество было на стороне таборитского войска. Оно усиливалось еще тем, что Жижка противопоставил рыцарю новую тактическую единицу — боевой воз.

И все же в корне военной мощи Табора лежали не дисциплина и не таборитский воз. Основой се было огромное воодушевление бойцов. Восторженная их вера в справедливость борьбы с духовными и светскими феодалами, ненависть к угнетателям крестьянского и бедного городского люда, преклонение «божьих воинов» перед вождем, никогда не знавшим поражений, готовым в каждом бою сложить голову за дело Табора, — вот что делало для таборитского воина самое строгое

подчинение приказу гетмана делом легким, нужным, само собою разумеющимся.

Боевой воз Жижки был хорошо продуманным и притом чисто крестьянским тактическим средством. Но неприступным он становился оттого, что руки, молотившие с этого воза цепами сто рыцарским доспехам, были руками крестьян, чьи сердца горели верой и ненавистью.

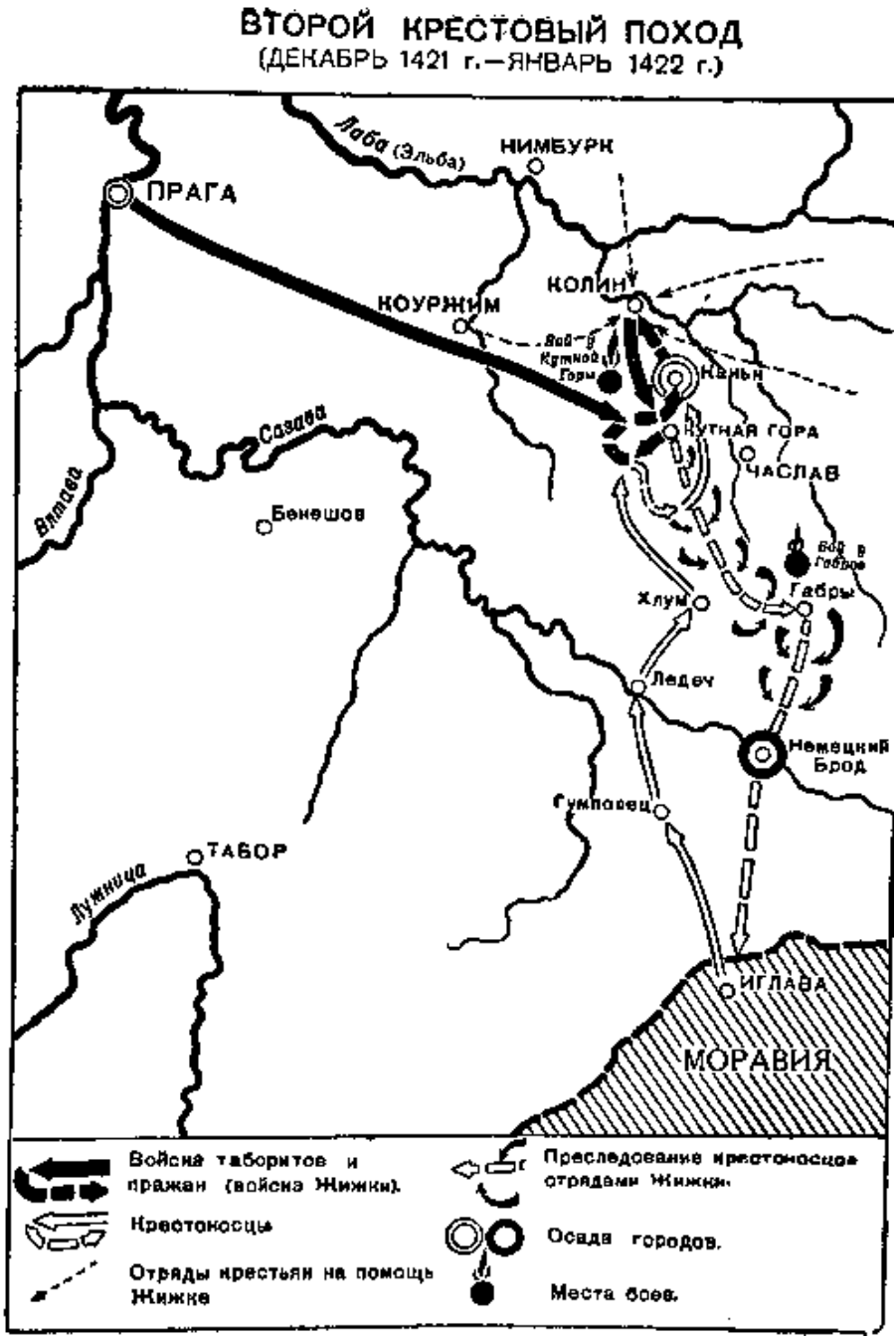
Тактические приёмы таборитов стали постепенно ясны и их врагам. Однако сколько те ни делали попыток подражать военному строю и тактике Табора, их усилия неизменно терпели самую жалкую неудачу: наемники феодалов никогда не были и не могли быть хоть сколько-нибудь равноценными бойцам Табора — неустрашимым воинам этой, по определению Маркса, «национально-чешской крестьянской войны религиозного характера».

* * *

Табориты вошли в город Кутная Гора 9 декабря. Назавтра к ним присоединились и пражские отряды. Двадцатитысячное войско расположилось здесь лагерем.

Жижка надумал обратить сильную своим положением и укреплениями Кутную Гору в опорный пункт пражско-таборитских войск. Здесь он сложил взятые с собой большие запасы провианта, оружия, расставил по сараям и дворам лишние возы, сменных лошадей. Все эти меры были приняты им для того, чтобы войску было легче маневрировать без тяжелых обозов. В новом походе свои расчеты Жижка строил главным образом на быстром маневре.

Скоро, однако, стало ясно, что город ненадежная опора: немецкая, католическая часть его населения, бюргерство и патрициат, вопреки всем торжественным клятвам и заверениям, активно враждебны гуситам и нетерпеливо ждут Сигизмунда.



Жижке приходилось пожинать теперь плоды политики пражских бюргеров. Все те месяцы, пока Кутная Гора была под управлением гуситской Праги, пражане глядели сквозь пальцы на еле прикрытую враждебность кутногорского немецкого

патрициата: ведь немцы ведали добычей серебра в богатых кутногорских копях, а доходы от чеканки кутногорских серебряных грошей и гривен текли в сундуки столичных воротил.

Пока Жижка располагал свое войско в Кутной Горе, крестоносные полчища успели продвинуться через Гумполец и Ледеч дальше по югу Чехии.

Ни моровое поветрие, ни самое разрушительное землетрясение не могли бы так опустошить этот угол Чехии, как опустошили его вооруженные разбойники, вторгнувшиеся в мирную страну с благословения «наместника апостола Петра».

Крестоносцы охотились на чехов, массами избивали», насиловали, истязали, сжигали на кострах.

В свите императора следовали Ченек Вартемберкский, Ульрих Розенберг, Ян Опоченский и много других именитейших и вельможных чешских панов. Они горько жаловались Сигизмунду на то, что войска грабят и сжигают не только крестьянские хаты, но и их панские замки. Император обещал унять крестоносцев, но потом и пальцем не шевельнул: он хотел теперь проучить заодно и своевольное чешское дворянство.

Разведчики донесли Жижке, что крестоносцы прошли уже Хлум. Для гуситского войска настало время оставить город и выйти навстречу Сигизмунду.

Жижка очень опасался подвоха со стороны кутногорских немцев. Выбора, однако, у него не было.

Утром 21 декабря он велел огласить с церковных амвонов и на площадях через глашатаев свое слово к кутногорцам.

Жижка напомнил клятву, данную кутногорцами пражскому войску летом. Если кутногорцы сохранят верность, заявлял он, им нечего опасаться будущего. Чешское войско не допустит тогда крестоносцев в Кутную Гору.

Ударил колокол. То был знак к выступлению. Через Коуржимские ворота гуситские отряды вышли из стен города и расположились в непосредственной близости от него.

Не прошло и часу, как с южной стороны показались отряды крестоносцев.

Жижка на виду у противника. быстро построил возовое заграждение. Все пешие воины — табориты и пражане — расположились внутри него. В промежутках между ©озами установили тарасницы. Вне заграждения, на флангах всего расположения, заняли позиции небольшие группы таборитоких конников.

Крестоносцы атаковали с ходу. Их встретил частый огонь пушек. Противник откатился, оставив убитых.

Затем весь день и вечер продолжались наскоки всадников и

спешенных рыцарей. Возовая крепость легко отражала эти слабые попытки.

Настала ночь. Жижка замышлял наутро большую вылазку. Но тут случилась беда, спутавшая все его планы.

К Кутной Горе в обозе императора прикатили бежавшие еще летом из этого города немецкие купцы и ростовщики. Еще из Моравии им удалось через тайных посланцев договориться с оставшимися в городе богатыми католиками о захвате Кутной Горы.

Войска Жижки, сражавшиеся против Сигизмунда, находились неподалеку от Коуржимских ворот, а заговорщики впустили в город через противоположные, Колинские, ворота многих своих друзей с несколькими сотнями вооруженных наемников. Слабая охрана, оставленная Жижкой, пытавшаяся сопротивляться, была быстро смята.

За закрытыми наглухо городскими воротами началась в Кутной Горе беспощадная резня. Католики врывались в дома, — все, кто не знал условленного пароля, падали под ударами убийц.

Так Кутная Гора перешла в руки противника.

Жижка потерял все запасы провианта. В декабрьскую стужу его войско лишилось постоя, места, куда можно было бы свезти своих раненых.

Первая пришедшая Жижке мысль — немедля штурмовать Кутную Гору — была им тотчас оставлена. Провести такую операцию было невозможно: полчища Сигизмунда находились в тылу таборитов. Приходилось искать совсем иное решение.

Тонкое тактическое чутье подсказало Жижке это решение — во что бы то ни стало оторваться от противника, отойти! Но сначала он надумал прощупать стойкость крестоносцев. Быстро построил боевую колонну, прикрыл ее фронт самыми крепкими возами с многочисленными пушками. Таборитская колонна в стремительной атаке глубоко врезалась во вражеское расположение, смяла обозы, палатки. Ошеломленные неожиданностью и яростью удара, крестоносцы поспешно отступили к югу от города.

Тогда Жижка и сам оттянул свои силы в другую сторону, к северу.

Недалеко от Кутной Горы высился Каньк — крутой холм. Занять позицию на холме было излюбленным маневром Жижки.

Гуситов, ставших укрепленным лагерем на Каньке, окружили плотным кольцом крестоносцы. Их было втрое больше. Однако на штурм возовой крепости Сигизмунд не решился. Обложив холм своими отрядами, император решил взять Жижку измором. «В Праге это не удалось, но здесь, — думал он, — на голом месте, —

дело совсем другое».

Жижка не стал повторять у Канька жлутицкой обороны. Как только стемнело, он построил возы в боевую колонну и прорвался из окружения. Продвинувшись дальше к северу всего только на десяток гонов, вновь замкнулся в своих боевых возах.

Эти маневры слепого полководца были тонко рассчитаны: он искал ослабления военного духа противника, стремился подорвать его уверенность в своих силах и возможностях.

У неприятеля неизбежно должны были расти растерянность, убеждение в трудности борьбы с во-зовым ограждением. Прямые на него атаки под стенами Кутной Горы не удались, стоили немалых потерь. Там же слепой полководец показал, что возы таборитов способны обратиться и в грозное наступательное оружие. И теперь, у Канька, возовая колонна легко прорвала окружение.

Крестоносцами командовал итальянский кондотьер Пило ди Оцора. Очень не по душе были ему приемы таборитов. Атаковать возовое заграждение!.. Это словно бы ему приходилось голыми руками взять свернувшегося в клубок ежа.

Возовое укрепление таборитов.

— Чешское мужичье ничего не смыслит в честном рыцарском бою! — твердил этот наемник императора и папы.

Замкнувшись близ Канька, Жижка стал опять выжидать натиска крестоносцев.

Несмотря на большое превосходство своих сил, Сигизмунд

приказал, однако, пока не атаковать: император с часу на час ожидал подхода в свой стан новых сильных отрядов крестоносцев с многочисленными пушками и метательными снарядами. «С ними, — надеялся он, — победа будет обеспечена!»

Видя бездеятельность противника, Жижка мог бы теперь и сам перейти в наступление. Однако результат его представлялся сомнительным.

Тогда полководец Табора надумал провести противника. Он прибегнул к военной хитрости, обещавшей в случае удачи полный перелом всей кампании.

Его отряды, внезапно построившись в походную колонну, стали стремительно отходить на север.

— Бегут! Бегут! — возликовали крестоносцы.

Жижка был уверен, что Сигизмунд при данных обстоятельствах преследовать не станет. Действительно, император, вне себя от выпавшей вдруг удачи, запретил Пипо бросить вдогонку всадников.

— Сейчас, — заявил он, — лучше всего выждать!

Император объяснил своим военачальникам бегство Жижки простейшим образом: несомненно, у гуситов в войске вспыхнули внутренние раздоры. Из-за этого они неспособны больше противостоять в поле и отходят. Пройдет неделя-другая, и Чехия упадет к ногам крестоносцев, как созревший плод, — без усилий, без риска, без боев!

Во главе своего воинства император вернулся в Кутную Гору. В самом радужном настроении отпраздновал огромный кутногорский стан феодалов Рождество.

* * *

Тем временем отряды, отведенные Жижкой, вступили в Колин. Сразу же первый гетман Табора разослал по всем окружным деревням проповедников — звать крестьян в его войско.

— Седлаки, — призывали посланцы Табора, — настал грозный час! Слуги римского папы предали огню и мечу весь Чаславский край. Сгинули тысячи ваших братьев. Вас ждет та же участь, если вы тотчас же не станете в наши ряды, ряды «божьих воинов», которые бьются насмерть с насильниками и убийцами, с оруженосцами антихриста. Идите к нам — с цепами, вилами, рогатинами, идите не медля ни дня, ни часу! Тогда Жижка прогонит губителей нашего народа из чешской земли!

На зов Жижки крестьяне массами стекались в его колинский лагерь.

А Сигизмунд в пирах и забавах проводил дни свои в Кутной Горе, намереваясь итти прямо на Прагу тотчас после праздника Крещения. Для облегчения предстоящего дела он пустил в ход и дипломатию. Император направил своего посла в лагерь гуситов, чтобы убедить пражан немедля отделиться от таборитов и сложить оружие. За покорность император обещал им свою августейшую милость и забвение прошлого.

Посол, вернувшийся обратно ни с чем, принес Сигизмунду нежданную тревожную весть: в лагере гуситов сильное движение, отряды их готовятся в поход.

Выдвинув тогда крестоносные свои полчища вперед, Сигизмунд стал на полпути между Кутной Горой и Колином. Не успел он разбить здесь лагерь, как Жижка выступил ему навстречу. 6 января 1422 года обе рати стали друг против друга.

Жижка назначил общее наступление назавтра, на рассвете.

Но тут во вражеском стане с огромной силой разразилась паника.

Все действия Жижки, от первой встречи с крестоносцами у стен Кутной Горы, подготовляли такой упадок духа у противника. Пустив в ход свою проницательность и природную сметку, полководец Табора сумел поразить врага, потряс его резким переходом от беспечности и уверенности в уже одержанной победе к сознанию, что перед ним вдруг нежданно-негаданно возникла свежая, рвущаяся в бой, численно возросшая сила. А гуситов, пополнивших свои ряды крестьянами, было сейчас много больше, чем у Кутной Горы и Канька.

Крестоносцы были в смятении. Среди ночи из феодального лагеря стали уходить целые отряды. Рыцари спешили назад, на юг, подальше от «чешского мужичья», еще недавно бежавшего без оглядки, а сейчас полного боевого задора.

Паника быстро перекинулась в Кутную Гору. Сигизмунд, легко терявший голову, повелел чешским панам оборонять Кутную Гору, пока он будет отступать к Немецкому Броду со своими немецкими и мадьярскими рыцарями. Но чешские феодалы, отказавшись от этого, первыми бросились бежать по южной дороге.

Сигизмунд приказал тогда кутногорцам оставить их жилища. Факельщики подкладывали под каждую крышу облитую смолою солому.

Покидая пылающий город, император велел привязать за шею веревками к своим повозкам городских советников Кутной Горы: больше он им не доверял.

* * *

Весь день 7 января продолжалось дикое бегство крестоносцев к юту, в сторону Немецкого Брода, и стремительное преследование их войском Жижки. Весь путь от Кутной Горы до города Габры усеян был брошенными обозами.

Многое из того, что крестоносное воинство успело награбить за этот поход, пришлось ему в тот день оставить на заснеженных полях южной Чехии.

Жижка настиг отступающих у Габров. Половина сил Сигизмунда развернулась для боя, водрузив свои кресты и знамена на окрестных холмах. Остальные продолжали стремительное бегство.

Сам император, обуреваемый попеременно то страхом, то надеждой, держался поодаль. «Может быть, Жижка снова отойдет?!.»

Под звуки грозной песни ринулись табориты в бой:

Кликните клич боевой:
«На них! Вперед! На них!»
Оружие крепко держите!
«Бог наш владыка!» — кричите.
Бейте их, убивайте!
Ни одного не щадите!

Короткий, горячий бой — и тысячи тел устлали поле. Взмыленные, храпящие кони понесли уцелевших крестоносцев дальше к югу…

Дольше других у Габров дрались чешские паны. Но судьба их, как и участь сражения, была уже решена: кто не пал под цепами таборитов, был взят в плен.

Впереди обезумевшего от страха крестоносного воинства во весь опор скакал император Священной Римской империи. Он смертельно боялся теперь одного — попасть в руки Жижки.

Путь от Габров до Немецкого Брода — сплошное избиение подлых интервентов, убийц и грабителей.

Сигизмунд, переправившись через широкую Сазаву по мосту у большого торгового Немецкого Брода, даже не завернул в город. Сменив запаленную лошадь, он устремился дальше, прочь из Чехии, в Моравскую Иглаву.

Не менее стремительно бежал и Пипо ди Оцора, который вел за собой отряд в пятнадцать тысяч всадников.

Мост у Немецкого Брода был забит обозами, скотом. Ни один всадник пройти по мосту не мог. Знаменитый итальянский кондотьер набрался под Габрами такого страху, что пустился через реку по тонкому льду. Лед подломился, и тысяча всадников пошла с лошадьми ко дну. Пипо уцелел.

Весь обоз крестоносцев, какой удалось дотянуть до Сазавы — пятьсот сорок возов, груженных награбленным добром, — был брошен ими на этом водном рубеже.

Отступавшие со своими отрядами чешские паны с отчаяния решили попробовать отбиться в Немецком Броде, заселенном немцами.

9 января Жижка целый день обстреливал Немецкий Брод из своих пушек и метательных снарядов. Часть горожан, желавшая тайком покинуть город, приоткрыла ворота, надеясь уйти незамеченными. Этим воспользовались табориты.

Жижка старался сдерживать ярость своих людей, ворвавшихся во вражеское гнездо. У таборитов еще свежа была в памяти резня гуситов в Кутной Горе. Но даже и здесь город подожгли только после того, как вывели оттуда женщин и детей.

Второй крестовый поход, как и первый, кончился полным поражением сил феодалов, католиков и интервентов.

* * *

Назавтра после блестящей победы табориты в лагере, раскинутом под стенами сожженного Немецкого Брода, посвящали тех, кто отличился доблестью на поле брани, в народные всадники-рыцари[44]. Воины-крестьяне, не смевшие дотоле и помышлять о таком звании, даже взять в руки меч — это дворянское оружие, выходили теперь перед строем под сень знамен, взятых у противника:

— Ян Волк! Рискуя головой, ты отбил под Хлумом обоз у панских конников. Таборокая община посвящает тебя в народные рыцари!

Яна Волка опоясали мечом. Он получил установленный чином посвящения удар плашмя обнаженным мечом по правому плечу и поцелуй:

— Будь верен общине братьев Табора и божьей правде!

Вышел перед строем и слепой Жижка. Тридцать лет носил он звание рыцаря, полученное от господ…

Теперь принимал его во второй раз — от борющегося народа.

— Ян Жижка, ты опас мать нашу Чехию дважды от

вражеского нашествия, от гибели и поругания. Будь и дальше верен общине братьев и божьей правде!

А ночью в палатку Жижки ввели человека, прискакавшего к нему из Иглавы. Человек требовав немедленного свидания с таборитским гетманом. Часовые ввели его. Жижка спал крепким сном, завернувшись в медвежью шкуру.

— Я к тебе, Ян Жижка, от императора Сигизмунда!

— Чего нужно сейчас от меня антихристу! — сердито закричал разбуженный гетман. — Или мало он бит, что тревожит меня ночью?

Жижка поднялся и сел на жестком своем ложе:

— Ты «то? Подойди ко мне!

Слепец провел рукой по бородатому лицу, по одежде, ощутил мягкость кожи, бархат кафтана:

— Чешский пан?

— Моравский…

— Говори, что нужно?

— Я прошу тебя наедине…

— Нет у меня разговоров наедине со слугами дьявола!

— Не бранись, рыцарь, я к тебе по важному делу…

— По важному делу! — буркнул Жижка. — Пощупай, Ярослав, его карманы и выйди, — приказал он брату.

— Ну, что принесло тебя в ночи? Почему не дождался утра? По ночам ходят с нечистыми делами. Имя твое?

— Ты «меня не знаешь, рыцарь Ян. Император, король венгерский, поручил мне передать тебе его восхищение. Так, как ты, еще никто не умел поразить сильнейшего вчетверо противника!

Жижка тут зычно рассмеялся:

— Что, небось, до сих пор еще мутно в голове у твоего… императора и короля?!

Пан сделал вид, что не расслышал:

— И вот, восхищенный ратным твоим искусством, император и король хочет протянуть тебе, рыцарь Жижка, руку примирения.

— Примирения?! Что ж, я примирюсь, если только антихрист, то бишь твой король, останется сидеть у себя в Буде! Пусть забудет навсегда о чешской короне, и я забуду о нем. Чего проще! Полный мир!

— Нет, ты выслушай, чего хочет император и король, восхищенный ратным твоим умением. Все, Жижка, удается тебе по твоей воле! Все! Так вот, — моравский пан склонился к уху слепца, — король Сигизмунд предлагает тебе блистательный пост Наивысшего бургграфа королевства чешского.

— Что?! — повысил голос Жижка.

— …и верховного капитана всех его войск, — шептал горячо пан, — в Чехии, Венгрии и всей империи…

— Что?! — еще громче крикнул слепец.

— …и десять тысяч коп добрых пражских грошей. Подумай: замки, богатство тебе и твоему роду. Приведи только Чешское королевство к послушанию законному королю! Ты ведь служил при дворе короля Вацлава, ты дворянин. С тобой император Сигизмунд возьмет Польшу, прогонит турок. Французское королевство будет наше! Ты все сможешь. Подумай, рыцарь Ян. Не говори «нет», подумай!..

Жижка ладонями оперся на колени, минуту сидел с разинутым ртом, затем разразился смехом. Из его мощной груди вырывались громоподобные раскаты, сотрясавшие воздух, колебавшие полы палатки.

Моравский пан недоуменно поднял брови, потом побледнел, съежился. А Жижка все хохотал без удержу. Наконец, утомившись, перевел дух и крикнул:

— Эй, Ярослав, уведи прочь этого пса! Уведи посла императора и короля! А не то, богом клянусь, он оставит свою подлую шкуру здесь, в палатке под Немецким Бродом!

XXI. СМЕРТЬ ЯНА ЖЕЛИВСКОГО

В середине января 1422 года Прага встречала победоносное чешское войско. Народ пражский чествовал слепого вождя таборитов, ближайших его соратников в походе — Збынка из Буховца, Яна Рогача и пражского воеводу Яна Гвезду.

Народные увеселения длились несколько дней. Затем жизнь вошла в обычную колею.

Как и прежде, с осуждением глядели крестьяне-воины на легкие нравы и роскошную жизнь богачей «нового Вавилона». По-прежнему метал против них громы с кафедры Снежной богоматери Ян Желивский. Он настойчиво призывал теперь народ пражский отдать власть в столице «честным людям» — ставленникам городских низов и ремесленников. Желивский обвинял городских советников в присвоении имущества католиков, бежавших из Праги. Советники и их богатые друзья поделили это имущество между собой, а беднякам не досталось ничего.

Будоражившие народ выступления Желивского очень беспокоили заправил города. Они понимали, что жизнь их будет оставаться трудной и тревожной до тех пор, пока не прекратятся зажигательные речи пламенного проповедника.

После победы над внешним врагом богатое пражское бюргерство ничего так не жаждало, как положить конец власти Желивского над массами бедного столичного люда. Только тогда могли бы новые богачи столицы освободиться от тревог и неуверенности в завтрашнем дне, закрепить за собой огромные свои приобретения.

Первый удар по Желивскому нанесен был, когда городские советники, уже после ухода Жижки и его отрядов из Праги домой на Табор, сместили поставленного Желивским воеводу Яна Гвезду, заменив его паном Гашком Островским. Это был коварный ход. Пан Гашек был покладистый, неразборчивый в средствах дворянин, — как раз такой, какой нужен был бюргерам для замышляемой ими расправы над Желивским и идущими за ним плебеями столицы.

Узнав об отстранении Гвезды, плебейское население Праги вышло на площади, закричало об измене. А речи и проповеди Желивского стали еще яростнее.

Но плебеи столицы не имели голоса в городских делах. «Плебеи, — пишет Энгельс, — в это время были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они

стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их жизни даже не соприкасались с существующими учреждениями, которые их совершенно игнорировали»[45]

Эти недавние выходцы из деревень, заселявшие окраины Нового города, инстинктивно тянулись к Желивскому и Табору. Желивский уже свыше года вел борьбу против богатых заправил столицы. За ним шли не только городские низы, но и значительная часть ремесленников Нового города.

* * *

9 марта 1422 года Желивского вызвали в ратушу Старой Праги. Проповедник вошел в зал заседания. Советники пригласили его занять место за столом. Один из них обратился к пришедшему:

— Добро пожаловать, дорогой Ян! Мы побеспокоили тебя — нам нужен твой совет насчет военных дел. Как ты думаешь, куда лучше всего бросить силы столицы — в Моравию или, может, на помощь таборитам? Они дерутся сейчас с плзеньским католическим союзом у Красикова.

Желивский ответил:

— Нам всего лучше штурмовать сейчас Градек, взять ело, а йотом отрядить всадников и пеших к Красикову, на помощь Жижке.

Бургомистр переглянулся с советниками.

— Твой план, дорогой Ян, как раз такой, как и наш!

По знаку бургомистра в зал позвали нескольких биричей.

— Беги во всю мочь, — приказал бургомистр одному из них, — зови скорей нашего гетмана, пана Гашка! Скажи ему, что Желивский уже здесь. А вы, — обратился он к остальным биричам, — покличьте вот этих, по списку…

Вскоре в зал вошел Гашек Островский.

— Пан гетман, — обратился к нему один из советников, — Ян Желивский согласен с нами насчет будущего похода.

Затем к Желивскому:

— Дорогой Ян, мы послали за твоими друзьями. Они придут сейчас. Уговори их примириться с нами, прежде чем мы выступим в поход.

— Если вы хотите единения в общине пражской, — ответил Желивский, — не отнимайте домов, виноградников у тех, кому отдала их раньше община. Не гоните от себя таких преданных слуг, как Ян Гвезда! Иначе, вместо единения, еще возрастут у нас горечь и раздражение. Скажи мне, пан Гашек, — обратился он к Островскому, — если вот ты будешь служить общине пражской верой и правдой, а тебя прогонят с позором, каково тебе будет? Примешь с легким сердцем?

— Конечно, нет! — ответил Островский.

— Почему же ты глядишь спокойно, когда поступают так с другими?

Островский в сердцах отвернулся, вышел из зала.

Через минуту вошли вызванные друзья Желивского. Следом за ними ворвался рыхтарж с палачами.

— Сдавайтесь! — завопил он. — Вы не выйдете живыми отсюда.

Палачи тут же принялись орудовать дубинками, хватали людей и вязали им руки.

Это была подлейшая засада, беспримерная в гуситской Чехии.

Двое подступили к Желивскому, который пошел навстречу своим друзьям.

— Не трогайте меня, — спокойно отстранил палачей Желивский. — Я знаю, чего вы хотите!

Заговорил бургомистр:

— Ничего не поделаешь, Ян, так нужно!

— Одумайтесь, советники! — воскликнул Желивский, подойдя к столу, за которым восседало восемнадцать богатейших бюргеров — правителей Праги, — мне жизнь с вами немила… смерти я не страшусь. Но что станет со столицей после моей казни!

— Кончайте дело! — вместо ответа крикнул палачам бургомистр.

Заговорщики торопились. Желивского и девять ближайших его приверженцев одного за другим вывели во двор ратуши и обезглавили.

Весть о страшном злодеянии, совершенном богачами столицы, быстро облетела Прагу. Ударили в набат. Несметная толпа осадила ратушу. Гетман Гашек пытался успокоить возбужденный народ:

— Вы что всполошились! С Желивским ничего плохого не случилось!..

— Убийца! Предатель! — неслось ему в ответ. — Если Желивский жив, покажи нам его!

На воеводу бросились с топорами. Он едва успел ускакать.

По крыше, через окна, проникли друзья убитого в забаррикадированную ратушу. Через минуту один из пражан потрясал перед онемевшей от ужаса и скорби толпой окровавленной головой Желивского.

Так погиб от руки пражских богатеев один из крупнейших вождей гуситского движения в Праге, подлинный друг обездоленных, пламенный борец за освобождение городского люда от власти жадных эксплуататоров-толстосумов.

Пока хоронили казненных, в столице было спокойно. А затем пражская беднота принялась сводить счеты с заправилами города.

В те бурные дни пражский народ сжег много патрицианских хором, казнил ненавистных ему городских советников. «Тогда, — рассказывает летописец, — город пострадал больше, чем за все время осады его королем Сигизмундом с войском больше ста тысяч». Но летописец забыл тут добавить, что на этот раз пострадали только богатые и власть имущие.

Восставший народ избрал новых советников — сторонников Яна Желивского. Народные массы держали власть в Праге всего два месяца — до прибытия в столицу наместника Витовта, князя Сигизмунда Корибутовича. Корибут[46] вступил в Прагу 16 мая 1422 года во главе сильного польского отряда. Одним из первых его дел было усмирение восставших и восстановление в Праге власти богатого купечества.

Предательское убийство Желивского и последовавшее за ним падение влияния плебеев на управление столицей углубило пропасть между Табором и Прагой.

XXII. ПРАВЛЕНИЕ КОРИБУТА

Никто никогда не оспаривал военного гения Яна Жижки. Злейшие его враги, католические летописцы XV и XVI веков, со скрежетом зубовным признавали, что слепой полководец, не зная поражений, громил армии католиков и феодалов, превосходившие числом его собственные рати в три, пять и десять раз. Ученые монахи упорно искали возможности развенчать военную славу неугодного им героя. Мастера на выдумки, доминиканцы и иезуиты только и сумели придумать: бесчисленные победы добыты военным гением, данным Жижке не богом, а дьяволом, с которыми слепец заключил союз, запродав свою душу владыке преисподней.

По католическим летописям растеклась грязным потоком повторяемая несчетное число раз легенда о кровожадной свирепости вождя таборитов, о бессмысленных массовых убийствах, совершенных якобы ради удовлетворения его зверских инстинктов.

Постоянно повторяя эти басни, враги Жижки пытались унизить его в глазах народа.

Но чехи начисто отвергли эту поповскую оценку своего героя. В народе хранилась всегда и жива поныне, вот уж больше пяти веков, иная память о Жижке — грозном воителе, беспощадном к панам и утеснителям-чужеземцам, но преданном, бескорыстном, самоотверженном друге и заступнике народном.

С любовью покажет чешский крестьянин путнику камень, на котором, по преданию, сидел перед боем «наш Жижка», на холм, где, по народной памяти, стояли возы Жижки. И в коротком звучании имени героя, произносимого крестьянскими устами, всегда тесно слиты преклонение и любовь.

Многовековые усилия церковников так и не сумели вырвать из сердца народа память о лучшем его сыне.

Военная одаренность Жижки многогранна. Он был несравненным тактиком средневековой народной войны, прозорливым ее стратегом. Жижка замечателен и как военный организатор, первый из европейских военачальников наметивший путь от феодальной военной организации к армии нового времени.

Военный гений Жижки, создавший ему немеркнущую в веках славу, общепризнан и бесспорен. Какова была сила Жижки-политика? На плечах первого гетмана Табора лежала тяжесть руководства мощным крестьянским движением. Он определял

ближайшие и дальние его цели, выбирал союзников, распознавал врагов. Как справился он с этим?

Время пощадило лишь немногие памятники таборитского движения, и они не позволяют дать на это полный ответ. Все же несколько основных выводов из них сделать можно.

Прежде всего — никто, как Жижка, не видел всей сложности и неизбежной длительности борьбы, поднятой Табором против внутренней феодальной реакции и чужеземной католической интервенции. Он был полководцем, и глубокое понимание движущих сил народной войны диктовало многое в его политических действиях.

«Все для конечной победы!» — так можно определить поведение Жижки как политического деятеля. Чтобы облегчить Табору непомерно трудную борьбу, Жижка всегда искал союзников, стремясь как можно дольше сохранить если не союзные, то хотя бы параллельные действия с могущественным блоком бюргерских сил — с пражанами и даже с панами-«подобоями».

Соглашения с пражскими бюргерами не раз бывали ему в тягость. Оправданием их в глазах Жижки были блестящие победы над феодальными полчищами первого и второго крестовых походов. Он считал, что, действуя порознь, обе ветви гуситства едва ли могли бы избежать в этих войнах поражения.

Такая политика Жижки была не по душе многим на Таборе. Первым восстал против нее Николай из Гуси. Руководимые им левые табориты видели и другую возможность: военную помощь народным низам Праги для установления совместными силами власти плебеев в столице и дальнейший тесный военный союз народной Праги и Табора.

Но Жижка, не веря в эту возможность, не давал своего согласия на решительные действия в этом направлении.

После смерти Николая из Гуси Жижка наталкивался на все возрастающее, хоть и глухое, недовольство многих левых таборитов. Они требовали от первого гетмана, во имя народного движения, немедленной бескомпромиссной борьбы с богатеями Праги. Но он на это не шел.

Жижка видел, как быстро растет Табор. Он был уверен: придет время, и восставшее чешское крестьянство, объединенное в Таборе, вырвет у пражских бюргеров гегемонию над Чехией. Пока же он считал более политичным итти по пути соглашений.

Как показали дальнейшие события, такая выжидательная тактику не была достаточно прозорливой.

Все же и на этом пути соглашений для Жижки существовал рубеж, через который он не мог и не желал переступать. Ведь

бюргерская Прага, паны-«подобои» нужны были ему, как союзники против внутренней католической реакции и иностранной интервенции, против сил, во главе которых стоял «антихрист» — император Сигизмунд.

В интересах расширения коалиции в борьбе против внешней опасности Жижка встал на путь поддержки пражан в вопросе о приглашении в Чехию короля из соседней славянской Польши.

Польское королевство с 1385 года значительно расширило свое влияние благодаря унии с великим княжеством Литовским.

Внешняя политика Польши и Литвы в отношении гуситской Чехии была единой и направлялась всегда из Кракова королем Ягайлой.

Глубоко в память Жижки врезалось боевое содружество славянских народов на Грюнвальдском поле. Он надеялся на возрождение этого содружества сейчас, когда смертельная опасность грозила уже не Польше, а Чехии.

Польский король Ягайло и великий князь литовский Витовт еще продолжали борьбу с недобитым Тевтонским орденом. Нетрудно будет, рассчитывал Жижка, склонить польского короля к союзу с гуситской Чехией: главным врагом Чехии был император Сигизмунд, первый покровитель ордена.

Польский король, а за ним и литовский великий князь на предложения им чешского трона долго отделывались двусмысленными ответами. Жижка полагал, что причина такой нерешительности в католическом правоверии Ягайлы и Витовта. Когда же Витовт согласился, наконец, принять чешскую корону, Жижке казалось, что последнее препятствие снято с пути сближения и военного союза двух западно-славянских стран.

Но Жижка не разглядел основного: свое отношение к Чехии польский король Ягайло обратил в разменную монету в переговорах с императором Сигизмундом. Здесь Жижка совершил политический просчет: его честные надежды на прочный военный союз гуситской Чехии с польским королем не оправдались.

* * *

Весной 1422 года литовский великий князь Витовт объявил о принятии чешской короны и о том, что временным наместником в Праге будет его племянник Корибут.

Корибут стал набирать дружину, чтобы во главе ее отправиться в гуситскую Чехию. В Польше и в Червоной Руси началось тогда сильное движение, ясно показавшее, как горячо

принимают к сердцу крестьяне и мелкое дворянство борьбу чехов с немецкими феодалами. В короткое время

В Краков стянулось пять тысяч вооружённых всадников, пеших копейщиков и лучников, чтобы итти на помощь гуситам. Их число возросло бы во много раз, если бы только обеспокоенный этим Ягайло не приказал прекратить вербовку.

Еще находясь в пути из Моравии, наместник Витовта Корибут обратился к чешским панам, к Праге и другим городам с призывом прекратить внутренние распри. Писал он и Жижке, позволяя себе при этом увещевать первого гетмана, дважды спасшего Чехию от католического погрома, «не разорять и не губить страны».

Жижка не желал оставить такую дерзость безнаказанной и тотчас ответил Корибуту весьма резким письмом.

Ознакомившись с чешскими делами, князь, видимо, сразу сообразил неуместность своих поучений. Уже будучи в Праге, Корибут всячески старался загладить свой промах.

В это время по немецким княжествам начал разъезжать кардинал Бранда: все еще не угомонившийся Мартин V затевал третий поход на гуситскую Чехию. Жижка, зная об этом, решил пойти навстречу желанию наместника уладить отношения с Табором.

Первый гетман посетил Прагу, виделся там с Корибутом. С тех пор князь стал называть Жижку «отцом», а Жижка Корибута — «паном сыном».

Более того, первый гетман обратился к пражанам с письмом, извещавшим их, что союзные Табору города, гетманы и все его общины и братства признали князя Корибута своим «главным союзником и правителем Чехии».

Многие на Таборе были совершенно не согласны с решением «повиноваться князю и честно помогать делом и советом во всех делах управления». Но в ответ на это Жижка указывал недовольным на готовящийся новый крестовый поход на Чехию.

* * *

К осени 1422 года Табор был уже могучей силой. В союзе с ним находились теперь не только городские общины юга — Писек, Клатовы, Домажлицы, Сушицы, Прахатицы, Водняны, Гораждьовицы, но и богатые города севера — Жатец, Лоуны.

В прилегающих к этим городам сельских местностях крестьяне освобождались от феодальных оброков и барщины,

которыми они обязаны были прежде монастырям, церковным капитулам и панам-католикам. Городские ремесленники, торговцы, крестьяне, живущие в этих пространных районах, чрезвычайной военной податью пополняли казну Табора, поставляли продовольствие и оружие таборитскому войску.

В то же время разделение таборитских общин на домашние и полевые стало устойчивым. Лишь очень редко, в случаях большой военной опасности, брали в войско и крестьян из домашних общин. Домашние таборитские общины обязаны были помогать полевым продовольствием и вооружением.

Жижка добился слаженной работы большого и сложного механизма, весьма своеобразной «военной республики»[47].

Но как ни велики были заслуги Жижки перед народным таборитским движением, военный вождь Табора постепенно терял над ним контроль.

Когда споры касались вопросов веры, Жижка действовал с крайней решительностью. Но несогласия скоро перешли в область, где добиться повиновения было очень трудно. Как относиться к Корибуту? Не пора ли таборитам попытаться захватить Прагу?

Среди гетманов и Старших Табора мнения все чаще и чаще расходились.

Два новообращенных таборита, Ян Гвезда и Богуслав Швамберг, получили большое влияние на Старших, проповедников и воинов братства.

Оба военачальника настаивали на немедленном походе на Прагу, откуда все чаще доходили вести, что Корибут готовит удар по Табору. В столице он беспощадно преследовал всех, кто был дружен с Желивским или когда-либо держал сторону таборитов.

В Праге среди ремесленников и городской бедноты оставалось еще много тайных друзей казненного Желивского. Они призывали былого своего гетмана Гвезду, обещали ему поддержку. Дело казалось верным и легким: Корибута уже четыре месяца не было в столице — с пражскими войсками он осаждал королевский замок Карлштейн. Это был наиболее удобный момент для оказания помощи левому крылу пражан.

Жижка не давал согласия на выступление против столицы, считая его опасным и несвоевременным. Наперекор его воле табориты все же снарядили возовую колонну, правда, недостаточно сильную, и выступили в сторону Праги в конце сентября 1422 года.

«Когда князь Корибут, — повествует старая чешская летопись, — вместе с пражанами осаждал Карлштейн, таборитские военачальники Богуслав Швамберг и Ян Гвезда

сделали попытку с отрядом таборитов взять Прагу с налету. Они вышли тайно в поход и добрались до Праги».

Поход закончился неудачей: табориты не получили достаточной поддержки от плебейских элементов Праги. Понять это нетрудно: слишком свиреп был в летние месяцы 1422 года бюргерский террор над этой частью населения столицы.

В эти дни, по-видимому, впервые у Жижки зародилась мысль отделиться от Табора.

* * *

По воле папы Мартина V немецкие князья собрались в Нюренберге, где летом 1422 года заседал рейхстаг. Жалкий конец двух крестовых походов заставлял Рим искать теперь иной военной тактики. Наряду с рыцарским ополчением папские советники настойчиво рекомендовали немецким князьям направить против непокорных чехов сильные отряды пеших наемников.

Кардинал Бранда требовал денег от городов империи и князей. Сиятельные депутаты высокого собрания предлагали ввести особый налог — по пфеннигу с сотни[48]. Но такой налог всей своей тяжестью лег бы на купечество. Оно на это не соглашалось. В конце концов порешили, что каждый князь и каждый город выставят в поле известное число наемников и будут сами их содержать.

Но те, кто обязан был нанять людей и дать золото, шли на жертвы весьма неохотно. Всякий оглядывался на соседа, боялся переплатить. Да и поражения на полях Чехии были еще очень свежи в памяти.

Широко задуманный Римом новый, третий поход казался «внушительным» и «решающим» только в документах кардинала Бранды.

Встречая в немецких княжествах лишь «прохладный энтузиазм», папа и император обратили взоры к Польше.

Сигизмунд, напутанный наместничеством Корибута, готов был пойти на большие уступки Польше, лишь бы заставить ее отозвать литовского князя из Праги.

В конце ноября 1422 года состоялась встреча послов польского короля с послами императора. Сигизмунд проявлял необычную уступчивость. Этого только и нужно было Ягайле и Витовту. Их интерес к чешскому трону сразу упал. Витовт приказал Корибуту немедленно покинуть Чехию, а Ягайло

обязался примкнуть к походу против гуситов.

При свидании императора и польского короля весною 1423 года Ягайло обещал выставить большое крестоносное войско и повести его на Чехию. Он рассчитывал собрать в Польше для этой цели тридцать тысяч крестоносцев. Но когда приступили к вербовке, на призыв короля явилась лишь горстка людей, — мало кто в Польше пожелал помогать германскому императору против славянской Чехии. Чувство дружбы польского народа к чешским гуситам оказалось сильнее приказов короля.

В планах папских стратегов значились грозные рати: союз католических панов Чехии и Моравии, венгры под началом императора Сигизмунда, войска силезского герцога, многочисленные хоругви австрийских рыцарей и наемников, четыре тысячи бойцов из Саксонского герцогства, наемники и рыцари мейссенские, тридцать тысяч поляков и литовцев во главе с королем Ягайлой.

Короли шведский и датский, герцоги Лотарингский и Савойский также обязались выставить в поле своих крестоносцев.

Римский папа Мартин V ликовал, надеясь потопить в крови чешский народ.

«Весной 1423 года мы были полны радужных надежд, — сообщил он, — мы возликовали даже, мы видели такие многообразные и столь обширные военные приготовления для окончательного истребления или обращения чешских еретиков! Нам казалось, что победа уже у нас в руках. Все недоразумения между императором и королем Польши, а также князем Литовским были улажены. Их заменило взаимопонимание, от которого в полной мере зависела победа, ибо эти венценосцы должны были наступать на Чехию совместно. В империи повсюду будили христианский дух проповедью крестового похода. Нас известили, что король датский готовился погрузиться со своими ратями на корабли и переплыть море, чтобы присоединиться к священному походу. Наши послания, приказы императора и обращения нашего легата призвали князей, прелатов и народы истребить заразу, поразившую церковь. Мы знали, что герцог австрийский готов вторгнуться с многочисленным воинством в Моравию, а маркграфы мейссенские снаряжаются в поход. Все давало нам основание надеяться и ликовать! Мы не сомневались, что такое огромное войско истребит еретиков.

Но когда мы затем узнали, что король польский не явился, а король датский вернулся назад к себе, что пыл немцев остыл, что все святые увещевания и стремления были напрасны и все столь огромные военные приготовления кончились ничем, мы были поражены, и нас охватил страх, мы потеряли всякую надежду,

погрузились в печаль и испытывали несказанную боль».

Римский папа Мартин V испытывал «несказанную боль», тосковал: ему не удалось осуществить свой разбойничий план, рассчитанный на истребление всего чешского народа.

Причину неудачи Мартина V понять нетрудно: в католической Европе успели основательно узнать, как крепко колотят по головам чешские крестьянские цепы. Узнали и о возах-крепостях.

Повсюду рассказывали о делах на Витковой горе и у Немецкого Брода:

— Он жив еще, тот слепой чех? Ну, если он поведет своих мужиков, лучше туда не соваться. С ним сам чорт зубы сломит! Год целый буду поститься, надену власяницу, босиком пойду в Рим. Не убоюсь сарацинских корсаров, поплыву в Ерусалим. А в Чехию не пойду!

XXIII. ЖИЖКА ПРОТИВ ПРАЖАН

Ранней весной 1423 года на площади Табора собрался Великий сход братства. К народу обратился Жижка:

— Братья и сестры! Верные люди донесли мне, что пан Розенберг жалуется императору, что, мол, таборокие очень окрепли и день ото дня все усиливаются. Видно, пошла вельможному пану впрок наша наука! Да и как ей не пойти впрок, когда от Вожиц и до Крумлова, от моравской границы до Сушиц — ни одного не погромленного замка, ни крепости, ни панского города, ни уцелевшей панской копны, ни стада… Сейчас от пана Ульриха Табору долго не будет помехи! Я и надумал, братья, что приспело время задать трепку и подлому, вероломному пану Ченку Вартемберкскому. Он сейчас — правая рука пражских советников и все норовит перетянуть их к королевским. Я пойду на Ченка! Отсюда со мной выступит, кто пожелает. Пойдем сначала на восток, к Чаславу, а оттуда на Лабу, к Градцу. Там я и обоснуюсь!

— Обоснуешься?! — перебил Николай из Пельгржимова, епископ таборский. — Ты что ж, брат Ян, покинуть нас задумал?!

Толпа загудела, задвигалась. Слепец поднял обе руки, призывая сход к спокойствию:

— Есть у вас, братья, неприступный Табор, есть и доброе войско. Никто сейчас не одолеет Табора, да и друзей его — Писка, Домажлиц, Сушиц. Не одолеет, пока вы и братья в союзных общинах способны держать в руках цеп и в силах метнуть камень, пока каждый из вас, кому только не препятствует старость или малолетство, готовы каждый час биться за правду божью! Мы били панов и их чужеземных приспешников, когда сражались, — помните как: малые против больших, горсть против множества, безоружные против вооруженных. Вам ли не отбиться теперь, когда войско Табора обрело грозную силу?!

— Раз так, к чему же уходишь, брат Ян? — воскликнул Богуслав Швамберг.

Забравший влияние в общине, Швамберг глубоко почитал Жижку, хоть и не сходны были их планы и нередко между ними возникали споры. Швамберг искренно не желал ухода с Табора слепого полководца.

— Да разве только на полудне нужна наша народная сила? А на востоке, у Часлава? А на полуночи, у Лабы?.. Хочу поставить на Лабе меньшой Табор, вторую нашу опору. Мы будем, как два брата, вот как я и брат мой Ярослав, неразлучны…

— А здесь без тебя кто останется головою?! — выкрикнул снова Швамберг.

— Что ж, ты и будешь в Таборе головою, брат Богуслав, если Великий сход того захочет.

Затем, отвесив поклоны на три стороны, Жижка произнес:

— Бью челом перед Великим сходом за брата Богуслава!

Швамберг был выбран в гетманы.

* * *

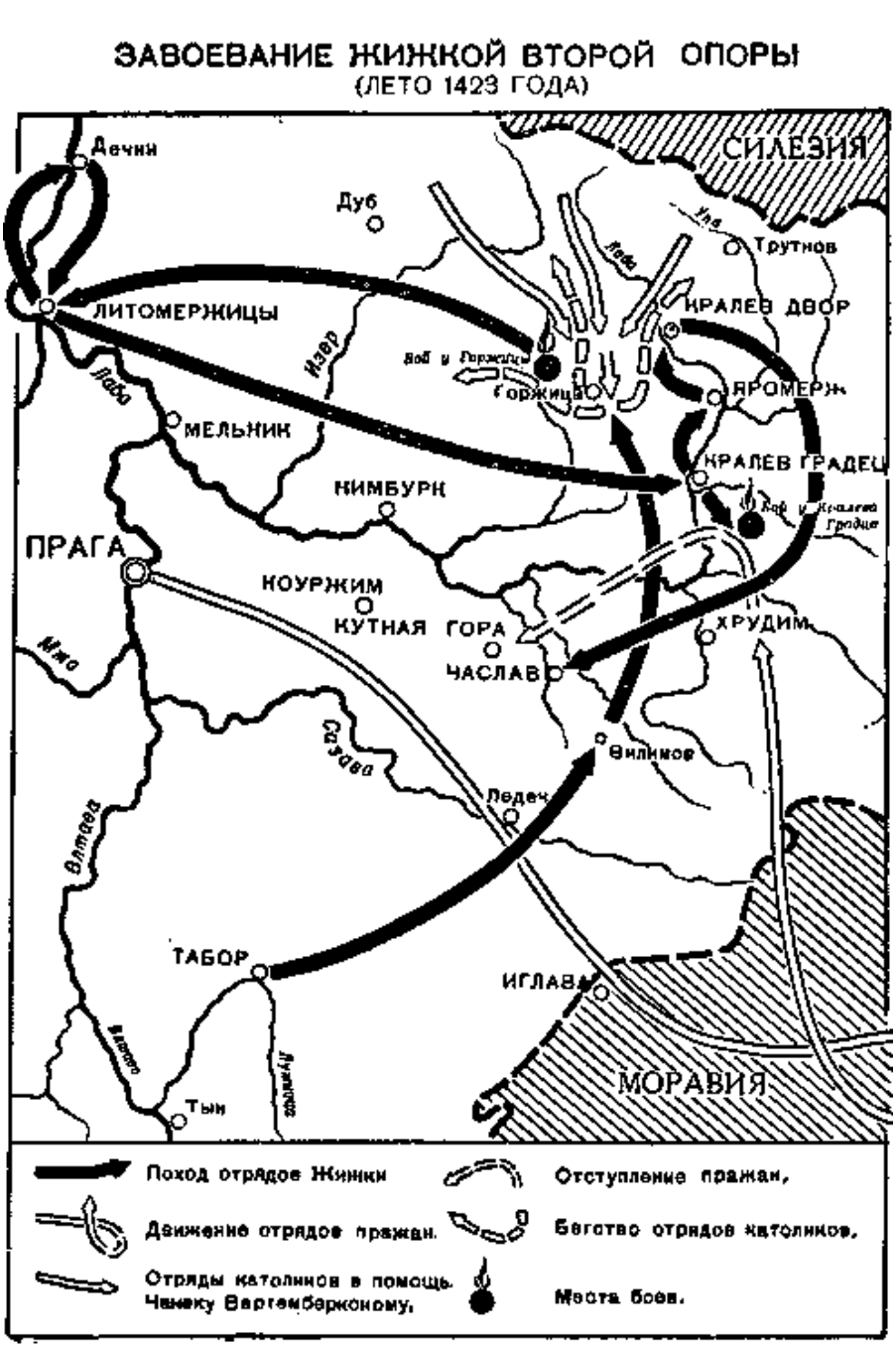
На решение Жижки покинуть Табор повлияли прежде всего споры среди братьев, управлявших делами общины. Но Жижкой руководили и стратегические расчеты: желание основать на Лабе вторую народную крепость и прикрыть ею север и восток Чехии. С общиной Табора он договорился о том, что старое войско и новое, которое он создаст на меньшом Таборе, будут выступать в поле совместно.

В конце марта 1423 года с несколькими сотнями воинов и небольшой возовой колонной Жижка выступил из Табора, чтобы никогда уж больше туда не возвращаться.

Вскоре он пришел в город Вилемов в восточной Чехии. Отсюда обратился с призывом к крестьянам Чаславского и Градецкого краев итти на борьбу с панами.

Как то не раз бывало и раньше, имя слепого полководца тотчас подняло народные массы. Вокруг таборитского ядра выросли свежие отряды.

Из Чаславского края Жижка двинулся на север, в сторону владений Ченка Вартемберкского. По пути, в Градецком крае, к нему присоединились вооруженные крестьянские отряды дружественного Табору Оребитского братства.



Пан Ченек метался по Литомержицкому и Болеславскому краям, от замка к замку, от города к городу, ища союзников. Собрав несколько хоругвей рыцарской конницы, он повел их против Жижки.

Слепец прибегнул к излюбленной своей тактике — стал

отходить, словно бы уклоняясь от боя, будто неуверенный в своих силах.

Отступающая возовая колонна вышла 20 апреля к возвышенности, на склоне которой стоял небольшой городок Горжица. Возле городка поднимался крутой холм. На его вершине Жижка построил свое возовое ограждение.

«Железные паны» поначалу задумали добраться до Жижковой крепости верхом и овладеть ею с налету. Но кони под ними скользили, падали, срывались. Тогда рыцари оставили коней у подножья горы, а сами, в тяжелых доспехах, с копьями, увешанные секирами и мечами, двинулись наверх.

Приступ на крутизну в двухпудовой броне под жарким весенним солнцем — дело нелегкое. Добираясь до возов, рыцари изрядно уставали. Последовавшие затем бесплодные атаки совсем подорвали их силы. Тогда на атакующих набросились выступившие изнутри ограждения цепники и судличники.

Пан Ченек подбадривал своих латников, рубившихся во встречном бою. Но самые горячие его призывы не могли уже спасти проигранного дела.

Не прошло и часу, как рыцари побежали вниз, к подножью холма, оставив Жижке все свои пушки, весь обоз. Сам Ченек едва спасся. Из Горжицкого побоища ему удалось вывести лишь малую часть своих людей.

* * *

С того дня крестьянские отряды стали хозяевами всего севера. Литомержицкий и Болеславский края, до тех пор еще не затронутые народным движением, забурлили крестьянскими восстаниями. Паны-католики, бросая поместья, искали себе спасения в стенах Праги или в соседней Чехии стране — Горной Лужице.

К Жижке подошли вскоре свежие отряды с Табора. Их привел гетман Богуслав.

Соединенное народное войско подступило в середине июня к Литомержицам. Пражский гетман этого важного торгового и ремесленного города, пан-«подобой» Гинек Колштейн, сдал город таборитам.

От Литомержиц Жижка прошел вдоль Лабы в северную сторону, занял Дечин и готовился уже ударить на Будышин, находящийся в Горной Лужице. Но важные события у Кралева Градца заставили слепого полководца поспешить совсем в другую

сторону, на юго-восток, к этому городу на верховьях Лабы.

В своих планах Жижка давно уже наметил обратить именно Градец во вторую народную крепость. Громя католические гнезда во всей округе, он ни разу не сделал попытки атаковать Градец, рассчитывая овладеть этим ключом северной Чехии без боя. Расчет его оказался верен.

Летом 1423 года пражские бюргеры задумали занять своими военными силами Моравию. Во главе сильных войск поставили они пана-«подобоя» Дивиша Милетинского, бывшего до того гетманом от Праги в Градце, откуда управлял он и рядом других городов — Яромержем, Хрудимом, Кралевым Двором. Это был умелый военачальник.

Когда пан Дивиш покинул Градец, чтобы вести пражские войска в Моравию, оребиты, братство которых, находилось на ближней к городу горе, тотчас послали за Жижкой. Не успели отряды слепого полководца показаться у стен города, как восставшая там городская беднота раскрыла перед Жижкой ворота.

Так Жижка получил в свои руки сильно укрепленный Кралев Градец, ключевую стратегическую позицию.

Весть о захвате города Градец как громом поразила советников и военачальников Праги. Для пражского бюргерства и гуситского панства потеря Градца была так опасна, что они тотчас прервали удачно начатый моравский поход и повернули свои рати назад: пражане решили отбить Градец у Жижки.

В большом пражском войске, двигавшемся теперь с востока на Градец, помимо Дивиша Милетинского, находились виднейшие паны-«подобои»: Гашек Островский, Гинек Крушина, Ян Кунштатский — лучшие панско-бюргерские военачальники.

Жижка вывел своих бойцов в ближние окрестности Градца, ожидая там подхода войска, втрое более многочисленного. Накануне сражения, развернувшегося 4 августа, Жижка отослал домой таборитов. Таким образом, в этом боевом испытании предстояло принимать участие одним лишь силам Малого Табора.

Это была серьезная проба сил между Жижкой и пражанами, между бюргерством и восставшим крестьянством. Впервые сражалась «чаша против чаши» — гуситы против гуситов.

Во многих прежних боях с крестоносцами и панами-католиками Жижка побивал своих противников новизной боевых средств и тактических приемов. Теперь против крестьян Жижки стояло войско, хорошо знакомое с боевыми возами, само имевшее их. Тарасницы, гоуфницы, ручницы — всем этим располагала та и другая сторона.

В ходе этого сражения возовая колонна Жижки в боевом строю врезалась в расположение пражан. Это сразу внесло беспорядок и расстройство в бюргерское войско. Воины Жижки всей силой ударили на группу противника, отколотую их возами. Пражане не выдержали натиска, дрогнули и увлекли за собой всю массу своих соратников.

Тут началось преследование, стоившее пражанам кровавых потерь. Многие попали в плен, еще больше полегло.

Борьба завершилась вскоре перемирием между Жижкой и пражанами.

XXIV. ВОЕННЫЙ УСТАВ ЖИЖКИ

История донесла до нас замечательный документ эпохи гуситских войн, как в зеркале отразивший высокое моральное и организационное превосходство восставших народных масс Чехии над их феодальным противником. Это военный устав, написанный Жижкой. Устав представлял собой как бы конституцию военного крестьянско-плебейского братства — Малого Табора.

В нем говорилось не только о том, какой должна быть, по мысли Жижки, народная крестьянская армия, борющаяся с панами и чужеземными интервентами, но и о том, какой она была в действительности.

В этом большая историческая ценность документа, который только по недосмотру католической церкви и ее монашеской жандармерии не был уничтожен и дошел до нашего времени.

Насколько глубоко реформировал Ян Жижка этим уставом всю средневековую военную организацию, лучше всего можно понять, если представить себе ясно нравы и порядки, господствовавшие у противной стороны — в феодальном войске.

Самым характерным для феодальной армии было отсутствие сознания воинского долга и дисциплины. Свободные рыцари были связаны с войском лишь доброй своей волей. А рыцари-наемники обычно соглашались итти в бой только после выплаты им «сольда» — договоренной мзды. Если у нанявшего их владетельного феодала истощалась казна, договор расторгался и наемник был вправе покинуть войско не только в походе, но и на поле брани, даже в разгар боя.

Навербованные в феодальное войско рыцари-наемники не терпели над собой чужой власти. Вольными ватагами двигались они навстречу врагу. Их ставили перед неприятелем, а дальше было их дело — драться с ним так или иначе. Как профессионалы войны, они, конечно, старались делать свое дело «на совесть» — иначе их не содержали бы. Организация феодальных воинских сил совершенно не знала расположения по ступеням подчинения всего войска — от верховного командующего до последнего латника: социальная система феодальной Европы не была к тому приспособлена. Феодализм заменил в своем войске старую римскую идею воинской дисциплины идеями рыцарской доблести и рыцарской чести.

Для феодальных вояк типично было представление, что война — это сплошной грабеж городов и сел, замков и поместий

неприятеля и личное обогащение воюющего за счет побежденных. Это глубоко укоренилось в сознании каждого наемника и каждого вольного, «благородного» рыцаря.

Затевая между собою войны, владетельные феодалы очень часто не имели достаточно денег, чтобы долго оплачивать свои наемные полчища. Тогда они вовсю расхваливали перед наемниками «сказочные» богатства городов и замков неприятеля, которые им предстоит разграбить после победы. Нередко только распаленная в наемниках жажда добычи удерживала их в войске.

Полное отсутствие дисциплины и алчное стремление загрести побольше добычи были причиной бессмысленных массовых зверств. Рыцари-наемники сжигали дотла только что разграбленные селения, вырубали виноградники и плодовые сады, поголовно истребляли жителей вражеских городов и сел, стариков и младенцев.

Немецкие феодалы и католические паны Чехии со всей своей безмерной свирепостью обрушились на чешских крестьян, восставших в начале XV века. Крестьян-гуситов бросали живьем в шахты, сжигали на кострах. Не было предела зверской жестокости и палаческой изобретательности их врагов.

Отбиваясь от натиска чужеземных феодалов и своих панов, нанося им сокрушительные ответные удары, народные рати сумели создать свою военную организацию, совсем не похожую на феодальную. Порядки, царившие в войске таборитов, в полной мере отражали моральное превосходство народных масс, взявшихся за оружие, над их вельможными владыками.

Чувство морального превосходства над противником позволило ввести в таборитском войске строгое повиновение и порядок, которые были приняты всей массой «божьих воинов» с энтузиазмом. Именно эта великая нравственная сила народного восстания помогала Жижке поднять тысячи и тысячи бойцов из народной гущи и построить из них свои непобедимые рати.

Военный устав Жижки открывается провозглашением четырех пражских статей. Кто не пожелает помогать претворению этих статей в жизнь, «того нельзя терпеть ни в войске, ни в замках, ни в укреплениях, ни в городах, ни в поселениях, обнесенных стеною или открытых, ни в селах, ни в хуторах».

Кто не согласен с основными требованиями четырех статей, тот исключается не только из народной армии, но и из таборитских общин, — такова основная мысль вступления.

Далее говорится, что в таборитском войске нет места «нечестным, строптивым, лжецам, злодеям, пьяницам, сквернословам, развратникам», из него изгоняются продажные женщины. Жижка требует, чтобы войско гнало таких людей от

себя, преследовало их и отдавало на суд «по закону божьему».

Затем излагаются чисто военные положения. Первое из них — требование от воина полного повиновения: «Ибо мы потерпели от непослушания и споров большой урон в воинах и военном имуществе, и наши враги из-за того нередко повергали нас в позор».

Устав требует беспрекословного повиновения старшим в войске постоянно, как в бою, так й в походе. Когда войско движется в походе, никто не должен покидать своего ряда. Запрещается забегать вперед перед привалом, чтобы занять лучшее место. Все должны ждать указания старших и гетманов, которые каждому определяют его место.

Когда войско с постоя снова выступает в поход, воин должен стать в свой ряд и тут дожидаться других воинов.

Старшие и гетманы обязаны перед боем построить своих людей в боевой порядок. Каждый отряд должен стоять под своим знаменем, отдельные отряды двигаться в той последовательности, какая им указана. Строго запрещено воину отделяться от своего отряда и смешиваться с воинами других отрядов. «Если бы войско понесло урон из-за чьего-нибудь нерадения, в бою ли или в походе, виновный ответит головой, будь то хоть гетман, хоть пан».

Если кто-либо убежит из войска и будет пойман, устав предписывает «казнить его, как неверного злодея, который прячется от брани и от своих братьев — будь то пан, рыцарь, ремесленник, крестьянин или какой бы то ни было человек».

Все, взятое у врага в завоеванном городе, замке или на ратном поле, должно сноситься в одно место, а затем «делиться справедливо, по скольку придется на каждого». Для наблюдения за разделом должны быть выбраны в войске особые люди. Если бы кто-нибудь утаил что-либо, взятое у врага, для себя, а не сдал в назначенное место, «того лишить всего, что он имеет, и жизни, как злодея против бога и общины».

Тут следует вспомнить, что огромная доля захваченного у врага имущества поступала в кассу братства: деньги, золотые и серебряные вещи, самоцветы, дорогие ткани. Эти ценности служили таборитам средством оплаты военных расходов. Разделу между воинами подлежали только предметы личного потребления, нужные в походе.

Особенно строго запрещает устав воинам поджигать что бы то ни было — хижины, скирды хлеба — на походном пути или на поле боя без особого на то приказа начальников.

В войске, говорится далее, нельзя терпеть криков, ссор и раздоров, насилий одного над другим. Если бы в драке один воин

ранил, изувечил или убил другого, виновного постигло бы самое беспощадное наказание.

Очень характерно заключение этого и без того достаточно сурового документа: «За преступное нарушение порядка, за причиненное войску зло — бить, сечь, убивать, отсекать голову, вешать, топить, жечь и мстить всеми мщениями, не исключая никаких сословий, ни пола».

Такова была «тврда казень» (строгая дисциплина) слепого полководца, ставшая ко времени написания устава хорошо известной повсюду в Чехии. В почти что свирепой суровости этих мер взыскания не следует усматривать вынужденной необходимости устрашения воинов народной армии. Нет, в них нашло отражение совсем другое: презрение и ненависть ко всякому, кто может оказаться нерадивым, распущенным или корыстным в общем великом деле.

Ничтожно мало представлялось случаев, когда бы воинам таборитских отрядов надо было «мстить всеми мщениями». Ведь люди шли в отряды Жижки не ради наживы, не из прихоти или в поисках приключений и легкой жизни.

Помимо Жижки, устав подписали гетман Ян Рогач, перебравшийся в Малый Табор, несколько панов и рыцарей, примкнувших к таборитам и достигших в войске командных постов, а также ряд крестьян, выдвинувшихся в таборитских отрядах как способные к ратному делу люди.

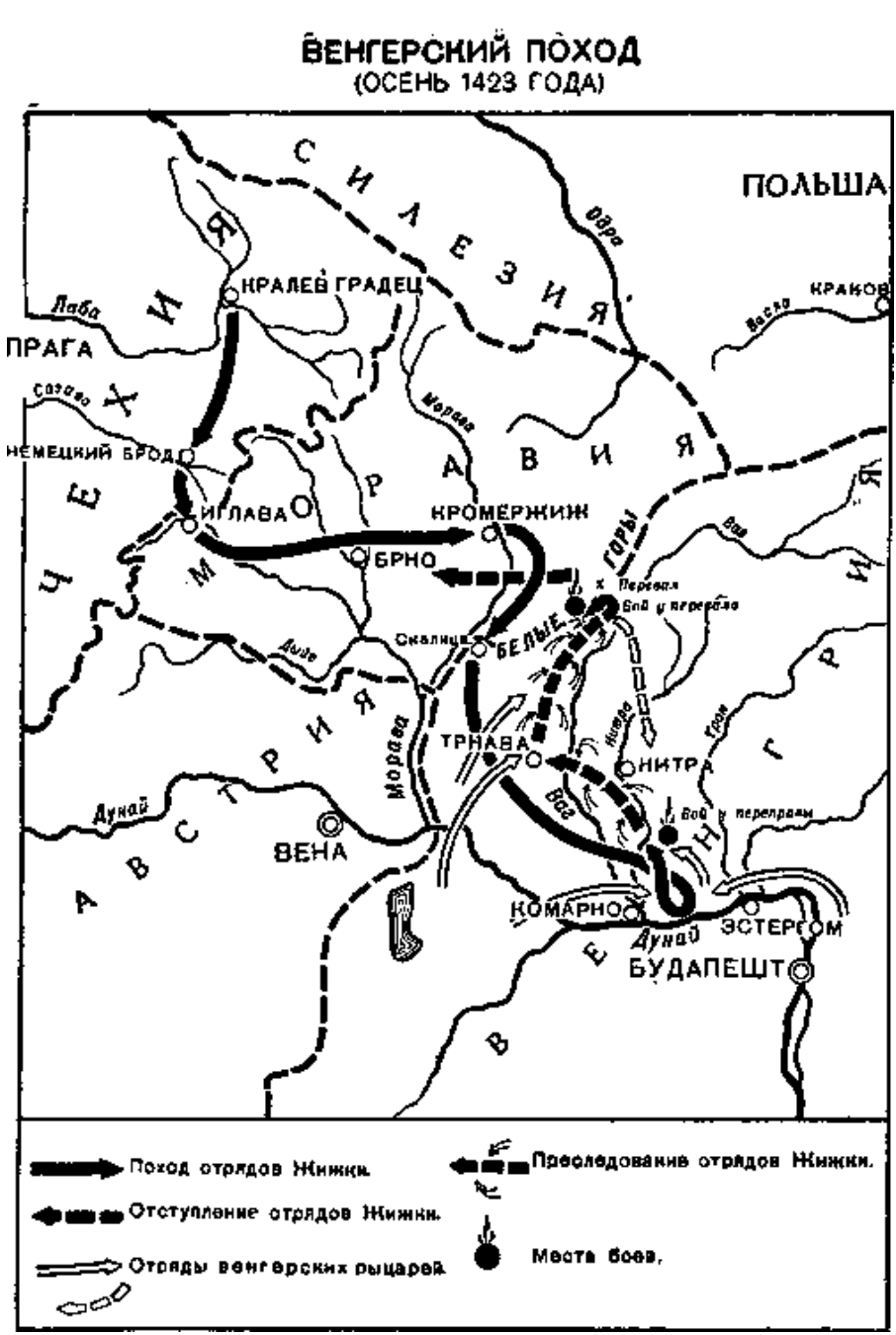
XXV. ШЕДЕВР ВОЕННОЙ ТАКТИКИ

Стояла осень 1423 года. Жижка был снова в поле, в большом походе: он вел сводное войско Большого и Малого Табора на восток, в Моравию.

С шестью копами боевых возов и, многими пушками прошли табориты через развалины Немецкого Брода к Иглаве, моравскому городу на самой границе Чехии.

Жижка предполагал обойти город, но местные католики сами выступили и попытались преградить путь таборитской колонне. В коротком бою Жижка одолел иглавцев и отогнал их до самых городских стен.

Весть о приходе Жижки подняла в Моравии волну крестьянских восстаний. Табориты проникли глубоко в моравские земли, прошли по Иглавскому, Брненскому краям, вступили в край Пржеровский.



Жижка обосновался в городе Кромержиже на реке Мораве. Отсюда его отряды совершали рейды в разные стороны, жгли панские замки и поместья.

Успех моравского похода таборитов был полный. Слепой полководец задумал развить этот успех и дальше. Уже давно

«божьи воины» жаждали протянуть руку помощи братскому словацкому народу, стонавшему под игом венгерских магнатов. Это и побудило Жижку нанести теперь удар по самому логову императора — вторгнуться в Венгрию.

В октябре 1423 года табориты впервые переступили границы иностранного государства — не оборонялись, а наступали на внешнего врага.

Жижка повел свои рати вниз по Мораве и вступил в словацкие области в Венгрии у Скалицы.

Венгерские сиятельные феодалы уже не раз испытали на себе военное уменье Жижки: он бил их под Прагой, бил у Немецкого Брода. Теперь его возовые колонны двигались прямо к столице Венгерского королевства, к Буде на Дунае.

Прославленная мадьярская конница не смогла задержать вторжение, и табориты вышли к верховьям Вага, восторженно встречаемые жителями словацких деревень. Спускаясь к югу по долине этой реки, громя на своем пути великолепные усадьбы венгерских феодалов, старинные их замки, табориты достигли полноводной Нитры.

Решив блеснуть тут талантами стратега, Сигизмунд велел не ввязываться в серьезные бои с Жижкой, а дать ему втянуться поглубже в придунайские равнины.

— Чем дальше зайдет Жижка в Венгрию, — заявлял император, — тем легче будет его уничтожить. Дерзкий мужицкий вожак найдет, наконец, в венгерских степях свою гибель!

Табориты и впрямь углубились в эти степи опасно далеко — до самого Дуная — и вышли на северный его берег между Комарно и Эстергомом. Сигизмунд стягивал мадьярское рыцарство в мощный кулак, чтобы в подходящую минуту обрушить его на отряды слепца.

Но тут Жижке пришлось оборвать свой венгерский рейд: тревожные политические вести, дошедшие до гетмана из Чехии, заставили его начать отход.

С самого начал рейда в цели слепого вождя не входило ничего, помимо набега на поместья венгерских магнатов и распространения таборитских идей и призывов среди словацких крестьян.

Хотя Жижка стоял в двух шагах от венгерской столицы, ему было ясно, что какие-либо действия против мощно укрепленной Буды были бы несерьезной затеей.

Обратный путь до моравской границы предстоял длинный — в двадцать миль[49].

* * *

Только что успели возы таборитов сделать полуоборот на север, как мадьярские рыцари начали атаковать. Кругом простиралась ровная степь, в которой не сыскать ни холма, ни укрытия. У рыцарей было много пушек.

Жижка приказал уменьшить промежутки между возами и двигаться по четыре в ряд, наглухо замкнутой с фронта и с тыла колонной. На боковые возы стали прикрытые щитами стрелки с ручницами.

Несколько раз за день венгры стремительно ударяли в центр колонны, рассчитывая разорвать ее пополам.

Положение таборитской колонны становилось все более трудным. Хуже всего была невозможность остановиться: пушки противника начинали тогда обстреливать неподвижную цель, огонь становился губительным.

Жижка приказал не прекращать ни на минуту марша. И табориты непрерывно двигались вперед, все время окруженные тесным кольцом вражеских конников.

— Нигде ни холма, ни реки, ни леса, ни болота, — доносили слепцу.

— Итти дальше!

Так шли до самой ночи. Жижка рассчитал, что кони венгерских рыцарей утомятся за день погони и противник вынужден будет увести их на ночь на отдых. Прикладывая руку к уху, он настороженно вслушивался в звуки, несшиеся к нему из степи. Острый слух слепого уловил, наконец, что топот конских копыт ослабевает.

— Разбредаются по деревням, — вздохнул он облегченно. — Можно остановиться. Да только не разводить огней! В темноте они будут бояться нашего удара и отойдут подальше.

Распрягли возовых коней. Измученные люди прилегли у возов и забылись сном. Выставленные далеко по сторонам часовые легкими ударами по щиту подавали знак — все спокойно.

Когда забрезжил рассвет, увидели вдали холмы.

— Слева возвышенность, — донесли Жижке.

— Свернуть к ней!

Рыцарей еще не было видно нигде. До самого восхода солнца шли без помехи.

— Рядом с горою — озеро, — донес «глаз» Жижки.

— А меж ними сколько места?

— С пол гона.

— Там и станем!

Прикрытый с одной стороны озером, с другой — горою, стан таборитов мог не опасаться быть разнесенным каменными ядрами рыцарских пушек. Жижка приказал еще до подхода венгров поднять на гору несколько тяжелых возов с пушками. Возы зарыли с двух концов, над передними и над задними воротами ограждения.

Здесь табориты простояли сутки. Люди и лошади отдохнули. На рассвете третьего дня отступления Жижка велел сняться и быстрым маршем двинулся на северо-запад, к броду через Нитру.

Табориты подошли к броду около полудня. Вражеской конницы все еще не было. Однако Жижка не решился начать сразу переправу: всадники могли нагрянуть с минуты на минуту и напасть, когда часть людей и возов будет уже на другой стороне реки и не сможет помочь оставшимся.

Действительно, венгерские рыцари не замедлили появиться. Табориты, прикрытые С одной стороны рекой, оградились с другой возами.

Конники не атаковали. Они ждали, пока табориты начнут переходить реку.

Когда стемнело, Жижка бросил всех людей на подготовку переправы. По его приказу воины расставляли нагруженные камнями возы поперек мелкой в этом месте реки, связывали промежутки между ними цепями. Когда из возов образовался сплошной барьер, на некотором расстоянии от него стали устанавливать такой же второй, чтобы можно было пропустить между ними широко расставленные четыре ряда возов. На возах обоих барьеров установили пушки, расставили щиты для стрелков.

В это время другие бойцы готовили для возов пологие спуск и подъем, кирками и лопатами срывали обрывистые берега по обоим концам переправы.

Работали целую ночь, а на рассвете начали переправляться. Венгры, стоявшие поблизости, выжидали, пока половина возов и людей окажется на другой стороне Нитры. Тогда их всадники и подтянутая за ночь пехота смогут броситься на оставшихся у переправы.

Однако возведенные за ночь барьеры позволили таборитам переправляться довольно спокойно, не опасаясь за свои фланги. Половину тарасниц и гоуфниц, многих стрелков из ручниц Жижка оставил прикрывать хвост колонны.

По атакующим рыцарям палили пушки с возов-барьеров и с предмостья на оставляемом берегу. Огонь был так губителен, что конники оказались вынужденными отступить, оставив много убитых.

Табориты потеряли в этой схватке много возов и лошадей. Людские потери были невелики.

Весь пятый день прошел спокойно. Венгерские рыцари не показывались.

Жижка стал лагерем у Трнавы. Он использовал короткую передышку, чтобы привести в порядок свои потрепанные возы. Плотники чинили кузова, колеса, снимали с разбитых боевых возов целые части, чтобы укрепить ими другие возы, еще годные для похода. Много возов, шедших обычно внутри колонны с поклажей, удалось укрепить так, что стало возможно поставить их на край, в ряд с боевыми.

Неудачи, постигавшие до сих пор венгров, не лишили их надежды на конечный успех. Они знали, что таборитов ждет впереди куда более трудное и опасное дело, чем переправа через Нитру: им предстоит переход через Белые горы.

На шестой день Жижка выступил дальше на северо-запад.

Сразу же после переправы через широкий Ваг табориты подверглись новой фронтальной атаке конников, зашедших по другой дороге вперед. Атаку удалось отбить, прижавши колонну к обрыву.

Дорога шла далее вдоль длинного и крутого косогора. Прижимаясь к нему левым боком, возы таборитов двигались все дальше, то и дело отражая наскоки рыцарей.

Когда дорога вывела на ровное место, положение сразу стало трудным. Жижка прибег тут к обычной своей тактике — поднял возы на ближний холм и поставил их на вершине кольцом.

Венграм не терпелось разделаться с таборитами. Они начали атаку.

Жижка, а с ним и его бойцы, могли только подивиться, как их противнику не идут впрок полученные уроки. Уже много раз до того возовую крепость пытались атаковать верхом на лошадях и ни разу не добились успеха. Не преуспев и теперь в этом предприятии, рыцари полезли на холм спешенные, но вскоре отказались от надежды сломить оборону и отступили.

* * *

С утра седьмого дня колонна направилась к перевальной дороге через Белые горы. Дорога была так узка, что не могла пропустить и двух возов в ряд.

Сила таборитской возовой колонны всегда заключалась в том, что возы двигались в ней по четыре, по три в ряд. Теперь же

предстояло растянуть колонну в цепочку, воз за возом, вследствие чего она становилась чрезвычайно уязвимой. Понимая это, венгерские рыцари стянулись к месту, где гор-рая дорога вступала в лес, и стали ждать.

Подойдя к лесу, Жижка тотчас прижал колонну к холму у дороги, рассчитывая так прикрыться хоть с одной стороны от неприятельских пушек. Часть своих тарасниц он поднял на вершину холма. Стало возможным некоторое время без больших Потерь оставаться на месте.

Рыцари не догадались перехватить дорогу впереди. Жижка отрядил по ней людей с топорами, лопатами и мотыгами — проверить, нет ли где завалов, сделанных неприятелем, выровнять рытвины и выбоины.

Выполнив поручение, люди вернулись и донесли, что за перевалом дорога выводит из леса на широкую поляну.

Тогда по приказу Жижки принялись рубить в глубине леса, в полутора гонах до выхода на поляну, два ответвления от лесной дороги, ведущие вдоль «ее к этой поляне.

Скоро это дело было закончено. По лесу к поляне на протяжении полутора гонов шли теперь рядом три пути.

Тем временем у входа в лес установили десятка два возов с пушками, расположив возы в четыре ряда и связав их цепями. Этот бастион должен был прикрыть отход колонны, если бы неприятелю вздумалось помешать ему.

Затем началась переброска в лес людей, возов и пушек по строгому порядку: сначала двинулись пушкари с пушками, за ними — группа пеших бойцов, затем пятьдесят возов. За- возами — снова пешие бойцы, за которыми еще пятьдесят возов. Так вперемежку, прикрывая возы судличниками, Жижка пропустил в лес колонну.

Там по приказу Жижки орудия должны были двигаться по средней дороге, а возы с прикрывающими их людьми перейти на боковые просеки. На поляну за перевалом из леса должны были выступать два ряда возов с пушками посредине.

Выждав, пока часть колонны скроется в лесной чаще, венгры яростно атаковали возы, прикрывающие вход в лес, стали бить по ним из пушек. Когда рыцари убедились, что смять заграждение они не смогут и что колонна быстро втягивается в лес, они бросились в сторону орудий, поставленных Жижкой на вершине холма, рассчитывая захватить их. Но и с этим они опоздали, потому что табориты успели уже спустить пушки под прикрытие заграждения.

Когда и эти пушки скрылись, Жижка, все время державшийся у прикрывающего дорогу бастиона, дал знак отходить последней

группе. Оборонявшие заграждение побежали вслед за возком, в котором ехал слепой гетман.

Пока венгры разрушали покинутое таборитами прикрытие, ломали опутанные цепями возы, закрывавшие их коням проход на лесную дорогу, воины Жижки, отступая последними, валили деревья, нагромождали за собой завалы.

Брошенный в обход сильный отряд рыцарей ожидал встретить на противоположной стороне, у выхода из леса, узкую цепочку таборитских возов. Вместо того на поляну выкатила хорошо прикрытая колонна с многочисленными пушками.

Ошеломленные рыцари сразу потеряли весь свой боевой задор:

— Простой смертный человек не может быть так хитер!

Преследование прекратилось. Никем не тревожимая больше, колонна таборитов пересекла границу Моравии.

XXVI. СВЯТОГАВЕЛЬСКИЙ СЕЙМ

Жижка спешил в Чехию, где пражане объявили открытую войну народному таборитскому движению.

Хозяйственные интересы бюргерского сословия сильно пострадали от четырехлетней внутренней борьбы и троекратного нашествия иностранных интервентов. На торговых путях, ведших к Праге, не было проходу от рыцарей-разбойников. Пражские гроши, основа чешской торговли, когда-то самая полноценная монета во всей Европе, теперь подвергались порче во многих чешских городах, где чеканили гроши со все большей примесью меди к серебру. Торговля Праги хирела.

А Римская курия в борьбе с гуситской Чехией сумела организовать хозяйственную ее блокаду. Папские нунции и легаты при дворах католических государей добились запрета ввоза чешских товаров и вывоза в Чехию «снеди, соли и пороху».

Пражские торгаши усматривали главных виновников растущей разрухи в таборитах и вожде их Жижке. Это табориты, заявляли городские советники столицы, мешали вновь водвориться в сельских местностях Чехии «доброму старому» феодальному правопорядку, мешали примирению городов с панством.

Пражане долго колебались, не осмеливаясь открыто противопоставить восставшим народным массам союз бюргерских и феодальных сил. Ведь паны-католики по-прежнему требовали восстановления владений бежавших из городов эмигрантов-католиков, владений церкви в городах и признания прав Сигизмунда на чешский трон. Это было неприемлемо для бюргерства, хозяйственная сила которого выросла главным образом за счет присвоения имущества эмигрировавшего немецкого католического патрициата.

Однако пражские бюргеры могли теперь рассчитывать на большую уступчивость панов-католиков при переговорах и на полюбовную с ними сделку. Они видели, что самые могущественные феодалы из католической партии доведены таборитами до крайнего разорения и готовы признать перемены, происшедшие в городах Чехии, лишь бы только поскорее покончить с крестьянскими восстаниями.

Именно такой расчет и подсказал воротилам пражского бюргерства мысль созвать осенью 1423 года в столице новый большой сейм. Он был назначен на день св. Гавла — 16 октября.

На сейм явились многочисленные бюргерские делегации

Праги и подчиненных ей городов, паны и рыцари католической и гуситской партий.

Ни Большой, ни Малый Табор на сейм приглашены не были.

Святогавельский сейм выбрал двенадцать временных правителей Чехии — справцев: шесть от панов-верховодов католической партии и столько же от виднейших панов-«подобоев».

Святогавельский сейм обязывал всех чехов признать власть избранных справцев: «Кто не сделает этого добровольно, тех следует принудить к повиновению силой».

Таборитские братства могли видеть в новоявленных правителях только злейших своих врагов. Заставить таборитов подчиниться справцам предстояло, следовательно, военной силой.

Сущность решений сейма, враждебная восставшим народным массам, ясно видна и в требовании «замирить всю Чехию». Сейм декларировал: «По приказу справцев все обязаны выступить против разорителей земли и против каждого, кто бы задумал подымать в стране возмущение и беспорядки».

«Разорители земли», «земские воры» — так бюргеры Праги называли теперь тех, кто дважды спас их шкуру в годину всенародного бедствия.

Вопросы веры, все еще не решенные между феодалами-католиками и бюргерами-гуситами, сейм постановил рассмотреть на специальном диспуте, который будет устроен в начале 1424 года. Сошлись на том, что спор о четырех пражских статьях будет как-нибудь улажен богословами той и другой стороны.

Большой победой бюргерства было постановление сейма, воспрещавшее возвращение в Прагу всем бежавшим из нее в 1420 году. Католические паны примирились, следовательно, с тем, что имущество, захваченное столичными бюргерами у монастырей и патрициев-немцев, должно навсегда остаться за новыми владельцами.

Неменьшим успехом богатого пражского купечества и главарей ремесленных цехов было и вырванное ими у панов-католиков согласие на то, чтобы в протоколах сейма не упоминать имени Сигизмунда и его претензий на чешский трон.

Видно, крепко колотил Жижка этих господ, если в страхе перед народными массами они предали своего верховного главу!

Главный интерес Святогавельского. сейма заключается в том, что сейм этот отмечает момент, когда чешское бюргерство отвернулось от восставших народных низов и стало союзником чешских феодалов. Правда, в дальнейшем бюргерство не раз вынуждено будет ходом событий искать поддержки в таборитском

лагере. Но это будут только кратковременные примирения и союзы среди острой вооруженной борьбы.

* * *

Итак, панско-бюргерский сейм повелевал таборитам, сложив оружие, сдаться на милость и суд феодалов-справцев.

Жижка не замедлил ответить на это повеление. Тотчас по возвращении из венгерского похода он принялся разорять панские поместья и в первую очередь владения новоизбранного первого справца Ченка Вартемберкского.

Весь северо-восток Чехии запылал в огне крестьянской войны. Военные заслоны, рыцарские отряды, какие феодалы пытались расставить на его пути, Жижка сшибал и громил без пощады.

Пан Ченек видел, что с вождем народного воинства на поле брани никак не справиться. Он подослал к нему убийцу. Но градецкий священник Амвросий предупредил письмом находившегося в походе гетмана о том, что подкупленный за сорок коп грошей убийца подброшен панами в один из его отрядов. «Этого человека знает и поможет изловить податель письма, Черноголовый Павел».

Ченек Вартемберкский, Ян Опоченский, Пута Частоловицкий, Гинек Червеногорский, могущественные феодалы северной Чехии, стянули против Жижки все свои военные силы.

6 января 1424 года воины Малого Табора встретили у Скалицы отряды панов и в жестокой схватке разгромили их наголову. Много панов л рыцарей Традецкого и Болеславского краев бесславно полегло в этом бою.

Чешские католические летописцы назвали 1424 год «кровавым годом Жижки». То был действительно год кровавых поражений всей феодальной партии.

Из многочисленных свидетельств тех же летописцев можно усмотреть, что и в ту пору крайне обостренной социальной борьбы Жижка ни разу не совершил неоправданной жестокости. Тяжелые кары, какие вождь народных отрядов обрушивал на голову врагов, всегда были возмездием за преступления, совершенные ранее панами, католическим духовенством или богатым бюргерством против крестьян или городских бедняков, преданных борьбе таборитских братств.

Весной 1424 года Жижка начал рейд через всю Чехию, прошел в западные области. Он вновь пытался сломить здесь главный оплот Сигизмунда в Чехии — военный союз плзеньских

католических панов.

В то время как отряды Жижки сражались у Плзня, общее политическое положение в стране вновь неожиданно изменилось.

Император Сигизмунд, возмущенный «предательством», совершенным чешскими панами на недавнем сейме в отношении его «непререкаемых», «священных» прав на чешскую корону, угрожал неверным вассалам самыми свирепыми карами. Грозил им из Рима и «святой отец». Паны католической партии заколебались. А без их подписей и печатей святогавельские решения не могли стать обязательными и для других участников сейма.

С другой стороны, и пражане сильно охладели к этому соглашению.

Как раз в это время Сигизмунд отдал моравское маркграфство своему зятю Альбрехту, герцогу австрийскому. Новый маркграф весьма неполитично, как бы в поучение пражским бюргерам, учинил кровавые гонения и массовые расправы над моравскими гуситами. Моравские казни живо напомнили пражским богатеям, чем угрожает им самим победа Сигизмунда в Чехии.

К тому же стало известно, что император прочит Альбрехта, палача Моравии, в чешские короли после своей смерти. Это делало Сигизмунда еще более ненавистным пражанам и решительно отвращало их от только что заключенного соглашения с католиками. Снова заговорили они о приглашении короля из родственной Польши.

Городские советники Праги отправили к краковскому двору новое посольство.

Тут создалось любопытное положение. Ягайло за неделю до прибытия к нему чешских послов, встретившись с Сигизмундом, обязался выставить против чешских гуситов пять тысяч польских рыцарей для похода, который снова готовил император. Ведя после этого переговоры с пражским посольством, Ягайло попросту обманывал чехов. Но и сами чехи на этот раз сумели провести Ягайлу. У него под носом они тайно договорились с князем Корибутом: князь, вопреки воле Ягайлы и Витовта, вернется в Чехию, чтобы стать не наместником, а чешским гуситским королем.

Летом 1424 года этот литовский князь вновь появляется в Праге. Теперь он именует себя уже «королем чешским, желанным и избранным». Но в действительности он только правитель владений пражан. Ему отказывает в признании не только католическое панство, но и многие паны-«подобои» и оба Табора.

Отправляясь в свой дальний плзеньский рейд, Жижка,

видимо, твердо рассчитывал на то, что под впечатлением моравского погрома отношения между бюргерами столицы и панами-католиками испорчены надолго и что на поле брани он не будет иметь теперь дела с объединенными силами бюргеров и католических панов. Он ошибся.

В середине мая под Плзнем табориты оказались перед сводными войсками панского католического союза и наемниками союза городов, управляемых Прагой. С ними были и отряды панов-«подобоев».

Не желая меряться силами с противником, впятеро более многочисленным, Жижка начал отходить.

XXVII. ДЕЛО У МАЛЕШОВА

От Плзня к северо-востоку, к переправам через Влтаву скачут гонцы. За ними Жижкин возок. Вокруг возка тесная группа всадников — гетманов и Старших Малого Табора: Ян Рогач, Бартош Валечовский, Ян Чернин. Верхом на коне, в потертой рясе, градецкий проповедник Прокупек. Здесь же и гетман Большого Табора Ян Гвезда. В полугоне за Жижкой — таборитская колонна с наглухо прикрытым тылом, стремительно уходящая от преследования.

— Отхожу от Плзня в четвертый раз, — ворчит Жижка. — А без Плзня нет половины Чехии…

Гетман поднимает незрячее лицо кверху, к солнцу, выставляет руку, словно щупает несущийся навстречу ветер.

— Из Праги бросятся наперерез! — кричит он скачущему рядом Рогачу. — Вели, брат Ян, гнать быстрее!

— Кони у возовых в мыле, боюсь — пристанут…

— Пусть идут быстрей! — приказывает Жижка.

Рогач поворачивает назад, к гетману над возами.

— Пробиться бы через Конопишт, к Большому Табору, — подает голос Гвезда.

— Куда там!.. И думать нечего! Если не перехватят у переправы, пойдем левым берегом Влтавы на север. Только и сможем, что проскочить к Лабе. Там впереди? — спрашивает Жижка.

— Ни холма, ни оврага… До самого Мнишка ровная дорога, — пригибается с седла к Жижке Чернин.

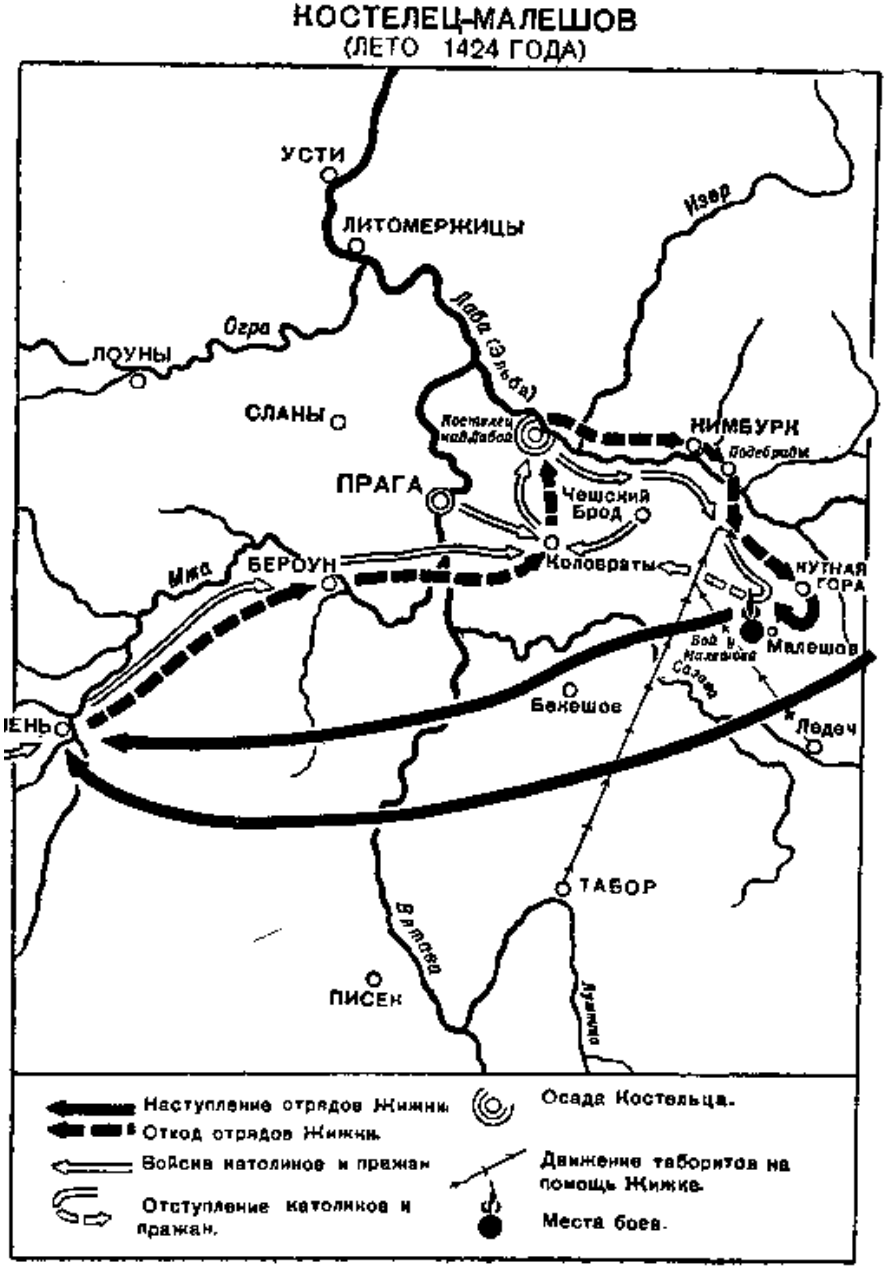
— Знаю, что ровная, — досадливо прерывает тот, — не впервые здесь. Конников не видно? Пражских?

— Пусто.

Перебрались вброд через Влтаву и сразу попали иод удары преследователей. У Коловрат пришлось проложить себе дорогу с боем. С запада от Праги, от Чешского Брода с востока колонну теперь теснили сильные отряды пражан и панов.

В непрестанных изнурительных схватках, теряя людей и возы, колонна пробивалась к северу, дошла до деревянной крепостцы Костельца на южном берегу Лабы, захватила с налету крепость, заперлась в ней.

Костелецкие рвы обложили густой цепью отряды пражан, плзенцев, рыцарей карлштейнского гарнизона. А позади осажденных — широкая Лаба. Ни моста, ни переправы…



Пан Дуповский от Костельца выслал верхового в Буду, к пребывавшему при дворе Ульриху Розенбергу. Розенберг принес Сигизмунду потрясающую весть:

— Трое суток гнали слепца от Плзня. Еле живой заперся в Костельце. Обложен десятитысячным войском. Он в мышеловке!

Сигизмунд изверился в победах над Жижкой:

— Мышеловка, пан Ульрих, хороша для мыши!

— Головой ручаюсь, ваше величество, уж здесь ему конец!

— Что мне в твоей голове, пан Ульрих?! Вот если бы голову седлацкого атамана!

А в Костельце Жижка выставил своих людей на стены — он ожидает приступа. Каменные ядра сыплются на городок. Смоляные стрелы подожгли несколько домов — дым от пожаров застилает все вокруг. Под защиту высокой церковной стены снесли раненых; за ними ходят таборитки.

— Смотри, береги коней! — приказывает Жижка гетману над возами. — Поставь их понадежней, хоть в это капище! — продолжает он, указывая на церковь.

Стоящий тут же Валечовский смотрит на Жижку удивленно:

— Будем пробиваться?

Там видно будет!.. Что ж, думаешь, станем дожидаться гостей здесь? У нас, на беду, и попотчевать их как следует нечем!

Прислонясь к крепостной стене, Жижка вслушивается в звонкие удары своих тарасниц, бьющих из крепостных бойниц, и ответные глухие выстрелы вражеских пушек. Какие-то звуки примешиваются к грохоту канонады, — слепец вытянул шею, склонил голову набок.

К нему подбегает Рогач.

— Слышу! — кричит Жижка. — Осадные пушки подвозят. Завтра, значит, пойдут на приступ. Сначала забросают камнями, а может, ядрами с человечьим пометом, как в Карлштейне. Они мастера на такие дела!..

— Будем пробиваться? — опрашивает и Рогач.

— Ты был у реки? — отвечает Жижка вопросом на вопрос. — Много там свалено бревен?

Рогач улавливает мысль первого гетмана:

— На три-четыре больших плота хватит.

— Сними со стены немедля всех наших плотников! Как стемнеет, пусть начнут вязать. Пусть вяжут наскоро цепями. Огней не жечь! Всего нашего времени осталось — до рассвета. Уйдем затемно или все поляжем здесь завтра… Иди!

Жижка стоит в глубоком раздумье. Солнце все слабее греет его обветренный лоб — скоро, значит, закат. Ночи теперь безлунные.

Тут он слышит торопливые легкие шаги. «Прокупек, — узнает Жижка. — А с ним рядом еще кто-то…»

— Брат Ян, — кричит Прокупек издали, — чудные дела творятся!

Затем, прильнув к уху гетмана:

— Пан Бочек гонца через реку прислал. Сам стоит по ту

сторону с пятью сотнями в лесочке, в миле отсюда… Просит скорого ответа!

Жижка весь встрепенулся: «Вот он, случай!» Притянул к себе посланца, быстрыми пальцами прошелся по мокрому бородатому лицу, по плечам, мозолистым крестьянским рукам.

— Ты через Лабу вплавь? Так… А коня где оставил? Плыви назад и скачи, брат, что есть мочи к пану Бочку. Пусть ровно в полночь по дальнему броду неприметно перейдет на левый берег и сразу ударит по тем, — Жижка указал рукой в сторону, откуда бухали неприятельские пушки, — с тыла. Да пусть не ввязываются в большое дело, а чтоб только шуму побольше. Пусть палят из ручниц, гоуфниц, бьют в медь, кричат, трубят в рога. Наскочили — и назад… Еще раз — и назад. С разных сторон! Запомнишь, брат?

— Все запомню.

— А когда зажжем три огня тут на стене — значит, дело сделано: наша колонна уже на том берегу! Пусть тогда отходят врассыпную к броду… Там и встретимся. Дальше пойдем вместе.

Гинек Бочек Подебрадский поднял в ту ночь страшную возню в тылу осаждающих.

Пражане и католики опомнились от переполоха, только когда забрезжила ранняя июньская заря. Лучи солнца, залившие лабскую долину, осветили затихший, словно вымерший Костелец, широкую речную гладь, а за ней тучи пыли над рядами возов, мчавшихся во весь опор по прибрежной дороге на восток.

— Догнать! — завопил пан Костка.

— Перехватить! — вторил ему пан Дуповский.

В сумятице конные отряды бросились по южному берегу Лабы. Они быстро вырвались вровень с возовой колонной Жижки. Некоторое время противники мчались на виду друг у друга, но между ними лежала широкая, полноводная река.

Капитан всего войска Гашек Островский приказал тут конникам вернуться назад:

— Ни к чему это. Мост далеко, у Нимбурка. Мы бросим на слепца одних всадников налегке, а он сразу замкнется в возах. Надо итти с пушками и пешими!

Так и поступили.

* * *

А Жижка все допытывался у своего нежданного союзника, не ошибся ли тот, верно ли, что с Большого Табора идет помощь.

— Сам видел вчера верхового, — отвечал пан. — Швамберг прошел с возами Ледеч, идет, значит, на север…

— К ночи мы переправимся на тот берег, пан Гинек. Поскачем прямо на юг, навстречу Швамбергу. Найдем его возле Колина, а то и ближе! Эй, Рогач! — привскочил Жижка на возке и замахал над головой увесистой своей дубинкой. — Прикажи гнать что есть мочи! Кони у нас, небось, кормленые, отдохнули в Костельце наславу! Теперь — лететь на крыльях!

К вечеру возовая колонна таборитов без помехи переправилась на южный берег. Там на нее наскочили гонцы, высланные во все стороны Швамбергом. Через час таборитские колонны сблизились.

Жижка прижимал Швамберга к своей груди:

— Спасибо, брат Богуслав, тебе и Большому братству! В добрый час!

— Рад послужить тебе и Меньшому братству, брат Ян. Веди теперь всех нас!

Жижка приложил ладонь к уху.

— Противник не заставит долго ждать, а мои люди с рассвета не то что в походе — в беге!

— Что ж, замкнемся и станем на отдых, если прикажешь. Не полезут же они сразу!

Подошедшие католики расположились против таборитского заграждения и попросили выслать людей для переговоров. Жижка послал к ним пана

Бочка. Его предательски схватили, а таборитам прокричали издали:

— Пан Гинек отправлен в колодках в Нимбурк! Владетельный пан, что якшается с непокорным мужичьем, ответит за то перед королем и святой церковью.

Гвезда, Швамберг, Рогач, Прокупек в возмущении предлагали тут же, не дожидаясь рассвета, построить боевую колонну, врезаться в лагерь противника.

— Плохо надумано! — возразил Жижка. — У нас один человек против ихних четверых. А на равнине их латники, даром что ночь, навалятся всей силой! Вот мое слово: чуть начнет светать — строиться в походную колонну и отступать!

— Отступать?!

— А в какую сторону? — спросил Рогач.

— В южную! К Малешову!

Наутро табориты устремились к югу. Быстрый отход походил на бегство. Проскочив мимо вражеской Кутной Горы, добрались до холмов, окружающих небольшой город Малешов.

Эти места слепой гетман знал превосходно и уже заранее

наметил, где поставит свои возы и людей для решающего боя.

— Эй, Гвезда! — позвал Жижка с возка. — Погляди вокруг хорошенько! Тут гора есть невысокая, сверху плоская, как стол. Там, должно быть… — Жижка нетерпеливо мотнул шлемом вправо.

Гвезда огляделся вокруг.

— Вон она, брат Ян! — Гвезда пригнулся, взял руку Жижки и указал ею. — До нее гонов пять.

— А рядом другая горка, вровень. Так? А между холмами лощина, поросла леском.

— Все так! — подтвердил Гвезда.

Жижка поднял тут правую руку и трижды помахал ею над головой. То был знак гетману над возами — остановить колонну.

Остановились. Слепец привстал на возке и с высоты отдавал приказы:

— Ты, Рогач, подними войско на плоскую вершину! Поставь возовое ограждение челом [50] к востоку, в сторону лощины. Замкни с боков и с тыла, а с чела не надо — оставь открытым! Там построй по всей ширине наших конников!

Ты, Гвезда, выбери из обозных возов десятка два, что побольше, нагрузи доверху камнями! Полные возы поставь позади конников, да так, чтоб не было снизу приметно!

А ты, Швамберг, все тарасницы, гоуфницы, людей с ручницами расставь по правому боку, в сторону лощины!

— Все понятно? — закончил Жижка. — Так не терять времени: скоро бой! Слышите? Идут!

Издали нарастал грохот возов, тяжело нагруженных пушками.

Увидев, что Жижка поднял свои возы на холм, Гашек Островский поспешил занять соседнюю вершину. Между противниками лежала глубокая узкая лощина.

Пан Гашек был полон нетерпения. Не дожидаясь отставших, он сразу повел свои отряды на приступ занятого таборитами холма.

Жижка верхом на коне стоял позади конников.

— Прошли полдороги, сейчас на дне лощины, — доносили гетману.

— Ждать! — был приказ.

— Полезли в гору, на нашу сторону.

— Скажешь, когда половина их переберется сюда!

Пражская пехота, спешенные рыцари густой массой двигались к таборитским возам. Впереди копейщики готовились принять атаку таборитской конницы, за ними стрелки из арбалетов и ручниц. Дальше — пушкари, тянувшие в гору пушки.

Дорога к таборитским возам проходила по неширокой

ложбине. Растянувшись в глубину, медленно ползла по ней густая вражеская колонна.

— Половина уже по эту сторону, на подъеме, — сказал Рогач.

— Сколько от них до конников?

— Шагов триста.

— Труби! — скомандовал Жижка.

Трубы прозвенели атаку. Таборитские всадники медленно двинулись вниз, сдерживая коней на спуске. На полдороге от противника они разделились и свернули в разные стороны. Теперь стали видны стоявшие на склоне горы возы — тяжелые, высокие, доверху груженные камнями.

Освобождаемые от тормозов и подпорок, возы покатились вниз по склону к ложбине, раскачиваясь на кочках. Их спускали один за другим. Все ускоряя свой бег, возы с разгона врезывались в плотную человеческую массу.

Ошалелые от ужаса пешие и всадники, спасаясь от гибели под колесами, карабкались по склонам ложбины.

Тут ударили по ним тарасницы и гоуфницы, а из возового заграждения высыпали цепники

И судличники. Они стремительно бросились вниз, на метавшегося в панике врага:

Кликните клич боевой:

«На них! Вперед! На них!»
Оружие крепко держите!
«Бог наш владыка!» — кричите.
Бейте их, убивайте!
Ни одного не щадите!

«Выдвинутые вперед воины пражан, — повествует летописец, — обратились в бегство. Побежав, они увлекли за собою и тех, кто был позади них. Все начали бежать. Жижка занял лощину, забрал у противника пушки, возы и всякое оружие, хоть и был он слеп на оба глаза. Тут было убито много пражских и много воинов из рыцарского сословия. Пало тысяча четыреста человек».

Пражские бюргеры и католические паны потерпели, у Малешова сокрушительное поражение.

А через неделю после малешовской победы Жижка был уже далеко на западе, под стенами Плзня. Эта твердыня католиков влекла к себе слепого вождя, — в овладении Плзнем видел он ключ к победе над врагами восставшего народа и в западной Чехии, в краях Плзеньском, Локетском, Раковницком, Жатецком.

Однако и на этот раз таборитское войско — семь тысяч пеших

бойцов, пятьсот конников, триста возов — не смогло сломить сил панского католического союза. Оплот феодалов устоял.

Погромив панские поместья вокруг Плзня, Жижка с сильными своими отрядами ушел в Жатец, союзный Табору.

XXVIII. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Жижке пятьдесят четыре года. Выросший на вольной воле, весь век на солнце и ветру, среди полей, среди гор и долин, он крепок, как дуб на троцновском косогоре. Властный водитель ратей, решительный и смелый человек — он не знает ни шатания собственной воли, ни снисходительности к слабости других.

Пять лет беспримерной борьбы не ослабили его веры в конечную победу правого дела, веры в лучшее устройство жизни на земле, в «божью правду», как он ее называет. Маяк этой правды горит для него, как и прежде, ярко и призывно, и он не устал прокладывать к нему путь.

В этом железном человеке близящаяся старость сказывается склонностью оглянуться назад, вспомнить давно минувшее. Погруженный в заботы о войске, обдумывая новые походы, Жижка часто вспоминает об умершем друге.

…То было вскоре после казни магистра Яна. С Николаем из Гуси отлучились они из дворца в Прагу. Проезжали по взбудораженным улицам столицы. Врат Николай говорил о бесчисленных врагах Чехии — о папском престоле, императоре и внутренних врагах, алчных чужеземцах. «А с нами кто?» — спросил он тогда в тревоге… Рано ушел брат Николай! Как порадовался бы он сейчас: половину Чехии держат народные братства! Общины Большого Табора Николай знал хорошо. А и Малый, Градецкий, держит теперь не меньше Большого: помимо Градца — Жатец, Лоуны, Часлав, Яромерж, Кутную Гору, Нимбурк…

Жижке вспомнился тут во всех подробностях его первый большой спор с Николаем, в лагере у Ржичан. Николай требовал тогда удара по столице, захваченной купцами и магистрами университета, — он, Жижка, не соглашался.

— А сейчас? Когда пражские толстосумы повсюду выставляют своих наемников против народных сил? Когда Прага застряла, как орех в щипцах, между Большим и Малым Табором? Не сжать ли сейчас эти щипцы?!

Жижка опустил кулак на стол. Ярослав, дремавший рядом, проснулся от удара.

— Ярослав, зови немедля Рогача, Гвезду, Прокопа Большого и Прокупка!

Прокоп Большой, или Голый, проповедник на Большом Таборе, с некоторых пор забрал влияние в общине братства. Прокоп блистал умом, красноречием и выдающимися

способностями политика и военного организатора.

Возле рослого, широкоплечего Прокопа с орлиным носом, бритым мужественным лицом Прокоп Малый из Градца, Прокупек, выглядел тщедушным существом. Козлиная бороденка, падавшая на чахлую грудь, придавала ему облик бедного деревенского пономаря. Но был то человек большой отваги и еще больших талантов, советник не менее ценный, чем его могучий тезка.

Жижка звал соратников на военный совет. Когда пришли все четверо приглашенных, гетман обратился к ним со словами:

— К Плзню сейчас, думаю, итти не к чему: взять его не возьмем, а панский Союз и так долго еще не сунет носа ни к Табору, ни к Градцу! Ударить можно на антихристова зятя. Из Моравии, что ни день, идут вести одна другой хуже. Да только, если выступим из Чехии, останутся неприкрытыми войском наши общины. Пражские тогда захватят их.

Жижка клонил свои доводы к заключению — ударить на Прагу! Но хотел, чтобы поход на столицу предложил кто-нибудь из советников, подтвердив этим верность его собственных мыслей.

— От себя и от всего братства Большого Табора скажу, — начал Гвезда, — у нас всегда был и остается враг хуже герцога Альбрехта! Хуже потому, что готов предать чашу, предать общее, народное дело. Ты, гетман Ян, знаешь давнее мое желание, — я спорил с тобой о том еще на Градище. Вот, говоришь ты, нельзя итти в Моравию, оставить неприкрытыми наши общины. Значит, начать надо с другого конца.

— С какого же конца, брат Ян? — спросил слепой гетман.

— Да с Праги!

— А дела твои там с братом Богуславом забыл?

— Как их забыть!.. Да времена другие были, гетман Ян! Теперь мы сильнее, а они слабее!

— А ты, брат Прокоп, что на то скажешь?

— Другая у меня мысль, совсем другая! — живо отозвался Большой Прокоп. — Главный враг нашего народа не зять Сигизмунда и не пражские советники. Главный враг — «блудница вавилонская». Сейчас Римская курия будто притихла, да ненадолго это! Не пройдет года-двух — и чешскую землю снова будут топтать чужеземные орды, насланные Римом…

— Слова твои мудры, брат Прокоп, — перебил Жижка. — Да делать-то нам что? Итти походом на Рим, что ли?

— Нет, не то! Слово мое будет иное! Настала пора повести братствам иную войну. Здесь, в Чехии, мало ли мы погромили панов, пожгли вражеских гнезд — замков и панских городов? А

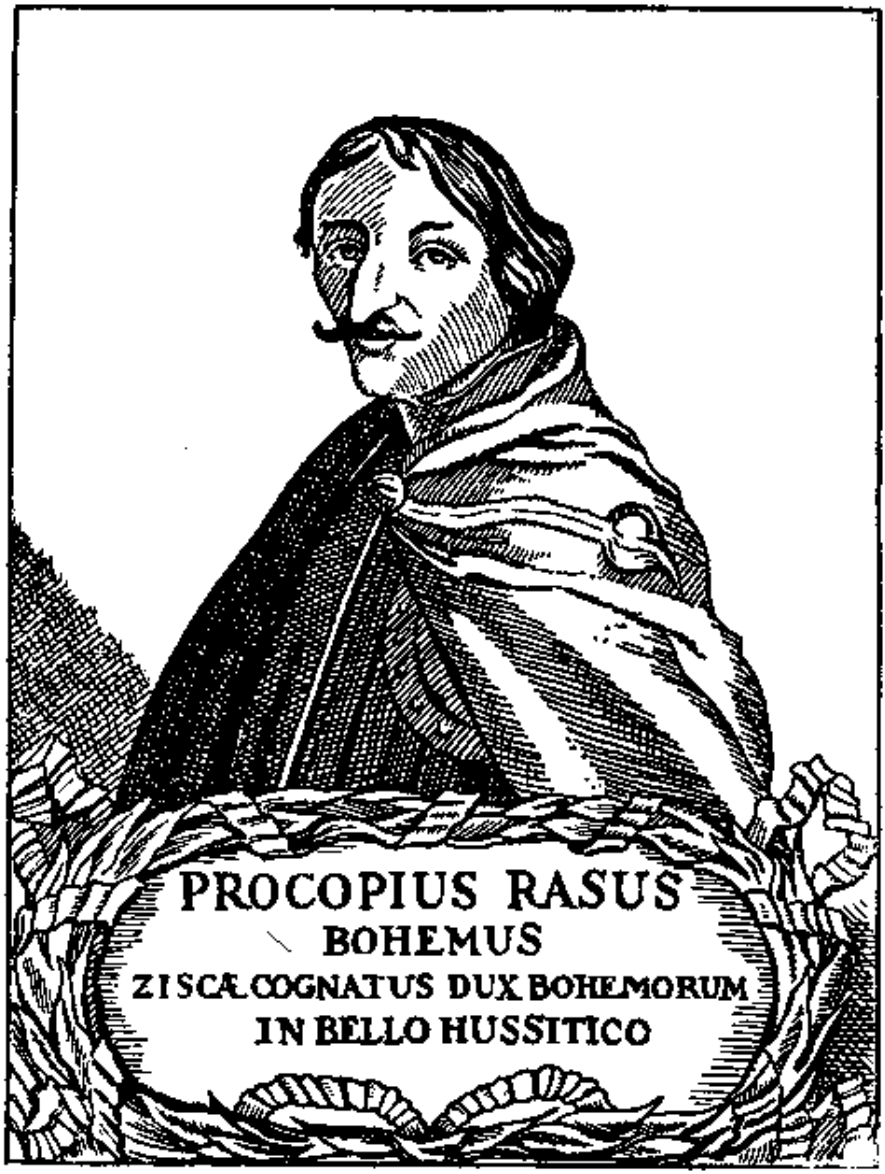
что от этого стало «римской блуднице» и антихристу-императору? Ничего ровно! Они снова соберут силы и пойдут топтать нас и грабить. А надо заставить их забыть и дорогу в нашу истерзанную Чехию!

— А как заставить?

— Принудить пойти с нами на мировую…

— Как же принудить? — перебил снова Жижка.

— Бить медведя не только в пчельнике, куда он забрался мед воровать, но пойти с рогатиной и к его берлоге! Нет, я не говорю — итти на Рим. Можно ударить и поближе! Разорить поместья и освободить крестьян в Мейссене, Силезии, Венгрии, Баварии, Австрии! Да хоть и в Бранденбурге — вотчине Сигизмунда! Вот когда взвоют пособники римского первосвященника! Мы внесем огонь войны в их пределы и вынудим у них мир нашей земле. Им ничего другого не останется, как пойти с нами на мир!



Прокоп Большой (Голый).

Задумавшись на минуту, Прокоп Большой продолжал так же горячо:

— Да не только это! Седлаки наши вконец разорены чужеземными грабителями. Откуда разбойники пришли к нам? Из этих стран! Куда утащили жалкий скарб, достояние наших пахарей? Все в эти страны! А мы пойдем туда за скотом, за сукном, за мясом и шерстью — за всем, что было у нас награблено!

Слова Большого Прокопа задели глубокие струны в сердцах

военачальников, собравшихся за столом у Жижки. Слепой гетман склонил голову на грудь, глубоко задумался. Все ждали, что он скажет.

Жижка начал тихо:

— Сама правда говорит твоими устами, брат Прокоп! Святое наше дело толкает нас за наши границы! Вот ходили уже в Венгрию, пойдем и в другие страны. Все это так!

Голос первого гетмана зазвучал громче:

— А сил наших для походов в чужие земли довольно ли сейчас? Ты посуди: оба наши братства выступят к Вене или к Нюренбергу. А потом, если придется отступать так, как отступали от Дуная? Избави нас бог от того, — я и сам не пойму, как вывел тогда нашу колонну. То было самое трудное дело всей моей жизни.

— Прокоп, брат мой! — продолжал Жижка. — Для похода на Мейссен или в Австрию нужно вдвое, а то и втрое сил против наших! Когда соберем вдвое людей, вдвое возов, вдвое пушек — тогда оставим дома крепкие гарнизоны охранять наши общины, а с остальными улетим далеко за наши границы. В ратном деле, брат Прокоп, знаешь ведь как: отбиваться от чужого меча времени не выберешь — его выбирает противник. А когда надумал сам занести меч над головою врага — то взвесь все наперед! Выбери наилучшую минуту. Дерзай, да разумно!

— За нас сейчас почти весь восток Чехии, да и север, — сказал Рогач. — В год, в два поставим четыре войска по семи тысяч бойцов в каждом, да по пяти коп возов! Тогда бросим колонны хоть на Вену, хоть к Вроцлаву! А сейчас мое слово за посильное нам и важное дело — на Прагу!

Прокупек был скуп на слова:

— Надо позвать жатчан, лоунян, клатовцев, позвать гетмана Богуслава с Большого Табора —. и пойти на Прагу. Там — злейшие враги!

— И клянусь богом всемогущим, — загремел голос Жижки, — кровавыми слезами заплачут эти подлые предатели народного дела!

В столице среди богатого бюргерства, во дворце «короля» Корибута, царили страх и уныние. Корибут понимал, что Праге не устоять, что массы городского люда ждут таборитов. Городские советники требовали, чтобы Корибут направил к Жижке парламентеров.

Утром 12 сентября с башен Праги затрубили рога, заплескались по ветру белые полотнища.

— Сдаются?!

Жижка, военачальники и Старшие братства, проповедники

вышли из лагеря.

— Принесли ключи? — коротко спросил слепец подошедших парламентеров.

Пражане низко поклонились:

— Общины Старого и Нового городов просят тебя, гетман Ян, принять посольство.

— Посольство? — Жижка повернулся к спутникам. — Что скажешь на то, брат Прокоп?

— По мне — пусть приходят! — ответил проповедник.

— Ты, Рогач?

— Если там надумали сдать город, можно и договориться.

Тут подал голос Гвезда:

— Они хитрят! А мы станем помогать им в этом! Для разговоров время давно прошло. Надо начинать штурм!

— Договориться никогда не поздно, — возразил Прокупек. — Если готовы сдаться без бою — к чему тогда штурмовать? Послушаем их!

— Пусть приходят! — заключил Жижка.

Снова распахнулись ворота и выпустили в поле одного только человека, в берете и тоге магистра Пражского университета,

— Земной поклон великому сыну и спасителю общей матери нашей Чехии, гетману Яну Жижке, и соратникам его! — начал посол, входя в палатку слепого полководца.

— Подойди! — приказал Жижка.

Он стал «разглядывать» посланца своими пальцами. Молодое, холеное лицо, подстриженная курчавая бородка, холеные руки, шелковая хламида на плечах. «Магистр», — сообразил Жижка. В нем сразу поднялось старое отвращение к этой породе неженок, толкующих слово божье. И он без церемонии оттолкнул от себя посла.

— Имя вашей милости? — спросил Жижка едко, не скрывая крайнего своего нерасположения.

— Покорного раба твоего, гетман, зовут Ян Рокицана.

— Это тот самый Рокицана, — закричал тут Гвезда, — что жужжал день и ночь в Праге, пока не бросил пана Гашка с его людьми на нас, на Костелец и Малешов!

— Правда твоя, гетман, — поклонился Рокицана в сторону Гвезды. — В помрачении душевном мы искали победы над вами. Жестоко поплатилась за то наша столица! Триста именитейших горожан остались лежать навеки в малешовской лощине!

— Ты-то, магистр, цел и невредим! — скривил рот Гвезда.

— Чтобы вечно раскаиваться в минутном затмении рассудка! — елейно промолвил Рокицана, опустив глаза к земле.

— Пришел договориться о сдаче Праги? — повысил голос

Жижка.

— Великий полководец народа чешского! Я пришел в твой лагерь, благословляемый тенью мученика и общего учителя нашего, магистра Яна Гуса. Пришел, чтоб положить конец вражде между верными ему и учению его, между Прагой и Табором! Ты спас уж однажды Прагу от крестоносцев.

— И во второй раз спасу ее — от таких, как ты! — перебил Жижка гневно.

Магистр словно преобразился: говорил теперь важно, напыщенно, даже гордо:

— Ян Жижка! Я уйду сейчас из твоего лагеря! Прикажи тогда стрелять по городу — гордости чехов— камнями и железом! Обрати в груду развалин столицу чешского народа! Ты, который четыре года назад так чудесно спас ее! Не скрою — Прага сейчас бессильна устоять против тебя. Ты овладеешь ею, ты войдешь в город. Увидишь, как пламя пожирает густонаселенные дома, как тысячи убитых усеяли улицы и кровь их лакают псы! А герцог Альбрехт в Моравии, король Сигизмунд в Венгрии скажут: «Победитель Жижковой горы и Немецкого Брода теперь сам принялся за гуситов! Он нам сейчас лучший помощник!»

— Ты что же, сын сатаны! Думаешь, красные слова твои отшибут у меня память?! — рванулся к послу Жижка. — Под Плзнем против меня бился кто?! И рядом с кем?!

— То наши домашние споры, гетман! — голос Рокицаны звучал теперь печально и проникновенно. — Много обид бывает порою между братом и братом» меж отцом и сыном. А когда в дом заберется чужак с ножом, они дружно кинутся на него, если только у них не отняло разум и сердце не перестало чувствовать сыновней и братской любви.

Рокицана, тонкий дипломат и продувная бестия, пристально вглядывался в лица таборитов, взвешивая впечатление от каждого своего слова.

— Я — сын кузнеца, а здесь учился на подаяние, в школе для бедных. Я не пан и не рыцарь. Горе народное — мое горе, и страшно мне братоубийство. Вдвойне страшно сейчас, когда над братской Моравией глумятся и точат кровь ее враги, слуги антихриста и «блудницы вавилонской».

Рокицана хорошо знал эти эпитеты из таборитских речей и ловко пустил их в ход в нужную минуту.

— Я призываю тебя, гетман Жижка, забыть домашние наши споры. Ты ведь всегда брал верх над нами, жестоко бил нас. Забудь теперь все это, поведи, как встарь, войско Табора и Праги. Раздави герцога австрийского, вызволи Моравию!

— Поздно надумали! — закричал Гвезда. — Мы не забыли

дел ваших!

— А вот забудьте, — спокойно возразил Рокицана.

Посла отпустили. Собрались военачальники обоих Таборов и союзных городов. Много спорили, долго колебались. Моравия! О тяжких муках Моравии скорбела вся народная Чехия. Нанести удар по Альбрехту — значило ударить и по Сигизмунду. А с другой стороны, как было принять новый союз с пражанами после Святогавельского сейма, после Малешова и Плзня?

Жижка сделал выбор: снял осаду и подписал мир.

14 сентября на Шпитальском поле навалили большой холм из камней:

— Этими камнями будет побита сторона, которая нарушит мир между Табором и Прагой!

В договор вписали: «Четырнадцать тысяч коп грошей заплатит сторона, которая нарушит договор!»

А Жижка не верил в прочность этой дружбы.

— Мир этот ненадолго! — говорил он друзьям.

Слепой гетман с войском вступил в Прагу, вновь ставшую союзной. Снова народ пражский горячо приветствовал Жижку, а толстосумы-купцы и цеховые заправилы едва скрывали свою ненависть к таборитскому вождю за Малешов.

Корибут пытался установить с Жижкой старые добрые отношения. Но Жижка сторонился дворца: он не верил больше Корибуту.

Приготовления к моравскому походу закончились.

В начале октября из Праги выступили отдельными колоннами отряды Большого и Малого Табора, войска пражан и панов-«подобоев».

* * *

К моравской границе дорога вела через Кутную Гору, Часлав и Немецкий Брод.

Верхом на коне, отпустив поводья, придерживаясь рукой за высокую луку седла, Жижка медленно ехал во главе двадцатитысячного сводного войска. Путь союзных ратей пролегал по местам, где Жижка много раз проходил раньше с боями.

— Справа в ста гонах село Лукавец, — доносили слепому воеводе. — Сожжено крестоносцами. Жители ушли и не вернулись.

— Слева, в двухстах гонах, деревня Новоседлы. Разграблена

мейссенцами. Жители перебиты, хаты пустуют.

Дальше — Подган, Страхов, Мокре… Деревни целы, в них живут, да подходить близко нельзя: там — моровое поветрие…

Проходя по местам, где завелась «черная смерть», войска зажигали круговые огни на стоянках, чтоб отогнать от воинов болотные туманы. Пили чистую ключевую воду. Да только не уберегло это от заразы — в отрядах вскоре появилась черная гостья. Чумных больных оставляли в придорожных деревнях, на попечение табориток и шли дальше.

Союзное войско к 6 октября достигло города и крепости Пржибыслав, владения богатых сатрапов Сигизмунда, панов Роновских на верховьях Сазавы. Пржибыслав высился на скале, запирая дорогу в Моравию.

Войско стало, обложило крепость, начало готовиться к обстрелу и штурму.

Руководивший осадой слепой гетман вдруг почувствовал себя плохо. Горячие волны крови заметались по могучему телу, заливая голову. В ушах стоял неумолчный звон.

Жижке не раз приходилось в походах переносить на ногах недомогания. Но тут его быстро свалило. Чтоб не покидать войска, он приказал разостлать под развесистым дубом медвежьи шкуры.

Но только он слег, как впал в беспамятство. Ярослав, Ян Рогач, Гвезда склонились над метавшимся в жару гетманом:

— Смотрите!..

Голос Рогача дрогнул. Он показал на распахнутый ворот рубахи. На шее, под скулами, вздулись иссиня-красные желваки.

Сомнения не было: «черная смерть»…

Больной пришел в себя, попросил пить.

— Умираю, братья! — сказал он ясным голосом. Сорвал с глазниц повязку.

— Подойди ко мне, Ярослав. Прощай, брат!.. Не забывай сестру нашу… старую тетку… дочь мою… Анешку… Будь им опорой!.. Не погреши против общины братьев ни трусостью, ни изменой…

Жар помрачил на минуту сознание Жижки. Но он снова очнулся:

— Ты здесь, Ян Рогач, любимый друг мой?.. Прощай и ты… Веди за меня войско…

Голос больного становился все тише:

— Прощайте, братья таборские… верные делу божьему! Прощайте навеки… Храните в сердце верность!

Умирающий заметался. Сел на своем ложе. Багровое лицо — в синих узлах. Он бредил:

— Поведу народ… наших седлаков… И все буду с вами!.. Смотрите — бегут… А вы — без жалости! Нет им пощады!

Упал навзничь — и вскоре скончался.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями».

И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 112–113.

Осиротело таборитское братство. Осиротела и вся народная Чехия.

В знак скорби и неразрывной связи с ушедшим вождем воины, гетманы и Старшие Малого Табора стали звать себя с тех пор Сиротами [51].

Но вооруженные силы народного движения, созданные Жижкой, со смертью его не потерпели ущерба: полководец Табора сумел воспитать на смену себе превосходных военачальников. Следуя его военным идеям и переняв его тактику, ученики создали на основании, заложенном учителем, еще более внушительную военную организацию.

В Большом Таборе руководство постепенно перешло к Прокопу Большому. Прокоп никогда не брал оружия в руки и не был на Таборе гетманом. Положение Старшего позволило этому талантливому стратегу народной войны стянуть в свои руки все нити движения.

Душою братства у Сирот стал Старший Малого Табора — Прокупек.

Часто гибнущие в походах, то и дело сменяющие один другого гетманы начинают играть при этих Старших подчиненную роль.

Объединенные в таборитских братствах крестьяне, мелкие ремесленники и городская беднота следуют во всем за Прокопом и Прокупком. Их верной опорой являются «идеологи» движения, проповедники Табора, закрепляющие влияние обоих Прокопов на вооруженные народные массы.

А в Праге тем временем восходит звезда Яна Рокицаны. Это человек ненасытного честолюбия. С большой ловкостью устраняет он «короля» Корибута. Узнав, что Корибут ведет тайные переговоры с Римом, Рокицана перехватывает его письма. В них

заключены уничтожающие улики: «гуситский король» соглашается полностью восстановить в Чехии католический культ и вернуть церкви ее владения за признание папой «прав» Корибута на чешский трон. Рокицана добивается от городских советников столицы сначала заточения в крепость, а затем и изгнания из страны «властителя чехов». Это происходит осенью 1427 года.

Освободившись от Корибута, Рокицана принимается исподволь подготовлять большое предательство: он задумал выдать Чехию Сигизмунду, выговорив себе за то архиепископскую митру.

Но это пока только глубоко упрятанная вожделенная цель богослова. Перед пражанами Рокицана до поры до времени — ярый гусит, велеречивый защитник Чехии от посягательств Рима и императора.

Положение Праги становится из года в год все более сложным. Табориты с юга, Сироты с востока сильно теснят пражских бюргеров, отнимают у них замок за замком, город за городом. От недавних владений столицы вскоре остается только шесть зависимых от нее городов.

Но когда табориты снова пытаются захватить Прагу, они терпят дважды кряду неудачи, в 1424 и в 1425 годах. Так же безуспешно кончается и попытка католических панов захватить столицу в 1427 году.

Чешское бюргерство продолжает оставаться в эти годы независимой политической силой, ловко лавирующей между феодалами и восставшими народными низами. Пражане по-прежнему заключают союзы то с панами, то с таборитами. Они умеют извлекать из этих союзов большие выгоды.

Прокоп Большой все силы народного восстания направляет не на борьбу с чешским бюргерством или панами-католиками, а на внешние походы. С такой стратегией полностью согласен и Прокупек.

Вторгаясь в соседние страны, табориты и Сироты ставят перед собою ясные цели: принудить императора и папу пойти на мир с гуситской Чехией; поднять народные восстания против феодальных господ в немецких землях; вернуть в страну, вконец разоренную нашествиями чужеземных феодалов, награбленное у нее.

На протяжении восьми лет (1425–1433) возовые колонны Большого Табора и Сирот осуществляют глубокие рейды в страны Средней Европы, наводя панический страх на князей, феодалов и купцов-патрициев. Походы эти, следующие один за другим, прерываются только на короткое время, когда надо вернуться в

Чехию, чтобы отразить очередной налет на нее крестоносных орд.

* * *

Военные силы таборитов, выпестованные Жижкой, вторгались в те годы в Австрию, Силезию, Венгрию, Саксонию, Франконию, Баварию, Мейссен, Бранденбург, докатывались до далеких берегов Балтики.

Прокоп Большой, стратег этих смелых рейдов, никогда не ставил себе пели оккупировать соседние страны. Восставшим народным массам Чехии такое предприятие было бы не под силу. Побуждать дворянство Германской империи страхом разорения к мирным переговорам, будить победоносным своим примером немецкое крестьянство, плебеев немецких городов — таковы были намерения Прокопа.

В длинном ряде Енешних кампаний Прокопа Большого выделяется несколько походов, замечательных по своему замыслу и результатам, по глубине впечатления, произведенного ими в окружающих Чехию враждебных таборитам государствах.

Весною 1428 года сильные отряды таборитов, двигаясь в направлении силезской столицы Вроцлава, захватили Остраву, Катчер, Гоценплоц, штурмом овладели Верхним Глоговом и многими другими укрепленными и открытыми городами и местечками Силезии.

Вроцлавский епископ Конрад лихорадочно стягивал к стенам Ополья католических наемников, надеясь прикрыть свое войско водным рубежом Ниссы.

В кровопролитном бою табориты разбили силезских феодалов наголову, сбросили в реку две тысячи католиков и ворвались в город.

Этот удар совершенно обескуражил дворян и духовенство Силезии. Никто больше по-настоящему не сопротивлялся. Города раскрывали перед Прокопом ворота, владетельные князья являлись к нему с низкими поклонами и мешками золота.

Упорствующий епископ Конрад рассчитывал дать решающий бой подальше, у самого Вроцлава. К нему спешили на помощь дворянские отряды Саксонии, Бранденбурга, много чешских католических панов.

Двигавшиеся им навстречу таборитские колонны обрастали толпами силезских крестьян — поляков и немцев. С замечательным единодушием громило затем таборитское войско господские дворы, церкви, монастыри.

Таборитов было двадцать четыре тысячи; католиков, собранных епископом Конрадом со всех концов империи, — более шестидесяти тысяч. Но едва заслышали ставшие у Вроцлава католические отряды о подходе таборитов, как в панике рассыпались в разные стороны и попрятались по замкам и укрепленным городам. Никем более не тревожимые, «божьи воины» дошли до предместий Вроцлава, сожгли их. Вся владетельная знать силезского герцогства молила теперь Прокопа о мире.

С огромной добычей вернулись табориты из этого рейда к себе в Чехию.

Еще внушительнее был поход таборитов и Сирот совместно с пражскими отрядами в Силезию и Саксонию в 1430 году. В поле выступило сорок тысяч пеших воинов, четыре тысячи всадников, две тысячи пятьсот боевых возов. О таком войске Жижка мог только мечтать! Под предводительством Прокопа Большого «вся Чехия устремилась в Германию», — писал об этом походе К. Маркс.

Через Теплиц и Граупен подошли к Дрездену. Военная сила, бывшая в то лето в руках Прокопа Большого, способна была смять сопротивление и подчинить себе хоть всю империю. Но характерным для стратегии преемника Жижки является как раз полный отказ от завоевательных целей. Он упорно добивался не господства над соседями Чехии, а мира с ними.

Прокоп отказался и от захвата сильно укрепленных городов и крепостей. Обходить укрепления немецких феодалов, разорять их поместья и церковные владения, оставить несколько сильных таборитских гарнизонов, откуда можно было бы обращаться с проповедью таборитских идей, — таковы были планы Прокопа.

Спалив предместья Пирны и Дрездена, главные силы таборитов двинулись к Лейпцигу. Между Гриммой и Лейпцигом тем временем сосредоточивалось мощное феодальное войско. Под знамена герцогов саксонского и брауншвейгского, маркграфов бранденбургского и тюрингенского стянулось сто тысяч первоклассных бойцов.

Казалось, предстояло большое, кровопролитное сражение. Но, как то повелось еще со времен Жижки, феодальные орды теряли Весь свой боевой задор перед липом вооруженных народных масс. Не приняв боя, конные и пешие наемники немецких феодалов бросились наутек в сторону Лейпцига.

Табориты не стали штурмовать этот город. Разбившись на малые колонны, они принялись рейдировать по Саксонии. Затем перешли в Силезию и Баварию.

Курфюрст бранденбургский вымолил у Прокопа перемирие.

Табориты стояли тогда у Лейпцига, Нюренберга и Вены. Никто и ничто не могло бы помешать им пойти и дальше. Как пишет чешский летописец: «Если бы они, подобно предкам, искали славы, они могли бы дойти и до Рейна и покорить многие страны».

* * *

Бессилие католической Европы остановить все ширящиеся вторжения таборитских отрядов в немецкие земли подрывало авторитет церкви, светских владык и всего феодального дворянства. Но, пожалуй, еще пагубнее были для них сокрушительные провалы четвертого и пятого крестовых походов против чешских «еретиков», предпринятых в те годы Римом.

Четвертый крестовый поход начался летом 1427 года. В конце июля восьмидесятитысячная армия всадников-крестоносцев обложила город Стржибро в Плзеньском крае.

Пражские бюргеры, напуганные новым чужеземным вторжением, и на этот раз вступили в военный союз с таборитами. Под командованием Прокопа выступило в поле сводное войско всего в шестнадцать тысяч пеших воинов и полторы тысячи конников, однако с большим числом боевых возов.

Прокоп подошел к Стржибру — и крестоносцы побежали.

«Христолюбивое воинство» перехватил папский легат кардинал Генрих, брат английского короля.

— Презренные трусы! — вопил легат. — Вы забыли о спасении души, о рыцарской чести! Позор вам — враг много слабее вас!

Кардинал приказал развернуть знамена, «освященные самим папой», снял с груди усеянный бриллиантами крест:

— За мной!..

Посрамленные крестоносцы повернули назад, за кардиналом-легатом. Бароны, графы клялись друг перед другом стоять плечо к плечу, что бы ни случилось.

Но вот послышался издали стук колес таборитских возов — ив мгновенье ока многотысячное конное войско снова обратилось в огромный, полный смятения, дикий табун.

В гневе кардинал изорвал папские знамена, а потом… и сам пустился вскачь, думая только о том, как бы не попасть в руки страшного врага.

Столь же позорно кончился и пятый крестовый поход летом

1431 года.

В южную Чехию вступило сорок тысяч всадников, девяносто тысяч пехотинцев с многочисленными пушками и большим обозом.

С самого начала похода крестоносцы стали истреблять чехов — старых и молодых, женщин и детей. В этот страшный для Чехии год паписты превзошли самих себя в изощренных зверствах.

Прокоп собрал против вторгшихся пять тысяч всадников, пятьдесят тысяч пеших воинов, три тысячи боевых возов. Он повел свою армию к Домажлицам, решив принять здесь неравный бой с противником, почти втрое более многочисленным.

За целую милю заслышали крестоносцы мошное пение подходивших таборитов. Верой в свои силы, в свое правое дело звучал гимн восставшего народа, гимн Жижки:

На них! Вперед! На них!
На сонмы врагов не глядите!
Мужество в сердце храните!
Блажен, кто за правду падет!

Папский легат кардинал Юлиан Чезарини стоял с герцогом саксонским на холме, озирая оттуда поле близкой битвы. Он заметил странное движение в войске, все возраставшее по мере того, как усиливались доносившиеся издали звуки таборитской песни. Непонятная суета, крики, затем беспорядочная скачка всадников.

К кардиналу подскакал маркграф бранденбургский:

— Вся армия бежит! Скорее, ваше преосвященство, в лес, пока не поздно!

* * *

Широко и многообразно было идейное воздействие антифеодального восстания чешских народных масс на крестьян и городских плебеев окружающих стран.

Повсюду, куда проникали таборитские колонны, крестьянское население и городская беднота — поляки, немцы, венгры — присоединялись к таборитам и вместе с ними разрушали поместья и монастыри.

Обычно события протекали так: при подходе таборитов феодалы быстро формировали пешие отряды из своих

крепостных. Но стоило только таким подневольным ратникам войти в соприкосновение с вооруженными чешскими крестьянами, как они бросали оружие, братались с таборитами и вливались в их отряды. Это наблюдалось не только в Силезии, где крестьянство было славянским, но и в Саксонии с ее чисто немецким населением.

Именно это повсеместное страстное сочувствие таборитам со стороны подъяремного люда делало для владетельных особ и городского патрициата невозможной организацию сколько-нибудь действенного сопротивления этим вторжениям.

Идеи таборитов находили живой отклик и далеко за пределами тех областей и стран, где побывали колонны Прокопа Большого.

Незадачливый организатор пятого крестового похода кардинал Чезарини доносил папе Евгению IV:

«На днях магдебуржцы выгнали архиепископа и своих священников из города, окопались за укреплениями из возов, по примеру гуситов, и, как слышно, попросили гуситов прислать к ним начальника. Это дело тем более опасно, что многие окрестные города вступают с ними в союз. Город Пассау также выгнал своего епископа и осаждает его теперь в одном замке».

На Рейне — в Базеле и Страсбурге — раздавались в те годы проповеди с призывами последовать примеру таборитов, конфисковать имущество церкви, отнять у церковников светскую власть,

В городах и селах Швабии, Саксонии, Франконии, Рейнской области, еще недавно, охваченных вальденской ересью, призывы сторонников Табора находили горячий отклик.

Идейное воздействие чешского движения перешагнуло и за Рейн. В протоколе съезда французских церковников в 1432 году отмечено: «В Дофинэ[52] в горах находится целый край, который придерживается заблуждения чехов, обложил себя податью в их пользу, собрал ее и послал оную чехам».

И даже на самом далеком юго-западном краю Европы, в Испании, появились в те годы среди крестьян секты, сочувствующие таборитам.

* * *

— Чехов могут победить только сами чехи! — заявил император Сигизмунд.

После провала пяти крестовых походов он не верил больше в

возможность справиться с таборитами силой оружия хотя бы даже всей католической Европы.

Собравшийся в 1431 году в Базеле новый во ленский собор католической церкви стал искать возможностей решить в свою пользу спор с таборитами. Решение напрашивалось само — бросить бюргерство и панов Чехии против восставших народных масс. Но осуществить такой план можно было, только оставив прежнюю непримиримость в отношении всех оттенков гуситской ереси, идя на уступки бюргерскому, умеренному гуситству, панам-«подсбоям», подтвердив четыре пражские статьи и причащение под обоими видами.

Для высшей католической иерархии то была поистине горькая пилюля. Но другого лекарства не было…

В самом начале 1433 года в Базеле появилась большая делегация чешских гуситов. Ее главными представителями были Прокоп Большой и Ян Рокицана.

Победитель двух крестовых походов, гроза католической Европы — Прокоп держался перед собравшейся церковной знатью гордо и независимо. С самого начала Прокоп показал собору, что он прибыл в Базель заключить победоносный мир с разгромленным противником.

Прокоп огласил перед собором «манифест ко всему христианскому миру», в котором обвинил католическое духовенство в продажности, разврате, паразитической жизни.

Это было неслыханно в истории католической церкви — выслушивать с кафедры ее высшего органа, собора, такие речи и не бросить дерзкого еретика на костер, не сметь даже протестовать.

Но перед героем Домажлиц трепетала вся феодальная Европа. Униженно склонила перед ним голову и «вавилонская блудница» — Рим.

Когда Прокоп начал осыпать презрительными словами лихоимство церковников, нападать на церковную десятину, — терпение кардиналов и прелатов, казалось, иссякло. Как повествует немецкий летописец, «одни смеялись, другие скрежетали зубами, еще другие начинали громко роптать. Кардинал Чезарини возвел глаза к небу»,

Когда в другой раз, во время выступления с кафедры одного из таборитов, в зале раздались возгласы: «Еретики!», тотчас вскочил таборит Петр Пене

— Знайте, мы не боимся вас! Пусть даже весь собор обзовет нас еретиками!

Пока длилось это публичное унижение «всемирной» церковной власти, церковники в тайных своих канцеляриях

лихорадочно искали средств и путей внести разлад в среду гуситов. Внимание кардиналов остановилось на магистре Яне Рокицане. В хитром, честолюбивом богослове они угадывали предателя.

Никто не мог превзойти Римскую курию в умении использовать в своих целях человеческую подлость.

Рокицана жил в Базеле обособленно. Это позволило Чезарини начать с ним негласные свидания. Залучив тайного себе союзника, кардиналы решили повести дальнейшие переговоры с гуситами в Праге через Рокицану.

В апреле 1433 года в чешскую столицу прибыло из Базеля посольство собора. Вскоре за тем открылся и общегуситский сейм. С кафедры этого сейма Прокоп заявил:

— Войну против нас начали князья и католическая церковь. Мы вынуждены были ответить им войною. Мы будем и дальше с оружием в руках бороться со всеми, кто не примет четырех пражских статей.

А в это время в доме Рокицаны происходили келейные переговоры базельских послов с панами, магистрами, советниками чешских городов: в большой поспешности формировался панско-бюргерский противотаборитский союз. Рокицана, организатор всего этого черного дела, требовал от Базеля для Чехии незначительных вероисповедных вольностей — чаши и некоторого ограничения прав церковников на владение собственностью.

Послы согласились передать эти куцые требования на рассмотрение собора.

Так в конце 1433 года появились на свет пресловутые «Пражские компактаты» — соглашение Базельского собора с бюргерским и панским гуситством.

Табориты не могли, конечно, признать этого соглашения, и после его заключения отношения между бюргерской Прагой и таборитскими братствами сразу прервались. Неизбежна стала война. Пражане стягивали к столице все противотаборитские силы — городов, панов-«подобоев» и панов-католиков.

В Новой Праге по-прежнему сильны были симпатии низов городского населения к таборитскому движению и протест против «Компактатов». Рокицане надо было поэтому прежде всего расправиться со сторонниками таборитов в самой столице.

Эту задачу выполнили отряды бюргеров вместе с панскими отрядами, вызванными к ним на помощь. В начале мая 1434 года они с боем заняли Новый город. Вся столица перешла под власть сторонников соглашения с Римом.

Табориты в это время осаждали Плзень. Весть о

предательском ударе, нанесенном Рокицаной их сторонникам в столице, вызвала среди воинов Табора бурю негодования:

— На Прагу!

Прокоп Большой звал Прокупка двинуть из Градца к Праге все свои силы: предстояла решающая битва.

Соединенная армия Табора и Сирот стала лагерем у Липан, под Прагой. Против нее расположились значительно большие силы панов-«подобоев», панов-католиков, бюргеров столицы и многих чешских городов.

Обе армии были почти одинаково вооружены. И та и другая сторона прикрывались большим количеством боевых возов — главным тактическим средством Жижки успели полностью овладеть и враги таборитов. И табориты и их чешские противники на протяжении пятнадцати лет гуситских войн прошли через горнило бесчисленных сражений и имели почти одинаковый военный опыт. Мало того, многие из былых военачальников Табора — выходцев из дворянства — вели теперь войска бюргеров и панов.

Бой начался 30 мая. В разгар сражения гетман Сирот Ян Чапек, командовавший всей таборитской конницей, предательски бежал с поля боя, уведя с собою всех всадников. А пражане сумели выманить таборитов из их возового ограждения раньше времени и сами ворвались в него.

Героически бились воины обоих братств, но с каждым часом их положение становилось все безнадежнее. Уже погиб Прокоп, пал и Прокупек. Две с половиной тысячи таборитов устилали своими телами поле битвы.

А паны и бюргеры, опьяненные выпавшей на их долю победой, зверски рубили пленных, добивали раненых. Тысячу таборитов, попавших в их руки, загнали в сараи и сожгли живьем.

Липаны стали концом Табора. Этим сражением закончилась беспримерная пятнадцатилетняя народная война, зачинателем которой был Ян Жижка.

Велика была мощь военной организации, созданной таборитами, велико и воздействие их примера на крепостной крестьянский мир окружающих стран. И самим восставшим, и лютым их врагам, церковникам и феодалам, должно было казаться, что это делает таборитов неуязвимыми.

Однако наряду с сильными сторонами народного чешского восстания, создавшего прекрасное войско, сумевшего воспитать немало превосходных народных вождей, были и слабые стороны, исподволь расшатывавшие таборитское движение и приведшие его в конце концов к гибели.

Буржуазные историки гуситских войн обычно настаивают на

том, что со времени походов таборитов в сопредельные страны строгость внутренних порядков в таборитской армии, заведенная Жиж-кой, якобы ослабела. Их ряды будто бы засорились всякими авантюристами, любителями военной добычи и легкой наживы, и все движение постепенно переродилось, потеряло свою прежнюю дисциплину и идейность.

Но это не подтвержденное фактами «мнение» — клевета на таборитские армии.

Верно другое: в рядах «божьих воинов» с каждым годом становилось все больше выходцев из рыцарского и даже панского сословий.

В начале движения вполне естественным было то, что такие рыцари-бедняки, как Жижка или Николай из Гуси, принесли народу свои военные знания, свой талант организаторов восстания.

Но по мере того, как росло могущество Табора и, с другой стороны, приходил в расстройство и упадок весь феодальный уклад Чехии, много рыцарей и панов примкнуло к таборитам, потому что здесь открывалась наилучшая возможность найти приложение их единственному умению — военному ремеслу.

Эти люди служили в войсках Большого и Мало го Табора на всех ступенях — от простого цепник; до гетмана, в меру своих способностей. Многие служили старательно, честно. Но почти всегда на сходах братства они тянули в сторону всяких соглашений с враждебными Табору силами.

Внутренний кризис возник, когда на политическом горизонте обозначилась смертельная опасность для народного движения, когда настало время положить голову за народное дело. Многие гетманы и командиры, выходцы из дворянства, на эту жертву не пошли и предали Табор…

Словно очистительная гроза, пронеслась над Чехией буря народного восстания. Все, кто выматывал силы крестьянина чиншами, оброками и барщиной, кто, ханжески возводя очи к небу, выгребал из крестьянского кармана последний медяк, узнали на своей шкуре мощь народного протеста.

Восставшие покончили с церковным землевладением, нанесли сокрушительный удар по владениям католических панов и рыцарей, покончили с феодальными поборами и повинностями, очистили чешские земли от ненавистных немецких дворян, патрициев, каноников и монахов.

Антифеодальная направленность, «присущая всем большим крестьянским выступлениям, роднит их между собою. Однако гуситское движение существенно отличается от всех предшествующих восстаний крестьян. Оно стоит ближе к ранним

буржуазным революциям, чем к средневековым крестьянским движениям.

В гуситский период восстание крестьян в Чехии против феодального строя соединилось с борьбой против католической церкви, немецкого духовенства, патрициата, вылилось в национальную войну против немецкого дворянства, императора и ненавистных крестоносцев.

Это придало гуситскому движению широкий размах, втянуло в него различные социальные группы, способствовало установлению союза между двумя лагерями: умеренным — рыцарско-бюргерским — и революционным — крестьянско-плебейским. Правда, этот союз часто нарушался, сменяясь борьбой, но он немедленно восстанавливался, как только появлялась опасность извне, со стороны императора и римского папы.

* * *

После катастрофы у Липан власть над страной быстро забрали в свои руки ее старые феодальные хозяева. На чешский престол взобрался, наконец, император Сигизмунд. Он долго не верил своей удаче, но когда убедился в том, что трон под ним прочен, начал мстить всем, кто, по его мнению, повинен был в его пятнадцатилетних злоключениях.

Паны, монахи, католические прелаты в замках и монастырях, новый патрициат Праги и других городов Чехии — все черные силы реакции торжествовали победу.

Архиепископ Рокицана — гусит, который при помощи «Компактатов» весьма ловко разделался с учением Гуса, — изощрялся теперь в изъявлении преданности Сигизмунду.

Большой Табор после липанского погрома и гибели лучших народных вождей попал под власть кучки предателей, честолюбивых гетманов, подкупленных Сигизмундом обещанием военных постов и государственных должностей. Эти гетманы понуждали обескураженную поражением массу таборитов итти за ними и принять соглашение с императором.

На Малом Таборе против натиска феодальной реакции несколько лет кряду боролся старый сподвижник Жижки Амвросий. Он выставлял в поле военные отряды Сирот, бил силы Сигизмунда. Но в 1437 году и он был устранен изменниками народному делу, захватившими власть в Градце.

Однако и после падения Амвросия в чешской земле остался

уголок, где с прежней силой и страстью продолжала кипеть народная борьба. Друг Жижки Ян Рогач сумел закрепиться на горе возле Малешова. Это был последний бастион таборитского движения. К Рогачу в Сион — так по-библейски назвал гетман свою новую твердыню — стекались теперь все те, кто жаждал ратного дела, кто предпочитал борьбу и смерть подлой покорности торжествующему врагу.

В городах и селах Чехии очень многие с замиранием сердца и смутной надеждой глядели в то лето 1437 года на героический, неравный бой, который повел Ян Рогач. Уже тринадцать лет прошло после смерти Жижки, а чехам из народа казалось, что ожил боевой дух слепого полководца.

Сигизмунд не жалел ни денег, ни снаряжения, слал к стенам Сиона отряд за отрядом. Его приказ — раздавить Рогача любой ценой.

Осада Сиона началась в мае. Крепость, окруженную земляным валом, глубоким рвом и мощными стенами, трудно было штурмовать. Для императорских наемников это предприятие становилось просто невозможным из-за героической решимости таборитского гарнизона.

Пан Птачек, руководивший осадой, построил передвижные башни, поднявшиеся высоко над стенами крепости. С этих башен обстреливалось все, что находилось внутри крепостного обвода. Но огонь, которым отвечали осажденные, был губителен. Он отбивал у Птачка охоту к возобновлению штурмов.

Четыре месяца длилась осада. Порох, ядра, хлеб — все приходило у осажденных к концу. А Птачек, отчаявшись добиться успеха прямыми атаками, стал рыть подземный ход к крепости.

Закончив это дело, он отвлек внимание таборитов ложными приступами и бросил своих людей через прорытый в земле ход к самым стенам Сиона. По приставленным лестницам они сумели взобраться на эти стены и проникли внутрь крепости.

Измученные голодом табориты дрались с мужеством отчаяния. Горстки людей отбивались от наседавшего вдесятеро более многочисленного врага.

Под звон скрещиваемых мечей в последний раз запели «божьи воины» свою боевую песню — песню Жижки. Силы их таяли быстро. Тела павших мешали драться живым.

Ян Рогач врубился в самую гущу Сигизмундовых наемников.

Он искал теперь смерти…

Замахнувшись мечом, Рогач задел ногою тело товарища, упал. На него сразу навалились сверху.

6 сентября 1437 года Сион был предан огню. Через два дня по улицам Праги вели закованного в цепи Рогача с его пятьюдесятью

боевыми товарищами. В Пражском замке плененного гетмана нетерпеливо поджидал сам Сигизмунд, окруженный блестящей свитой чешских феодалов.

Когда полуживых от голода и ран пленников втолкнули в зал, Сигизмунд сразу признал среди них Рогача. На покрытом ранами лице лихорадочно горели глаза, глядевшие куда-то вперед невидящим взором.

— Ян Рогач, — оказал тут Сигизмунд, — преклони колена перед твоим королем!

— Я очень жалею… — воспаленные губы израненного гетмана с трудом произнесли эти слова.

Сигизмунд заулыбался. Недаром велел он привести последнего таборитского вожака сюда, в замок. Сейчас перед собравшимся здесь цветом чешского дворянства прозвучат покаянные слова!

— О чем тут жалеть, Ян Рогач, опустись на колени, — а там посмотрим!..

— Жалею, — хрипел Рогач, собравши последние силы, — жалею, что мне не вышибли глаз… Я не глядел бы сейчас на тебя, богомерзкого!

Сигизмунд побагровел:

— Эй, палачи!

«После чего, — рассказывает летописец, — Рогача и товарищей его отвели в ратушу Старой Праги и подвергли безжалостным пыткам. Пытали, пока из тела не вывалились внутренности».

«А на другой день, 9 сентября, на пражской площади возвели виселицы. Повесили товарищей Рогача. А его самого повесили выше всех, обрядивши, по приказу императора, в парадный дворянский наряд с золотым поясом, накинув на шею золотую цепь, словно бы королевскую награду…»

Так мстил Сигизмунд.

Со смертью Рогача закончилось вооруженное сопротивление чешских народных масс римскому папе, императору Сигизмунду, всей торжествующей феодальной реакции.

* * *

Исторический урок, какой следует извлечь из поражения таборитского движения, заключается в сталинской истине: крестьянство может преуспеть в борьбе против феодального угнетения, только когда его восстание сочетается с

революционной борьбой другой созидающей и преобразующей общество силы. Такая сила — рабочий класс.

Но в начале XV века, во времена гуситских войн, класс этот еще не существовал. И только через полтысячелетия чешский пролетариат смог возложить на свои плечи задачу коренного социального переустройства общества, осуществляя при этом и свои пролетарские идеалы и вековые чаяния чешского трудового крестьянства.

Однако, несмотря на свое конечное поражение, движение таборитов оказало положительное влияние на. весь дальнейший ход истории чешского народа. Влияние это глубоко и многообразно.

Католическая церковь испытала во время гуситских войн потрясение, от которого она уже не смогла больше оправиться. Отпадение от Рима целых стран и народов, которое происходило в последующие два-три века, несомненно, берет свое начало в чешской народной революции. В самой Чехии католичество, восторжествовавшее после разгрома таборитов, не смогло уже стать снова неограниченным «хозяином душ и кошельков», каким оно было до 1419 года.

Гуситское движение изменило к лучшему положение чешского крестьянства. Феодальная реакция, последовавшая за поражением Табора, все же не вернула чешских крестьян к прежнему положению полного бесправия. Только через два века, после потери чехами государственной самостоятельности, эти крестьяне снова попали под тяжкий гнет крепостников.

Народное революционное движение начала XV века привело к мощному подъему чешской культуры. Чешский язык, чешская музыка, все виды чешской литературы с того времени развивались быстро и разнообразно. Невиданная борьба народных масс и одержанные в ней победы привели к охватившему всю толщу народа острому национальному самосознанию, к сильному чувству национальной гордости. Это помогло сохранить целость нации и ее культуру в последующие века, когда чешской землей завладели австрийские Габсбурги.

Очень важный результат гуситских войн — сохранившиеся в чешском народе революционные гуситские традиции. На протяжении всего последующего времени борьба чехов с чужеземными угнетателями связывается ими с таборитами и с Жижкой.

В годы гитлеровской оккупации Чехословакии многие партизанские чешские отряды, сражавшиеся с нацистскими ордами, носили имя Яна Жижки, Прокопа Большого. А с радиостанций Москвы раздавались тогда призывы чешских

патриотов к их братьям в Чехословакии, подпавшим под тяжкое нацистское ярмо. В этих призывах напоминали борющемуся чешскому народу о славных делах таборитов, о днях Немецкого Брода и Домажлиц.

Добившись с помощью советского народа своего освобождения от фашистской тирании, трудящиеся Чехословакии во главе с рабочим классом, под руководством коммунистической партии успешно строят фундамент социализма. Они часто вспоминают тех, кто пять веков назад боролся за счастье и свободу народных масс.

Как и в те далекие времена, Чехословакии и ныне угрожают враждебные силы. Союз креста и доллара пытается подкопать фундамент новой, народно-демократической Чехословакии. Но как изменилась историческая обстановка! Жижка, в душевном смятении оглядываясь вокруг, тщетно искал, союзника изнемогающему в неравной борьбе чешскому народу. А теперь чехи и словаки могут уверенно глядеть вперед, в сияющие дали грядущего. Ибо рядом с ними — необоримая сила братского советского народа!

В тесной дружбе с великим Советским Союзом и странами народной демократии трудящиеся Чехословакии, свободные строители социализма, твердым шагом идут вперед. Они бережно хранят героические традиции своего исторического прошлого и свято чтут память Яна Жижки из Троцнова, достославного борца за свободу и счастье народа.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЯНА ЖИЖКИ

Годы:

1370 — Год рождения Жижки (предположительно).

1408 — Жижка начинает враждебные действия против Генриха Розенберга.

1409 (27 июля) — Грамота короля Вацлава о прощении Жижки.

1410 (15 июня) — Жижка участвует в Грюнвальдской битве

1415 (6 июля) — Сожжение Гуса.

1419 (30 июля) — Жижка руководит восстанием жителей Новой Праги.

1419 (4 ноября) — Нападение пражан на Малую Сторону.

1419 (конец ноября) — Взятие Жижкой Плзня. Бой у Некмиржа.

1420 (20 февраля) — Жижка сдал Плзень и отступил к Табору.

1420 (25 марта) — Бой у Судомержи.

1420 (28 марта) — Жижка пришел на Табор.

1420 (конец апреля) — Поход Жижки на Писек, Прахатицы, Непбмук, Раби.

1420 (17 мая) — Жижка выступает из Табора на помощь Праге.

1420 (14 июля) — Поражение крестоносцев на Жижковой горе.

1420 (22 августа) — Жижка покинул Прагу.

1420 (12 октября) — Победа Жижки у Великого Бора.

1420 (24 декабря) — Умер Николай из Гуси. Жижка становится первым гетманом Табора.

1421 (16 марта) — Взятие таборитам и Хомутова.

1421 (20 апреля) — Жижка выступил из Табора в восточную часть Чехии.

1421 (7 июня) — Жижка избран на Чаславском сейме справцем.

1421 (начало июля) — Жижка теряет под Раби второй глаз.

1421 (7 августа) — Слепой Жижка выступил из Праги к Мосту.

1421 (октябрь) — Отступление Жижки от Плзня к Жатцу.

1421 (8 декабря) — Жижка ведет соединенное войско таборитов и пражан на крестоносцев.

1422 (10 января) — Разгром крестоносцев у Немецкого Брода.

1422 (30 октября) — Ян Гвезда и Богуслав Швамберг безуспешно пытаются захватить Прагу.

1423 (март) — Жижка покидает Большой Табор.

1423 (20 апреля) — Бой у Горжицы. Жижка разбивает панов Градецкого и Болеславского краев.

1423 (конец июня) — Жижка овладел Градцем.

1423 (4 августа) — Жижка наносит поражение у Градца соединенным войскам пражан и католиков.

1423 (середина октября) — Поход Жижки в Венгрию.

1423 (16 октября) — Святогавельский сейм в Праге.

1424 (6 января) — Жижка разбил панов у Скалицы.

1424 (7 июня) — Разгром пражан и католиков у Малешова.

1424 (начало сентября) — Из лагеря у Либени Жижка готовится атаковать Прагу.

1424 (11 октября) — Смерть Жижки.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Классики марксизма-ленинизма о крестьянских революционным движениях

К. Маркс. Хронологические выписки («Архив М. и Э. т, VI),

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (Со М. и Э., т, VIII).

Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развит* буржуазии. {Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1).

Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I–I М., 1941.

И… Сталин. Беседа с немецким писателем Эмиле Людвигом (И. Сталин, Сочинения, т. 13).

II. Литература о Яне Жижке и его времени на русском языке

В. Бильбасов. Чех Ян Гус. СПБ., 1869.

А. Васильев. Причины и характер чешского религиозного движения (статья в «Журнале Министерства народного просвещения», т. XXXVI за 1876 г.).

С. Венгеров. Причина гуситско-таборитского движения «Русской мысли»» 1881 г., № 12),

С. Венгеров. Провозвестники гуситского движения (в «Русской мысли», 1882 г., № 1).

С. Венгеров. Табориты и их общественно-политические идеалы (в «Вестнике Европы», 1882 г., №№ 8 и 9).

П. Висковатов. Иван Жйжка. Ревель, 1892,

А. Гильфердинг. Обзор чешской истории в «Собрании сочинений», т. 1, СПБ., 1868.

Жорж Занд. Ян Жижка. СПБ., 1902. (С большим предисловием проф. А. Трачевского.)

А. Клеванов. История религиозного движения в чехах (в шести книгах «Чтений» общества истории и древностей российских эа период 1869–1875 тт.).

В. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии. Харьков, 1864.

И. Палымов. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПБ., 1881.

В. Томек. История чешского королевства. СПБ., 1868.

В. Томек. Ян Жижка. СПБ., 1889.

В. Флейшганс. Ян Гус. М., 1916.

Я. Челяковский. О началах городского устройства Старого города пражского (в «Сборнике статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. 1, СПБ., 1907).

Ант. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века, т. 1, Юрьев, 1901.

Ант. Ясинский. Основные черты развития права в Чехии XIII–XV вв. Юрьев, 1902.

Ант. Ясинский. Введение «немецкого» права в селах Чехии XIV в. (в «Сборнике статей по истории права». Киев, 1904).

Н. Ястребов. Лекции по истории западных славян. СПБ., 1910.

Н. Ястребов. Этюды о Петре Хельчицком и его времени (в «Записках историко-филологического факультета СПБ. университета», часть 89. СПБ., 1908).

Х. Ящуринский. Социально-политическое учение Гуса. Варшава, 1878.

Я. Альберт. Гуситство и европейское общество. Прага, 1946.

Н. Грацианский. Наступление немецких захватчиков на славянские государства (в сборнике «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». М., 1944).

Ф. Меринг. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1937.

В. Пичета (редактор). История Чоти (сборник статей). М., 1947,

«Прага — Москва — Москва— Прага (тысяча лет культурной связи)». Прага, 1946.

Н. Преображенский. Крепостное хозяйство в XV и XVI вв. Прага, 1928.

А. Строков. Общий курс истории военного искусства., вып. 1. М., 1951.

Р. Урбанек. Гуситокое военное искусство и Европе., Прага, 1946.

III. Важнейшие первоисточники сведений об эпохе

а) «Гуситская хроника» магистра Пражского университета Лаврентия из Бржезова.

Выходец из мелкого дворянства магистр Лаврентий с жил писцом в королевской канцелярии. Будучи очевидц ем, а возможно и участником описываемых им событий, Лаврентий дал в своей хронике очень подробный, местами красочный рассказ о

первых трех годах гуситского движения. (1419–1422).

Магистр Лаврентий был приверженцем бюргерского гуситства. Его отношение к крестьянско-плебейскому движению таборитов меняется на протяжении летописи, которая видимо, писалась по мере развертывания событий. В начале своей летописи Лаврентий весьма благоволит к спасителю Праги таборитам, к Жижке и его народному войску. Но по мере того, как Табор становится независимой от бюргерства силой, симпатии Лаврентия постепенно отвращаются от Табора и таборитов. В средине летописи Лаврентий поместил большой полемический трактат, резко направленный против учения и действий таборитов.

б) Не менее важным первоисточником сведений об эпохе являются «Старые чешские летописи». Этим именем назван коллективный труд большого числа безымянных летописцев. Каждый из последующих авторов переделывал написанное его предшественниками, изменял текст, сообразно своим симпатиям и осведомленности о событиях.

К 1937 году было обнаружено всего 35 списков этой летописи. Тексты их были значительно отличны один другого. Чешский историк Шимек на их основании составил единый текст.

В «Старых чешских летописях» Табор описан, как полагают исследователи, одним «летописцем. Он был враждебен таборитам.

в) Небольшая «Летопись о Яне Жижке» написана Мартином Кутным в 30-х годах XV века. Летописец оставил описания многих походов Жижки, рассказал о данных им сражениях, об осадах замков и городов.

г) «Таборитская летопись», написанная епископом Табора Николаем из Пельгржимова, по объему велика— в ней 350 страниц. Она почти целикам заполнена богословскими делами и религиозной полемикой. Только 12 страниц относятся к общим делам Табора, к способам ведения войны, отношению таборитов к населению. Но и эти скудные крупицы сведений о Таборе весьма важны и ценны. Они случайно избежали варварского истребления, проводившегося католической реакцией в отношении всех письменных памятников, говоривших от имени таборитов или в их пользу.

д) второй том «Памятников чешской литературы» («Yybor literatury ceské»), который издал в 1857 году в Праге Карел Эрбен, среди прочего включает следующие важнейшие памятники:

1. Три письма Гуса из констанцской тюрьмы.
2. Летопись о смерти Яна Желивского.
3. Летопись о походе Жижки в Венгрию.

4. Воинский устав Жижки.

5. Четыре письма Жижки.

6. Гимн таборитов.

7. Протоколы Чаславского и Святогавельского сеймов.

е) В 1856–1866 годах проф. Гефлером изданы три тома письменных памятников гуситской эпохи под общим названием «Летописцы гуситского движения» (К. Hofler: «Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung», Wien, 1856–1866). В них заключено среди многих других летописей:

1. Подробнейшее донесение (на латинском языке) магистра Петра Младеновица, сопровождавшего Гуса в Констанц, обо всех событиях, связанных с пребыванием Гуса в этом городе.

2. «Требоньская хроника», описывающая события 1419–1439 годов. Как полагают исследователи, эта хроника была исходным материалом «старых чешских летописей». На ней в дальнейшем наращивались записи позднейших летописцев.

notes

Примечания

1

Бургграф — в средневековом Чешском королевстве военный и гражданский начальник королевского замка или города. Наивысший бургграф — военный министр.

2

Дедина — в средневековой Чехии, равно как и в древней Руси, наследственная родовая усадьба.

З

Земский суд — в средневековой Чехии суд, разбиравший тяжбы поместных дворян,

4

Хоругвь — по-старославянски значит знамя, а также большой военный отряд, собранный вокруг своего знамени.

5

В тексте книги, в военных схемах и на приложенной схеме названия чешских городов, рек, гор даны в традиционном русском начертании — чешскому корню слова придана русская флексия. Например, Домажлицы (а не Домажлице), Габры (а не Габри) и т. д.

Их онемеченные названия — Эльба и Одер.

7

Патриций, патрициат — правившая городами средневековой Европы богатая купеческая и ростовщическая верхушка.

«Архив Маркса и Энгельса», т. VI, — стр. 213.

9

Римские папы и их немецкие епископы уже к X веку сумели вытеснить из Чехии свою соперницу — восточно-греческую церковь, удержавшуюся в Чехии не больше ста лет. Католичество взамен восточного культа принял сначала княжеский двор, затем воеводы князя, а за ними и вынужденные к тому массы чешского народа. Все же среди чехов долго сохранялась память о богослужении на понятном славянском языке, о причащении мирян вином — об этих особенностях восточно-греческой церкви.

10

Курия, Римская курия — учреждения папского двора (Ватикана), управляющие католической церковью.

11

Сервициум — по-латыни «рабство», «плен». В делах католической церкви слово приобрело смысл откупа.

12

Декан — по-гречески значит «десятник». В церкви это старший каноник. Пробст — второе после епископа духовное лицо. Каноник — священник, член церковного совета (капитула). Викарий — обычно священник, заменяющий епископа.

13

Латифундии — обширные земельные владения (латинское слово).

14

Там же, стр. 125,

15

Там же, стр. 128.

16

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129–130.

17

«Священная Римская империя немецкой нации» — объединение государств, просуществовавшее десять веков, до начала XIX века. Помимо немецких княжеств, в его состав входили княжества Северной Италии, Чехия и ряд других государств. Глава этой империи (император) избирался несколькими виднейшими князьями империи — курфюрстами.

18

Официал — священник, выполняющий церковно-судебные функции.

19

Курфюрсты — три духовных и четыре светских князя, избиравшие в средние века германского императора.

20

Лишившись императорской короны, Вацлав остался королем Чехии. Чешское королевство было наследственным двором Люксембурокого королевского дома.

21

Река, на которой стоит город Рим.

22

Согласно «учению» мракобесов — богословов католической церкви — у «всевышнего» якобы хранятся неисчерпаемые запасы всяких добродетелей, образованных заслугами перед ним Христа. Этот своеобразный «фонд добродетелей» находится, по тому же учению, в распоряжении католической церкви и ее главы. Начиная от времен Клемента VI (1342–1352), папы черпали из этого запаса и по мере надобности предлагали по сходной цене.

23

Бирич, бирюч — в средневековой Чехии, равно как и в древней Руси, — городской глашатай, а также сыщик.

24

Таков был один из титулов императора Священной Римской империи.

25

«Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 219.

26

Седлак — по-чешски крестьянин.

27

Фавор, или (в латинском начертании) Табор, — гора в Палестине, недалеко от Назарета. Занимала видное место в раннехристианских легендах,

28

Старый город, так же как и Новый, в средние века делился в административном отношении на четыре четверти (квартала).

29

«Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 225.

30

Там же, стр. 225.

31

Телесный бой в понимании богословов — бой с противником силою материального военного оружия, в отличие от боя «духовного» — словом и убеждением.

32

Арбалет — ручное метательное оружие, род лука, укрепленного на ложе. Арбалет метал стрелы, а также небольшие пули из камня или металла.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 144.

34

Хилиазм — это христианская легенда о якобы предстоящем тысячелетнем царстве на земле самого Христа.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 323.

ведавшие внутренними делами братства.

37

И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 119.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 107,

Ныне вокруг этой горы расположен район Праги Жижков. В честь одержанной здесь победы на вершине горы воздвигнут монументальный памятник «Национального Освобождения».

40

Рыхтарж — главный городской судья.

41

Немецкое право было занесено в чешские города немцами-колонистами при попустительстве королей и панов.

42

Так называется по-чешски столица Силезии — Вроцлав.

Каждый из этих пражских городов делился на четыре четверти.

44

Рыцарь — слово, происходящее от ritter, что по-старонемецки значило всадник. Такой же смысл имеет и «кавалер» от французского chevalier.

45

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 130–131.

Так стали звать его чехи.

47

Табор кое в чем можно, пожалуй, срамить с возникшей через полтора века на низовьях Днепра Запорожской Сечью.

То есть один процент стоимости имущества.

49

140 километров

Слово «чело» здесь употребляется в значении фронт.

Другое, латинское, название Сирот — Орфаниты.

52

Провинция средневекового французского королевства.